

12+

Дэвид Грэхем Филипс

Белая магия любви

SelfPub, 2022
ISBN: 978-5-532-96004-6
FB2: Дэвид Филипс, 1910, version 1.0
UUID: 8069266c-dc79-44ac-9df9-51330443b419
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 16, 2023

Дэвид Грэхем Филипс

Белая магия любви

Увлекательный роман о любви молодого талантливого художника и очень богатой девушки, которая бросает вызов обществу и семье ради любви.

Содержание

Вкус к сладкому	0005
У художника появляется модель	0013
Урок в женщине	0027
Перевернутое каное	0034
Попытка удивить	0047
Коварство невинности	0060
Г-н Ричмонд приходит	0067
Отец в бешенстве	0074
Дела семейные	0080
Беатрис в цепях	0088
Питер посещает тюрьму	0096
Под покровом ночи	0103
Худшие четверть часа Питера	0112
Второй побег	0125
Потерянная судьба Уэйда	0128
Питер навещает Роджера	0134
Ричмонд пытается помириться	0144
Миссис Ричмонд восстает	0153
Роджер страдает в осаде	0160
Беатрис проигрывает	0167
Роджер побеждает	0177

**Дэвид Филипс
Белая магия любви**

Вкус к сладкому

Когда тетя Роджера Уэйда, Белла, умерла, она оставила ему сорок тысяч долларов в пятипроцентных железнодорожных облигациях и шестьсот девяносто акров дикой природы, простирающейся от окраины деревни Дир-Спринг до восточного берега озера Уошонг в северной части Нью-Джерси. Она ухитрилась поссориться и порвать со всеми остальными своими родственниками. Это было нелегкое предприятие, и в его успехе была дань ее силе характера; ибо каждый из этих родственников знал о ее имуществе, тосковал по нему, надеялся на него и был готов терпеть, даже приветствовать любое оскорбление, которое она сочла бы нужным совершить. Роджера она не видела четырнадцать лет—с тех пор, как он, восемнадцатилетний юноша, художник по происхождению, длинный и худой, с копной темно-каштановых волос и мечтательными серо-кариыми глазами, покинул свой родной Олений источник, чтобы учиться в Париже. Они с ней не общались ни прямо, ни косвенно—счастливое для него обстоятельство, поскольку несколько самых ожесточенных ссор Арабеллы Уэйд начались и переросли в непоправимый разрыв по почте. Помимо того, что она не знала его, у нее была еще одна причина выбрать его своим наследником: за год до своей смерти и за неделю до своего последнего завещания она случайно прочитала на первой странице нью-йоркской газеты восторженную заметку о его картинах и его успехе в Париже. Поэтому облигации и земля перешли к нему, а не к миссионерскому обществу.

Большая часть американских газетных пустозвонств об американцах за рубежом – это чистое изобретение, предназначенное для того, чтобы дать нам дома приятное представление о том, что мы захватываем землю. Но в этом замечании о карьере Роджера Уэйда была правда. Для такого молодого человека дела у него шли необычайно хорошо. Его чувство цвета и формы было поднято до гениальности воображением и оригинальностью. Его способности не имели недостатка в дешевой и мелочной, и вопиющей эксцентричности, которая так часто входит в состав оригинального и смелого воображаемого темперамента, чтобы омрачить его достижения и замедлить признание его заслуг. Таким образом, он быстро занял достойное место. Он мог рассчитывать на то, что продаст достаточно картин, чтобы получать от пятнадцати до двадцати тысяч франков в год; и эта сумма была примерно столько, сколько он, простой во вкусах, беззаветно преданный своей работе и равнодушный к позе и при творству, мог найти время и возможность потратить. Он знал, что через несколько лет ему будут навязаны гораздо большие деньги, чем ему нужно,—перспектива, к которой у него хватало здравого смысла относиться с недоверием, когда он вообще думал об этом. Пожалуй, единственное, что стояло у него на пути, – это его внешность. Как сказал один из его друзей, Бертъе, чьи панно будут восхищать до тех пор, пока сохраняется бледное, таинственное великолепие их неуловимых цветов, один на один, – Роджер, ты так похож на гениального человека, что трудно поверить, что ты настоящий.

Большой – это слово, наиболее близко выражающее его необычную внешность. Он был высок, широкоплеч и силен. Черты его лица были крупными, смелыми, красивыми. Темный цвет кожи, волос и глаз усиливал впечатление огромного роста. Отчасти дело было в реальных размерах, но только отчасти. Не самый случайный взгляд мог бы сообщить о суждении о простом объеме.

Он казался большим, потому что его лицо, все его тело казалось усилием Природы адекватно выразить большую природу. Герберт Спенсер сказал о самом превосходном комплименте, который когда-либо делал один человек другому, когда он сказал о Джордж Элиот, что она предложила “большой интеллект, свободно движущийся”. В Роджере Уэйде было это качество большой птицы, парящей высоко в голубом эфире над грязью и ничтожеством обычной жизни. Его внешность причинила ему немало неприятностей, о которых он ни в малейшей степени не подозревал. Ибо большая часть его очарования заключалась в его детской неосознанности – черта, менее редкая у художников и скульпторов, чем у любого другого класса гениальных людей, вероятно, потому, что их работа заставляет их постоянно концентрироваться на людях и вещах, на их внешности, никоим образом не связанной с их собственным эго. Если бы Роджер был физически тщеславен, несомненно, его привлекательная внешность погубила бы его. Зависть мужчин и увлечение женщин сделали бы побег невозможным. Как бы то ни было, он делал свою работу, игнорировал своих врагов и не был поработчен женщинами, которые появлялись в его жизни и снова исчезали. К счастью для мужчин, особенно для мужчин, стремящихся к карьере, женщины воспитаны на слабости цели и предпочитают, чтобы их любили, а не они, чтобы ими восхищались, а не они.

Его долгое пребывание за границей и успехам затронули его американизм только для того, чтобы идеализировать его. Мечтой всей его жизни по-прежнему было построить карьеру дома. Он был слишком способен поддаваться глупостям оптимизма. У него не было иллюзий по поводу трудностей, с которыми он столкнется и которые будут его преследовать. Он заметил, что тем американцам, у которых были деньги на покупку картин, обычно не хватало широты, чтобы оценить свою собственную страну, они считали ее “грубой и коммерческой”, что бы это ни значило, и предпочитали иностранных художников и иностранные сюжеты. Но, как и многие другие талантливые американские художники, он стремился внести личный вклад в изменение национальной гордости и уверенности, которые рано или поздно должны были произойти. Поэтому, когда тетя оставила ему наследство, он почувствовал себя свободным и ввязался в опасное американское приключение. Через два месяца после того, как он унаследовал свое небольшое состояние, он приземлился в Нью-Йорке, а его парижская карьера закончилась инцидентом; несколько дней спустя он поселился в старом фермерском доме на краю своего поместья в дикой местности, в миле от почтового отделения и железнодорожной станции в Дир-Спринг. На холме у озера Уошонг, в конце его поместья, холме, который казался горой по сравнению с крутыми склонами, окружавшими его со всех сторон. Он поспешно попросил деревенского плотника построить для него дом из одной большой и высокой комнаты, свободно пропускающей свет через большие окна в стенах и сделать огромное окно в крыше. Такое небольшое впечатление, какое произвело его возвращение, было полностью ограничено его родным Оленьим источником. Там ходили слухи, что, не сумев заставить Искусство платить, он вернулся домой, чтобы “бездельничать” и жить на деньги своей тети. Поскольку он испытывал отвращение к обсуждению своих планов, те из жителей деревни, которым удавалось втянуть его в более длительные переговоры, чем вежливый обмен приветствиями, не слышали ничего, что противоречило бы сплетням.

Ближе к концу апрельского дня, вскоре после того, как студия была закончена, Роджер добрался до нее в разгар страшной бури с дождем и ветром. Как раз перед тем, как он укрылся за северной стеной, налетевший порыв ветра швырнул ему в лицо тяжелое облако древесного дыма, поэтому, когда он вошел, он был не совсем готов к зрелищу, которое предстало его глазам, когда он утерся от воды и дыма. В камине у южной стены щедрыми руками развели огонь. На длинной низкой скамье, параллельной внешнему краю широкого очага, лежал незванный гость, который, несомненно, искал единственное убежище в радиусе мили, когда полчаса назад внезапно разразилась буря. Роджер предполагал, что он найдет мужчину, но он не был сильно удивлен, увидев, что это была женщина, для которой его крыша сделала такой хороший поворот.

Сняв промокшую шляпу и непромокаемую куртку, он добродушно сказал, – я рад, что вы чувствуете себя как дома!

Ответа не последовало, и фигура не шевельнулась. Он бросил свои накидки на один из тяжелых простых стульев, которые вместе со скамьей составляли всю мебель, которая у него была или которую он хотел. Он подошел к углу камина, чтобы взглянуть на своего гостя. Это была девушка, молодая крепко спящая девушка. Ее голова удобно покоилась на тонкой круглой руке и сложенном жакете. Ее милое, здоровое нежное лицо было обращено к огню и покраснелось от его тепла. У нее были густые желтые волосы, длинные ресницы немного темнее, очаровательный решительный рот, очень светлая кожа. С такой кожей женщина, в остальном гораздо менее хорошенькая, чем она, могла бы чувствовать себя в безопасности от любого вердикта невзрачности. Его натренированные глаза сказали ему, что она выше среднего роста и что у нее хорошая фигура, руки, ноги и тело хорошо сложены и находятся в правильной пропорции относительно друг друга. У нее были, по текстуре кожи, по виду волос, по рукам, те небольшие, но безошибочные признаки того, что она была воспитана вдали от труда и от тех волнений и беспокойств по поводу основных жизненных потребностей, которые так рано и так сильно воздействуют на тела масс человечества. Даже ее платье указывало на то, что она возвышается над обществом, хотя фетровая шляпа, небрежно приколотая на голове, простая блузка, короткая юбка из синей саржи, кожаные леггинсы и туфли – все это было сильно изношено. Есть разные способы состариться; путь дорогой одежды так же отличается от пути дешевой одежды, как путь дорого питаемых тел отличается от пути тел, плохо снабженных плохой пищей.

Он постоял несколько минут, наслаждаясь захватывающим зрелищем, наслаждаясь им и как художник, и как человек. Затем он подошел к огромному шкафу в западной стене, где хранил под крепким замком все ценное, что у него было в студии. Он сменил сапоги на ботинки. Достал и открыл складной столик, бесшумно поставив на него кастрюли и тарелки, включая спиртовку и две чашки с блюдами. Он приступил к приготовлению шоколада. Когда все было почти готово, он открыл упаковку печенья и наполнил им тарелку. Все это было сделано с мастерством старой, опытной экономки-холостяка. Он подвинул стол к очагу, в угол, поближе к ее ногам, и сел. Удача была на его стороне. Едва он устроился поудобнее, как ее глаза, серые глаза, открылись. Она увидела стол, дымящуюся кастрюлю с шоколадом. Она приподнялась на локте и увидела его. Он встретил ее изумленный взгляд с улыбкой, совершен-

но свободной от дерзости.

– Шоколад готов, – сказал он. – У меня нет чая. Видишь ли, я не знал, что ты придешь.

В его голосе звучал шутливый намек на старую и близкую дружбу, на разговор, продолженный после короткого перерыва.

Она провела рукой по глазам и снова уставилась на него, на этот раз немного дико. Выражение его лица – добрые глаза, рот без намека на жестокость или коварство, дружелюбная улыбка без фамильярности – сразу успокоило ее. Веселая улыбка скользнула по ее чертам – очаровательным, симпатичным чертам, хотя и не красивым.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу чай, – сказала она. – Кроме того, я голодна.

– Я приготовил достаточно для двух больших чашек, – заверил он ее. – Но у меня было только сгущенное молоко. В стране трудно найти другое.

Она взяла чашку, в которую он налил сначала, попробовала.

– Великолепно! – Воскликнула она.

– Я уже много лет славлюсь своим шоколадом, – самодовольно сказал он.

– Если бы ты не был таким тщеславным!

– Все тщеславны. У меня хватает смелости высказаться.

– Я не тщеславна, – ответила она. – Если бы это было так, мне было бы стыдно, что ты застал меня в таком состоянии.

И она взглянула на свой мятый и грязный наряд.

– Возможно, ты настолько тщеславна, что тебе все равно, – возразил он. – Ты сказала, что голодна, но не попробовала печенье.

Буря выла, стонала и грохотала по дому; огромный огонь изливал свои великолепные волны цвета и тепла, бросал таинственное и фантастическое сияние на серо-белое полотняное покрытие грубых стен, украшал лицо огромного молодого человека с копной черно-каштановых волос и стройной белокурой девушки с золотисто-желтой короной. И они смеялись и шутили, продолжая притворяться старыми знакомыми. Пили шоколад и ели печенье.

– Какая странная у тебя идея – жить совсем одному в этой комнате, – сказала она.

Роджер не стал ее разубеждать.

– Ты должна признать, что это удобно, – сказал он.

– Только ... Я не понимаю, как ты спишь.

Он махнул сигаретой в сторону шкафа.

– Я все держу там, – объяснил он. – Что касается моей ванны – ванна всего в полумиле отсюда – озеро Ваучонг.

Она задумчиво посмотрела на него.

– Да, тебе понадобится большая ванна, – сказала она.

Он видел, что она полна любопытства, но не хотел разрушать чары их старой дружбы.

– Что ты сейчас делаешь? – Спросила она (небрежный вопрос старого друга после короткой разлуки).

– Все тоже самое, – сказал он.

– Это хорошо, – сказала она, и оба рассмеялись.

Она внимательно огляделась, заметила окно в крыше, полотняную драпировку, наконец, сломанный мольберт, брошенный в угол.

– Как продвигается картина? – Спросила она, в ее глазах читалось восхищение ее умом.

– О, так себе, – ответил он, бросив взгляд на большой световой люк, затем на сломанный мольберт, чтобы показать, что он не считает ее проявление детективного таланта ошеломляющим.

– Жаль, что ты никогда не рисовал меня.

– Ты же знаешь, что я не стал бы браться за портреты, – строго упрекнул он. – Я оставляю это ребятам, которые хотят заработать деньги.

– Но почему бы не заработать денег? – Настаивала она. – Мне нравятся деньги, а тебе?

– Я женат на своем искусстве, – объяснил он. – В браке единственный шанс сохранить любовь живой и теплой – это бедность. Покажите мне богатого художника, и я покажу вам бедного.

Он говорил легко, но было очевидно, что он имел в виду то, что сказал.

На девушку это не произвело никакого впечатления.

– Лучше бы тебе никогда не влюбляться, – засмеялась она, состроив очаровательную гримасу. – Ты не найдешь ни одной женщины, которая честно вышла бы за тебя на таких условиях.

– Какая у тебя плохая память ..., – упрекнул он. – Разве я не говорил тебе, что никогда не должен этого делать?

– Я прекрасно помню, – ответила она. – Но я всегда отвечала, что ты не можешь быть уверен.

– О да, я могу, – сказал он с раздражающей, вызывающей уверенностью. – Как я уже сказал, я уже влюблен. И я самый постоянный человек, которого ты когда-либо знала.

– Это ничего не значит, – сказала она, проницательно глядя на него. И серые глаза, лишённые всей мягкости сна, теперь были скорее проницательными, чем добрыми. – Ты молод, несмотря на серьезный вид, и, полагаю, романтичен. Художники всегда такие. Ты влюбишься.

– Не исключено, – согласился он.

– И женишься, – заключила она с таким видом, словно доказала свою правоту.

– Если бы я любил женщину, я бы не женился на ней. Если бы я не любил ее, то не смог бы.

– Это похоже на головоломку—загадку. Я сдаюсь. Каков ответ?

– Я прожил во Франции несколько лет, – сказал он, – и усвоил здравый смысл их брачной системы. Любовь и брак не имеют ничего общего друг с другом.

Серые глаза широко раскрылись.

– Ничего общего друг с другом, – спокойно продолжал он. – Любовь – это сплошное волнение; брак должен быть спокойным. Брак означает дом, семью, место для воспитания детей в мире и спокойствии, безопасную гавань. Любовь – это богема, брак – буржуа. Любовь – это безумие; брак – это здравомыслие. Любовь – это болезнь; брак – это крепкое, флегматичное здоровье.

– По-моему, эти идеи просто ужасны! – Воскликнула она.

Он смеялся, глядя на нее своими глазами. Насмешливым тоном он сказал, – а ты, кто любит деньги, ты говоришь, что ты собираешься выйти замуж по любви? Просто по любви? Исключительно по любви?

Она отвела взгляд. Он громко рассмеялся. Она опустила глаза.

– И ни одной мысли о его перспективах получения дохода? – Он насмеялся.

Она оправилась от своего замешательства, рассмеялась в ответ на его признание, что она была справедливо поймана на утонченном, женственном лицемерии. Женщина – официально верховная жрица сентиментальности.

– Но я не оправдываю себя ни в малейшей степени, – воскликнула она. – В лучшие минуты мне стыдно за себя.

– Не стоит, – весело сказал он. – Ты просто человек. И никогда не нужно извиняться за то, что ты человек.

Она пристально смотрела в огонь.

– Ты бы ... женился на девушке ... скажем, ради ... ради денег? – Спросила она и покраснела не от жара огня.

– Как я тебе уже говорил, – ответил он, – я бы ни за что не женился, даже ради девушки.

– Разве ты не презирал бы любого, кто сделал бы такое?

Она по-прежнему избегала смотреть на него.

– Я не презираю, – ответил он. – Каждый из нас стремится к тому, чего он больше всего хочет. Я, посвятивший свою жизнь своей эгоистичной страсти к живописи, кто я такой, чтобы презирать кого-то другого за то, что он посвятил себя своей страсти к чему угодно: к комфорту, роскоши, снобизму – если это никому не вредит?

– Ты ведь не так уж стар, правда? – Задумчиво спросила она. – Ты выглядишь и говоришь, как человек с опытом. И все же ... Я не верю, что ты намного старше меня. Тебе не тридцать четыре! – Воскликнула она в искреннем смятении.

– Нет, но мне тридцать два. Значит, ты на десять лет моложе меня. Я догадался, что ты моложе, чем есть на самом деле.

– Да, мне двадцать два. Но в нашей семье мы хорошо держимся, то есть мама.

Эти открытия в отношении возраста, казалось, доставили обоим живейшее удовлетворение. Она сказала, – ты выглядишь моложе и говоришь моложе.

– Это потому, что я не притворяюсь. Люди думают, что любой, кто все еще откровенен и прост, должен быть очень молод и очень глуп... Я отсутствовал четыре года. Неужели я кажусь тебе невежественным и неинтересным?

– Нет ... очень откровенно ... наивно.

Она улыбнулась, покраснела и застенчиво посмотрела на него.

– Знаешь, я чувствую, что знаю тебя лучше, чем кого-либо в своей жизни, даже лучше своих братьев!

– Все говорят, что со мной легко познакомиться, – сказал он, – я практичный и благодарный.

Она выглядела разочарованной, но настаивала.

– Я чувствую себя свободнее в разговоре с тобой. Я бы сказала тебе все, что думаю, но никогда не осмеливалась.

– Таких вещей не бывает, – сказал он, поспешно удаляясь от личного. – Человек не может сказать всего, что он действительно думает.

– О, это ни капельки не правда, – воскликнула она. – Я думаю о многих вещах, которые не осмеливаюсь сказать, точно так же, как я хочу сделать много

вещей, которые не осмеливаюсь сделать.

– Но на самом деле, то, что ты говоришь и делаешь, – это твое настоящее "я".

Она вздохнула. – Мне неприятно в это верить.

– Да. Неприятно отказываться от лестного представления о том, что наши великие мечты – это наши настоящие "я", и что наши подлые маленькие планы и действия – это просто случайность или дьявол или кто-то еще, кроме нас самих.

Она посмотрела на него, и он с удивлением увидел, что в ее глазах стояли слезы.

– Не надо ... пожалуйста! – Взмолилась она. – Не усложняй мне то, что я должна сделать.

– Ерунда.

– Нет, в самом деле, – сказала она очень серьезно. – Помни, я женщина. И женщина должна делать то, чего от нее ждут.

– Как и мужчина, если он слабый.

Он изучал ее с выражением сочувствия, граничащим с жалостью, но без малейшего снисхождения; напротив, с излучением равенства, сочувствия, что, возможно, было его величайшим очарованием.

– Не обращай внимания на то, что я сказал, – продолжал он самым добрым, самым дружелюбным тоном. – Я не в состоянии разговаривать с молодыми девушками. Я прошел обучение в мире, где нет молодых девушек, а есть только опытные женщины того или иного рода. Ты была воспитана в определенном образе жизни, и единственное, что тебе нужно сделать, – это жить этой жизнью. Я говорил про кредо моей жизни, и оно так же отличается от твоего, как дикая утка от домашней.

Он встал, бросил многозначительный взгляд в сторону окон, через которые было видно ясное небо и вечерний свет. Она скорее почувствовала, чем увидела его намек, и тоже встала. Она огляделась и как – то странно усмехнулась.

– Я проснулась или все еще сплю? – Спросила она. – Я чувствую себя или говорю или веду себя совсем не так, как обычно.

Она снова рассмеялась немного цинично.

– Мои друзья меня не узнают, – она посмотрела на него и снова рассмеялась, без тени цинизма. – Я не узнаю себя в настоящем, – добавила она. – Такого никогда не было, пока я не приехала сюда.

Но Роджер не выказал ни малейшего желания отвечать на ее кокетство. Он сказал будничным тоном, – ты далеко живешь? Не лучше ли мне отвезти тебя домой?

– Нет, нет! – Закричала она. – Мы не должны ее портить.

– Что портить?

– Романтику, – засмеялась она.

Он выглядел удивленным, как человек гораздо старше, которому нравятся причуды ребенка.

– О, я понимаю! Однажды я ехал в поезде в Альпах, направлявшемся в Париж, и он остановился рядом с поездом, направлявшимся в Константинополь. Мое окно оказалось напротив окна девушки из Сирии. Мы проговорили полчаса. Затем ... мы пожали друг другу руки, когда поезда отошли друг от друга.

Это должно быть так? Хорошая идея.

Она слушала и наблюдала с почти возбужденным интересом.

– Ты больше никогда не встречал ту сирийскую девушку? – Спросила она.

Он беззаботно рассмеялся и пожал плечами. – Да, к сожалению.

Лицо девушки омрачилось. – Ты любил ее?

В его откровенных мальчишеских глазах блеснула добродушная насмешка над ее серьезностью.

– Как видишь, я выжил, – сказал он.

Она нахмурилась.

– Ты меня очень разочаровываешь, – сказала она. – Ты совсем не романтичен, не так ли?

– Я все это приберегаю для своей картины.

Она со смехом протянула руку. Они пожали друг другу руки; он проводил ее до двери. Она сказала, – я бы хотела, чтобы у меня было имя, чтобы запомнить тебя. – И она посмотрела на него с искренним и дружеским восхищением его красивым ростом. – Не твое настоящее имя. Это было бы совсем не романтично, а, как видишь, я без ума от романтики. – Она вздохнула. – Наверное, потому, что я ее никогда не получаю. Не смейся надо мной. Ты не можешь понять моего пристрастия к сладкому, потому что с тобой это все равно что держать кондитерскую.

– Да, это правда, – сказал он, глядя на нее с новым, более личным дружелюбием и сочувствием.

– Итак, – сказала она с задумчивой улыбкой, – назови мне имя.

Он задумался. – Можешь звать меня Чанг. Это было мое прозвище в школе.

– Чанг, – сказала она. – Чанг. – Она одобрительно кивнула. – Мне это нравится.... Меня звали Рикс, прежде чем я выросла.

– Тогда ... до свидания, Рикс. Спасибо за чудесный час.

– До свидания, Чанг, – сказала она с вымученной улыбкой и болью в глазах. – Спасибо за ... огонь и шоколад ... и ... – Она заколебалась.

– Не забудь про печенье.

– О, да. И за печенье.

Когда она неохотно ушла, он закрыл дверь и, отойдя подальше от окна, наблюдал, как она грациозно спускается по склону холма. Когда она уже почти потеряла из виду маленький домик, она обернулась и посмотрела назад. Она не могла его видеть, так далеко он был, но она махнула рукой и улыбнулась точно так, как будто он был на виду, и махал ей.

У художника появляется модель

Озеро Ваучонг – это венец очарования всей дикой природы северного Нью-Джерси, хотя и богатой разнообразием водотоков, с которыми трудно сравниться в истинной красоте: одинокие горы, с величественной и благоговейной крутизной; участки каменистого запустения и мрачного, наполненного горечью болота, которые кажутся подходящей границей ада. На юго-западной оконечности озера в него впадают воды ручья через небольшой водопад. Весной, особенно ранней весной, когда на водопаде больше всего воды и когда листва самая свежая, самая зеленая, ранние утренние солнечные лучи превращают этот маленький уголок озера в своего рода эссенцию и воплощение прекрасного детства Природы.

На следующее утро, всего через одно после приключения в студии во время шторма, Роджер усердно рисовал вид этого водопада, его холст стоял на мольберте, перед которым стоял он. Он всегда стоял за своей работой. В поле его зрения попало каноэ, в котором стояла на коленях девушка и с искусной грацией орудовала веслом. Он мгновенно узнал ее.

– Привет! – Дружелюбно окликнул он после странно взволнованного момента замешательства и восстановления.

Она повернула голову и улыбнулась. Одним ловким прыжком она обогнула каноэ так, что оно вылетело на берег в нескольких футах от того места, где он стоял.

– Доброе утро, Чанг, – сказала она. — Ты скучала по мне вчера за чаем или, скорее, за шоколадом?

– Я тебя не ждал, – ответил он.

– Ты не пригласил меня.

– Это было невоспитанно, не так ли? Но нет, я забыл. Мы попрощались навсегда, не так ли? Что ж, безопаснее готовиться к худшему в таком неопределенном мире, как этот. Не слишком ли рано?

Она выглядела немного смущенной.

– Первые несколько дней после приезда в деревню я очень энергична, – объяснила она. – Кроме того, в последнее время я ужасно беспокойна.... Ты работаешь?

– Так и было.

– О, я тебе мешаю, – она сделала движение, чтобы оттолкнуться. Он уклончиво улыбнулся, но ничего не сказал. Она не скрывала своего недовольства обращением, к которому, по-видимому, не привыкла.

– Ты мог бы, по крайней мере, проявить вежливость и сказать "нет". Я бы не воспользовалась этим, – сказала она, упрекая его шутливо за грубость.

– Я кое о чем думал.... Ты нужна мне на картине. Но позирование – утомительная работа.

Она просияла.

– С удовольствием. Ты позволишь мне? Я так хочу быть тебе полезной. Сколько времени это займет?

– Недолго ... то есть недолго в одно прекрасное утро, – извиняющимся тоном заверил он.

– Ты имеешь в виду – несколько дней с утра? – Сказала она, и в ее выразительных чертах смешались тоска и нерешительность.

– Я работаю медленно.

Чем больше он размышлял над этим вопросом, тем более необходимой она казалась для его картины. В нем проснулся эгоизм художника.

– Я уверен, что ты не будешь возражать, – сказал он, намеренно используя тон, который сделал бы отказ трудным, нелюбезным.

Странное напряженное выражение появилось в ее глазах, когда она задумалась.

– Я ... я ... не знаю, что сказать.

– Ты думаешь, я требую слишком высокую плату за свое гостеприимство?

– Нет—нет, в самом деле, – горячо запротестовала она. – Не могу сказать, о чем я думала.

Чем больше он обдумывал идею, которую навело на него ее появление в той грациозной позе в каноэ, тем больше это казалось вдохновением. Теперь он смотрел на нее только глазами художника. Она оперлась на весло, погрузившись в задумчивость; вид у нее был самодовольный, избалованный. Американская девушка исчезла с ее лица; солнечные лучи бросали золотой блеск на ее желтые волосы и нежную кожу. Он видел заманчивые возможности идеализировать ее лицо в центре и кульминации мечтательного романа, который он собирался сделать из своей первой американской картины. Его первоначальное желание избавиться от нее как от бесполезного, возможно, вызывающего беспокойство незваного гостя полностью исчезло. Он был полон решимости заполучить эту провиденциальную модель.

– Я не хочу быть неприятным, – сказал он, – но ты мне действительно нужна. Это было бы ... услугой, – он улыбнулся,—искусству.

Она, казалось, не слышала. Наконец она сжала губы и вызывающе посмотрела на него – странный взгляд, который почему-то на мгновение встревожил его.

– Куда ты хочешь, чтобы я себя поместила? – Спросила она, садясь в каноэ.

Они провели полчаса, пробуя различные позы, прежде чем он получил именно то, что хотел. Его безличный способ обращения с ней, его откровенные комментарии, некоторые из которых были лестными, другие наоборот, очень забавляли ее. Но он так же не осознавал ее веселья, как и ее личности или своей собственной. Она повиновалась ему без возражений, терпеливо выдерживала позу, которую он просил, – выдерживала целых пятнадцать минут. У него был способ, способ человека, который знает, что он делает, который внушал ей уважение и заставлял ее чувствовать, что она чего-то стоит.

– Прекрасно, – сказал он наконец. – Ты, должно быть, устала.

– Я еще немного выдержу, – заверила она его.

– Ни секунды. На сегодня достаточно. И я не хочу тебя отпугнуть. Я не должен искушать тебя бросить меня в беде, исчезнуть и никогда больше не появляться.

– Я обещала, – сказала она. – Я сдержу свое слово. Кроме того, она покраснела, глаза ее заблестели, улыбка была веселой, но смущенной, я делаю это не просто так.

– Мы еще не говорили о делах, не так ли? – Спросил он, ничуть не смутившись. – Ты можешь получить все, что захочешь, в разумных пределах.

Она рассмеялась.

– Мне нужно больше, чем деньги. Мне нужно твое драгоценное время. В об-

мен на мои услуги в качестве модели ты должен развлекать меня. Мне одиноко и скучно, и полно вещей, которые я хочу забыть.

– Сколько веселья за позу? – Спросил он.

– О, я не буду жесткой. Скажем – час.

– Сделка закрыта.

Она причалила к берегу, села на бревно неподалеку от него и отдыхала, пока он заполнял свои записи. Через несколько минут он взглянул на нее, хотел что-то сказать, но вместо этого удовлетворенно хмыкнул и принялся рисовать ее лицо, потому что мысли, позолотившие ее грезы, придали ее чертам именно то выражение возвышенной, неземной тоски, которое он хотел вложить в лицо на своей картине. Он лихорадочно работал, надеясь, что она не сдвинется с места и не развеет заклинание, пока он не получит то, что ему нужно.

Ссора между двумя малиновками из-за никчемной веточки, которую никто из них не хотел, испугала ее, согнал духовный взгляд с ее лица.

– Но я уловил, – сказал он. – Спасибо.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Второй раз ты позировала гораздо лучше, потому что ты этого не осознавала.

Его внезапная тревога выдала глубоко скромного человека, обеспокоенного достоинствами своей незавершенной работы.

– Пока нет, – решительно ответил он. – Подожди, пока будет на что посмотреть.

– Очень хорошо, – согласилась она.

Какая-то нотка в ее голосе заставила его рассмеяться. – Тебя нисколько не волнует картина, не так ли?

– Да, волнует, – запротестовала она. Но попытка скрыть, что он докопался до истины, была далека от успеха. Она и сама это поняла. – Меня волнует только плата, – призналась она.

– Мы можем говорить, пока я работаю.

Она запротестовала.

– Нет, это нечестно. Я уделила тебе все свое внимание. Ты должен заплатить таким же образом. Ты должен сделать все возможное, чтобы развлечь меня. – Иди сюда и сядь на это бревно.

Он повиновался.

– Ты заслуживаешь лучшей оплаты, – сказал он. – У меня никогда не было профессиональной модели, которая вела бы себя так хорошо.

– Знаешь, я никогда в жизни не делала ничего так послушно, – заявила она. – Я сама себя не понимаю.

За веселым взглядом, который она бросила на него, скрывалась серьезность.

– Я немного боюсь тебя. Я почти верю, что ты меня гипнотизируешь. Ты, кажется, усыпляешь мое обычное, повседневное "я" и будишь того, кто обычно спит, того, кого я знала до ... до недавнего времени, своего рода беспокойный призрак, который время от времени преследует меня.

Он, думая о своей картине, лишь наполовину обращал на нее внимание.

– Но ты выйдешь замуж за человека с деньгами, все в порядке, – рассеянно сказал он.

Она вздрогнула.

– Как ты узнал? – Спросила она. – Ты выяснил, кто я?

– Разумеется. Ты Рикс, модель для Чанга.... Нет, я пошутил. Я знаю только то, что ты сказала мне вчера или, скорее, то, о чем ты позволила мне догадаться.

– И ты одобряешь мой такой брак?

– Я вряд ли был бы виновен в дерзости одобрения или неодобрения.

– Откровенность не была бы дерзостью между нами. По крайней мере, я так к этому отношусь. Ты действительно одобряешь ... брак по ... по другим причинам, кроме любви?

– От всего сердца.

Долгое молчание. Затем она с усилием добавила.

– Когда я вернулась домой позавчера вечером, все, что там произошло, казалось нереальным, абсолютно нереальным, как сон.

– Даже печенье и шоколад?

– Даже ты, – ответила она.

Ее тон заставил его рассеянное внимание сконцентрироваться, заставил быстро взглянуть на нее.

Она улыбнулась.

– Не волнуйся, – сказала она. – Нет ни малейшей причины.

– Уверена? – Шутливо осведомился он. – Видишь ли, я не привык к молодым девушкам-американкам. Ты говоришь так свободно. Если бы я не был американцем, я бы неправильно понял.

– Какое это имеет значение, если ты так и сделаешь? – Возразила она.

– Конечно, это не имеет никакого значения, – признался он. – Продолжай.

– Если бы мое знакомство с тобой таким образом не казалось бы таким нереальным, не частью моей жизни, я бы не осмелился прийти. Так вот, не пойми меня неправильно. Это не значит, что я влюбляюсь в тебя, по крайней мере, я так не думаю, – добавила она мечтательно, – нет, я так не думаю.

– Удручающе, – сказал он с неловкой попыткой пошутить.

Ему не нравились эти откровенные черты его модели, эти тревожные отклонения от темы, которую он не хотел обсуждать или рассматривать ни с одной женщиной. Это было интересно, освежающе интересно, этот неслыханный, прямой способ решения вопроса, неизменно игнорируемого незамужней девушкой, достигшей брачного возраста, то есть, насколько он знал, его игнорировали, но, возможно, в Америке, выросшей во время его отсутствия, да, эта интересная дерзость была тревожной.

– Нет, я все тщательно обдумала, Чанг, – продолжала она. – Я не боюсь влюбиться в тебя. Просто то, что ты есть, то, за что ты делаешь, взывает к моему другому "я" —тому "я", которое я скоро заверну в саван и уложу в могилу —навсегда.... Приезд сюда для меня – своего рода развлечение. Но я не потеряю контроль над собой.

Она утвердительно кивнула, и в ее глазах мелькнула пронизательная искорка.

– Я тебя поддерживаю, – сказал он. – Так что тебе не о чем беспокоиться. Влюбиться – это совершенно не по моей части.

Он видел, что она верит в это не больше, чем любая другая женщина. Ибо, хотя он мало что знал о женщинах – о реалиях, касающихся женщин, о тонкостях женщин, – он не преминул узнать, что каждая молодая или моложавая

женщина считает себя экспертом в том, как заставить мужчин любить, как некий победитель всякий раз, когда она хочет приложить усилия, чтобы победить.

– У тебя своя дорога, у меня – своя, – продолжал он. – У них нет ничего общего. Так что нам не нужно тратить время на беспокойство о невозможном.

– Это правда, – воскликнула она с энтузиазмом.

Он сменил тему на более безопасные вещи, ведя себя так, как будто весь вопрос их отношений был решен. Но на самом деле он был глубоко встревожен. Если бы замысел его картины не захватил его так крепко (захват, который заставляет художника, перед лицом любого долга перед последствиями, какими бы тяжелыми они ни были), он бы ухитрился избавиться от нее в тот день раз и навсегда. Он пережил слишком много приключений, чтобы не знать об опасностях, подстерегающих весной в лесу молодого человека и молодую женщину, которым некому помешать. Ему не нравился собственный интерес к ней; его мало успокоили ее объяснения относительно ее интереса к нему, хотя он сказал себе, что должен быть осторожен, чтобы не судить американских девушек по иностранным стандартам. Но картина должна быть закончена, и она была незаменима.

Ясная погода держалась несколько дней. Каждое утро художник и модель встречались возле водопада и работали и разговаривали попеременно до обеда. Она приходила все раньше и раньше, пока не пробило шесть, когда ее каноэ выскочило из-за поворота, который превращал этот конец озера в небольшую бухту. Он всегда был там раньше нее.

– Ты проводишь здесь ночь? – Спросила она.

– Что ж, для меня это уже поздно, – ответил он. – Я завтракаю до восхода солнца и поднимаюсь в студию, чтобы поработать час, прежде чем спуститься сюда. Видишь ли, свет—солнечный свет—для меня очень важен. Поэтому я ложусь спать с цыплятами.

– Ты не живешь в студии?

Потом она покраснела и поспешно закричала, – нет, не отвечай. Я забыла.

По ее предложению они были осторожны, чтобы не проговориться о вещах, которые могли бы выдать их личность во внешнем мире. Это стало для них фетишем, как будто раскрытие разрушит очарование и положит конец их дружбе.

– У меня никогда в жизни не было ничего похожего на роман, – сказала она. – Наверное, я кажусь тебе очень глупой, но я хочу сделать все, что в моих силах. Ты ведь будешь потакать мне, правда?

И он согласился с высокомерной улыбкой на ее глупость, улыбкой далеко не такой искренней, как ему казалось, потому что, как и все мужчины его круга, он все еще был мальчиком и будет им всю свою жизнь.

Хотя она приходила раньше, она задерживалась подольше. Наступал полдень, прежде чем она медленно отплывала в своем изящном каноэ с высокими изогнутыми концами. Его беспокойство по поводу того, что творилось у нее в голове, прекратилось с ее вторым визитом, потому что она больше не заговаривала о личных вещах и обращалась с ним очаровательно, по-товарищески, что успокоило бы подозрения большего эгоиста, чем он. Она заставляла его вести большую часть разговоров о живописи и скульптуре, о книгах и пьесах, о мужчинах, которых он знал в Париже, о его любопытных или забавных

впечатлениях в отдаленных частях Европы. Было лестно иметь такую красивую слушательницу, такую неутомимую, такую заинтересованную; ее многочисленные вопросы, изменения в ее выразительном лице, тонкое чувство сочувствия, которое она излучала, – все это убедительно доказывало ее желание слушать, ее восторг от того, что она слышала.

Через много дней—не так уж и много,—когда их дружба достигла стадии близости, она начала пытаться разговорить его на тему женщин. Поначалу она делала это ловко. Во время умелого перекрестного допроса задавались вопросы, кажущиеся наиболее тривиальными, в тоне, кажущемся наиболее небрежным, с глазами, кажущимися самой невинностью. Но она напрасно расставляла свои ловушки. О любовных похождениях других мужчин он говорил, проявляя даже больше, чем необходимо, осторожности, чтобы избежать вещей, которые молодая девушка не должна была знать или понимать. О своих собственных любовных похождениях он ничего не говорил – ни слова, ни даже намек на то, что романтика когда-либо радовала его юность. Этот случайный намек на таинственную сирийку был его первой и последней неосторожностью, если что-то столь неопределенное можно было назвать неосторожностью. Поэтому она отказалась от тактики коварства и откровенно напала на него.

– Ты, безусловно, заслуживаешь доверия, – сказала она. – У тебя замечательное чувство чести.

– В чем дело? – Спросил он, не зная хода ее мыслей.

– Женщины, – объяснила она.

– О, женщины, – повторил он. – Пришло время снова приступить к работе.

– Не раньше чем через двадцать минут. Ты заставил меня работать сверхурочно десять минут, и согласишься, что я должна получить двойную плату за сверхурочную работу.

Он снова сел, немного рассерженный.

– Как я уже говорила, – продолжала она, – ты никогда не рассказываешь о себе и женщинах, за исключением сирийской девушки. Ты был ужасно влюблен в нее?

– Это было так давно. Я не помню.

– Я уверена, что она была без ума от тебя, и что ты устал от нее и разбил ей сердце.

Он рассмеялся. – Она замужем за моим другом и весит целую тонну. У них магазин ковров, и они обманывают богатых американцев! Я когда-нибудь рассказывал тебе о том, как двое мужчин в Париже купили ковер за одиннадцать тысяч франков и продали его американцу за...

– Почему ты всегда уворачиваешься? Ты действительно ненавидишь женщин?

– Не я. Как раз наоборот.

– И ты был влюблен?

– Да, был.

Ее улыбка продолжала храбро красоваться на лице, но тон был не совсем таким, как когда она сказала “Действительно влюблен?”

– Безумно. Много раз.

– Я не это имела в виду. Я имею в виду один единственный раз. Я почему-то чувствую, что в твоей жизни была великая любовь, любовь, которая опечали-

ла тебя, заставила тебя вычеркнуть женщин из своей жизни.

Он откровенно смеялся над ней.

– Какой ты романтик! – Воскликнул он. – Совершенно очевидно, что у тебя нет никакого опыта. Если бы он был, то ты бы знала, что это совсем не путь любви. Любой, кто может пройти его один раз, сможет пройти его любое количество раз. Это болезнь, говорю тебе. Ты хочешь влюбиться, и ты продолжаешь это делать, беря того, кто окажется удобным.

Это, казалось, удовлетворило ее.

– Я вижу, ты никогда не был влюблен, – сказала она. – У тебя просто был опыт. Мне это нравится. Я ненавижу человека, у которого нет опыта. Не то, чтобы я когда-либо думала, что ты не ... Нет, в самом деле. В первые пять минут нашего знакомства я сказал себе: "Вот человек, который прошел путь". Я поняла это по тому, как ты держался.

– Уловила! – Крикнул он.

– Вот так ... завладел—заставил меня полюбить тебя ... заинтересовал.

Он выглядел неловко ... взглянул на часы.

– О, с тобой столько всего случилось. А со мной никогда ничего не случилось, ничего, кроме этого, – вздохнула она.

– Но это! – Засмеялся он. – Разве ты не считаешь, что это приключение быть тайной моделью художника? Подумай, как ужаснулось бы твое чопорное, порядочное, благочестивое окружение, если бы узнало!

– Как ты думаешь, из какого сословия я родом? – Спросила она, вопросительно глядя на него.

– Это табу, – ответил он. – Я никогда не размышлял об этом. Когда твое каное огибает вон тот изгиб, я никогда не следую за ним. Ты начинаешься и заканчиваешься на повороте.

– Не понимаю, как ты можешь не интересоваться, – задумчиво произнесла она. – Я очень много думаю о тебе. Не то чтобы я хотела что-то знать. Я бы предпочла удивляться, воображать это, как мне заблагорассудится. Каждый день по-разному. Видишь ли, мне не о чем думать – немного интересного. Честно говоря, ты совсем не интересуешься мной?

– Я всегда так относился к своим друзьям, – ответил он и искренне объяснил, – они интересуют меня только такими, какими кажутся мне. Почему я должен беспокоиться о том, что они значат для других людей—людей, которых я не знаю и не хочу знать?

– Разве это не странно? – Задумчиво произнесла она. – Ты действительно так думаешь? – Она покраснела и поспешно добавила, – конечно, я знаю, что ты имеешь в виду. Ты не должен обижаться на мои слова. Видишь ли, люди, которых я знаю, совершенно другие. Вот почему я чувствую, что все это – нереально – сон.... Ты действительно не заботаешься о богатстве и социальном положении и обо всем этом? Ни капельки?

– А с чего бы мне? – Равнодушно спросил он. – Это не в моей игре, а человека волнует только то, что в его игре.

– Та, другая игра ... Она кажется тебе очень плохой, не так ли?

Он пожал плечами.

– Да, я знаю, что это так. Мне так кажется, когда я ... здесь ... и даже когда меня здесь нет.

– Зачем беспокоиться о таких вещах? – Сказал он тоном, который указыва-

ет на полное отсутствие интереса.

После паузы она сказала:

– Ты можешь не поверить, но я ужасный сноб—там, снаружи.

– Но не здесь. Здесь не из-за чего быть снобом, слава Богу!

– Да, я настолько отличаюсь от других, насколько это возможно, – продолжила она. – Есть люди, которых я ненавижу, но с которыми я мила из-за того, что они занимают социальное положение. Я, как и все остальные девушки, без ума от социального положения и люблю пренебрежительно относиться к людям.

– Не рассказывай мне об этом, – мягко перебил он, но выражение его прямых, честных глаз заставило ее покраснеть и опустить голову. – Мне жаль, что ты становишься такой, когда тобой завладевает черный маг, который правит за изгибом. Но то, что он делает с тобой, не меняет того, что белая магия делает с тобой здесь.

Ее глаза, все ее лицо загорелись.

– Белая магия, – тихо повторила она. После короткого раздумья она вернулась к этой теме и продолжила, – я сказала тебе, потому что мне ... мне стыдно обманывать тебя... Интересно, действительно ли ты такой большой и честный, каким кажешься? Там никого нет. Они подлые и мелочные! Когда видишь насквозь, кем они притворяются, притворяются даже перед самими собой. Я такой же большой мошенник, как и все остальные. И я часто убеждаю себя, что я милая и хорошая и ... Если бы я только могла ... – Тут она замолчала, оставив свое желание невысказанным, но легко вообразимым.

– Чтобы не обращать внимания на мелочи, нужно заполнить свой разум большими вещами, – сказал он. – Но ты не виновата в том, что ты такая, какой тебя вынуждает быть твое окружение.

– Как ты думаешь, я могла бы быть другой? – Спросила она, затаив дыхание, ожидая его ответа.

– Я не думал об этом, – был его удручающий ответ. – Навскидку я бы сказал, что нет. Ты в том возрасте, когда почти все немного думают. Но это скоро прекратится, и ты станешь тем, кем тебя лепили с младенчества.

– Я знаю, что многого не стою, – смиренно сказала она. – Там, под черной магией, я тщеславна и горда. Но здесь я чувствую, что я просто ничто.

– Ты превосходная модель, – сказал он утешающе. – Действительно превосходная.

– Пожалуйста, не издевайся надо мной. Честно говоря, тебе не кажется, что я банальна?

Он одарил ее своей прекрасной, нежной улыбкой, особенно прекрасной, исходящей от такого крупного, мужественного мужчины. И он сказал, – ничто из того, на что светит солнце, не является банальным.

У нее развилось сильное любопытство к общим аспектам его дел: к его надеждам и страхам на будущее. Ее попытки разговаривать его на эти темы забавляли его. Его откровенное признание в том, что он неизвестен в Америке, сбilo ее с толку; ей и в голову не приходило, что его могут знать за границей. – И ты проработал там много лет? – Спросила она.

– Всю свою жизнь.

Она смотрела на него с нежным сочувствием. – Тебя не обескураживает, что тебя не узнают? – Спросила она.

– Ни капельки, – заявил он со всей искренностью. – Все стоящее требует времени. В любом случае, мне все равно. Моя жизнь в безопасности. Видишь ли, я довольно богат.

Ее глаза широко раскрылись.

– Богат! – Воскликнула она. – В самом деле? Я думала ... – Тут она замолчала, покраснев.

– О, да. У меня сорок тысяч, не говоря уже о моей земле.

– Сорок тысяч в год! Это очень хорошо. – И по ее лицу было видно, что ее мозг занят и чем он занят.

Он громко рассмеялся. – Сорок тысяч в год! – Воскликнул он. – Нет, две тысячи в год.

Ее огорчение было жалким.

– О! – Уныло воскликнула она. – Мне казалось, ты сказал, что богат.

– Так и есть. Потому что, когда я думаю о том, как я жил на меньше чем две тысячи франков в год, я чувствую себя Ротшильдом. – Он постарался сохранить серьезное выражение лица и серьезный тон, когда добавил, – почему у тебя такой несчастный вид?

– Ничего. Только ... Ты меня так потряс! На минуту мне показалось, что ты ... ты другой.

Он воспользовался ее скорбной рассеянностью, чтобы вернуться к своей работе. Она была так поглощена, что не заметила, как он “обманывал” ее, хотя все его другие попытки сделать это были быстро обнаружены и пресечены. Время от времени он поглядывал на нее и недоумевал, почему она так мрачна. Наконец он решил прервать ее. В его глазах появилось озорное выражение. Он сказал, – ты подумывала о том, чтобы уйти от этого другого богатого человека?

Ее охватило смущение. Затем она встретила его смеющиеся глаза с храброй попыткой насмешки. – Ну ... я лучше выйду замуж за богатого человека, который мне нравится, чем за того, кто мне не нравится.

– Естественно. Но забудь обо мне, пожалуйста. Не забывай, я не кандидат. – Он был рад возможности напомнить ей о своих взглядах на брак.

– Не бойся, – сказала она, выдавив из себя смешок и кокетливо презрительный взгляд. – Мы в равной безопасности друг от друга.

На восьмое утро на рассвете начал моросить дождь, и к тому времени, когда художник и модель должны были быть на работе, шел сильный холодный ливень. Тем не менее, Чанг в своей непромокаемой одежде спустился на берег озера. Ему нужно было прогуляться. Он всегда гулял, независимо от погоды; почему бы не в этом направлении? Когда он приблизился к водопаду, он был поражен, увидев, что каноэ выброшено на берег в обычном месте. И там, съжившись под деревом, такая же скорбная, как дрожащие птицы, стояла Рикс. Он поколебался и тихо пошел обратно тем же путем, каким пришел.

– Нет, – сказал он себе, – она может меня заметить. Тогда она обидится, и что станет с моей картиной?

Поэтому он повернулся, повинувшись этим советам спокойного и непредвзятого здравого смысла.

– Что ты здесь делаешь? – Спросил он с дружеской суровостью, подходя ближе. – Ты простудишься насмерть.

При звуке его голоса ее поникшее тело восторженно выпрямилось. При ви-

де его, выглядевшего еще более потрясающе, чем когда-либо, в большом непромокаемом плаще, она улыбнулась, как солнечный луч.

– Ты ужасно опоздал! – Упрекнула она.

– Поздно! Сегодня мы не можем работать.

– Ты не говорил мне не приходить, если пойдет дождь, – сказала она с убедительным видом невинности. —И ... Я не хотела потерять зарплату за день.

Он все еще хмурился.

– Я был очень близок к тому, чтобы вообще не прийти, – сказал он. – Это была простая случайность, что я пошел в этом направлении.

– Но ... ты это сделал, – лукаво сказала она.

– Почему бы и нет? – Был его тщательный небрежный ответ. – Я гуляю, идет дождь или светит солнце.

– Я тоже не возражаю против дождя, когда готова к нему, – весело сказала она. – Ты не представляешь, как увлекательно плавать на каноэ под дождем.

Но это его не убедило. Он стоял, мрачно глядя на озеро, как будто видел грозных врагов, приближающихся под покровом густого синего тумана. – Мне нужно идти через несколько минут, – сказал он почти отрывисто. – Я договорился о поездке в город, так как сегодня не могу работать.

– Чтобы продать картину?

– У меня их нет. Тех, что были сделаны за границей, еще нет. В любом случае, я собираюсь показывать только американские работы.

Долгая пауза—неловкая пауза. Затем она сказала в своей бесхитростной, безличной манере, – я думаю, что жена была бы очень полезна художнику.

–Ты имеешь в виду, в качестве подручного? – Яростно перебил он. – Ни один настоящий художник не опустился бы до чего-то столь унижительного для его искусства и для него самого.

– И все же ты рассказывал мне о всевозможных странных схемах, которые ты придумал, чтобы заманить покупателей, – сказала она.

– Художник, который женится, – дурак, и даже хуже, – кисло сказал он. – Если он счастлив в браке, его воображение подавлено до смерти. Если он несчастлив в браке, его зарежут насмерть.

Она слушала сладко и терпеливо. – Сегодня я думаю о свадьбе, – сказала она доверительно и по-детски невинно.

– Это обычно волнует молодых девушек, – сказал он, большой и хмурый.

– Но мои ... мои дела близки к кризису, – продолжала она. – И одна из причин, по которой я прошла сквозь дождь, заключалась в том, что мне нужен был твой совет.

Он встряхнул своим большим телом, отчего вода полетела, как от шерсти большой лохматой собаки, после купания.

– Я не даю советов, – сказал он нелюбезно. – Когда вы даете совет, вы берете на себя ответственность за последствия. Кроме того, я недостаточно знаю о тебе, чтобы судить.

Ее взгляд, устремленный на него, был сущностью неявного доверия. —Ты знаешь обо мне больше, чем кто-либо в мире, больше, чем я сама.

Он коротко рассмеялся. – Я ничего о тебе не знаю. Девушки не по моей части.

Ее хорошенькое личико, еще более красивое из-за окружавшей его унылости, теперь приняло выражение оскорбленных чувств. – В чем дело, Чанг? –

Мягко спросила она. – Ты сегодня не слишком дружелюбен.

Его лицо не могло не смягчиться перед этим сладким призывом. Он сказал более добрым тоном, – я думаю, тебе следует вернуться домой. Я уверен, что ты простудишься.

Она, казалось, испытала огромное облегчение. – О, так вот почему ты сердишься, не так ли? – Весело спросила она. – Не беспокойся обо мне, Чанг. Мне так сухо и уютно, как только может быть. А теперь будь добр ко мне. Я не представляю, как выйду замуж за Пита, то есть за этого человека. Он славный парень ... симпатичный ... у него есть все, что я хочу ... но ... О боги! Он такой мерзавец!

– В чем дело?

– Есть много мужчин и много женщин—гнилушек— людей, которые ... ну, вы всегда знаете, что они собираются сделать, прежде чем они это сделают, и что они собираются сказать, прежде чем они это скажут.

– Это звучит как хороший материал для брака. Знаешь, тебе не нужны сюрпризы в супружеской жизни.

– Чанг, как я смогу пережить это? – Уныло воскликнула она.

– Ты говоришь, что он хорош и богат.

– Он действительно очень хорош собой, – продолжала Рикс, наблюдая за ним краем глаза. – И он прекрасно одевается—у него все в порядке. Против него нет ничего, кроме ... —И тут она запнулась, как будто не была уверена, есть ли в конце концов возражения против этого человека.

– Кроме ... чего? – Спросил он, раздраженный долгой паузой в самом волнующем месте рассказа.

Она втайне радовалась успеху своей уловки. Но она жалобно сказала, – о, тебе это неинтересно. Ты меня не слушаешь.

– Я уверен, что ты ужасно простудилась. Из-за всех этих абсурдных, глупых представлений.

– А теперь не читай мне лекций о здоровье. Я просто не могу этого вынести. Я уже собиралась сказать, когда ты прервал меня.

– Я не прерывал тебя, – запротестовал он.

– Невнимание мешает, – сказала она. – Во всяком случае, сейчас ты меня перебиваешь. Единственное, что я хочу сказать против него, – это то, что я его не люблю.

Это, казалось, развеселило большого, темноволосого молодого человека. С некоторой веселостью он ответил, – но скоро ты это сделаешь. Ты хорошо воспитана, не так ли? Что ж, это означает, что ты—просто девушка—готова быть такой, какой тебя выберет твой муж.

– Это верно для большинства девушек, Чанг,—он вздрагивал каждый раз, когда она называла его этим именем, – но это не относится ко мне, по крайней мере, больше не относится. Ты вложил в мою голову самые разные идеи.

Он испуганно отшатнулся перед ее обвиняющим, укоризненным лицом, таким печальным, таким серьезным.

– Я? Вложил идеи в твою голову? Да ведь ты жужжала и кипела от них, когда я увидел тебя в первый раз.

– Но они ничего не значили, пока ты...

– Это похоже на женщину! – Возмущенно воскликнул он. – Пытаются переложить ответственность на кого-то другого.

– Но ты имеешь на меня огромное влияние.

– Чушь! Я когда-нибудь пытался повлиять на тебя?

– Я не знаю, как ты его получил, – была ее сводящая с ума женская уклончивость.

Он что-то вроде фыркнул.

– В следующий раз ты обвинишь меня в том, что я советую тебе не выходить замуж за этого богатого человека, с которым ты помолвлена.

– Не совсем помолвлена, – поправила она. – Он хочет, чтобы я была. И, – продолжала она с кротким упрямством, – ты не возражал против этого.

– А теперь, Рикс, – почти закричал он, указывая на нее пальцем, – остановись прямо здесь!

– Пожалуйста, Чанг, уйди с дождя. И не говори так громко, это заставляет меня нервничать. Я и так почти в истерике.

Он в ужасе посмотрел на нее. Все, что требовалось, чтобы полностью расстроить его, – это чтобы у нее случилась истерика. Он придвинулся к ней поближе и продолжил успокаивающим, убедительным тоном, – я советовал тебе выйти за него замуж.

– И такие разговоры были недостойны тебя, – сказала она, как укоряющий ангел. – На самом деле ты не это имел в виду. Ты же знаешь, что сам не опустился бы до такого.

На его откровенном лице было совершенно дикое выражение, так взволнован и смущен он был ее быстрыми поворотами и увертками, так встревожен, когда почувствовал приближение ужасной опасности.

– Мы говорим не обо мне. Мы говорим о тебе и твоих делах, или, скорее, ты говоришь о них. Не впутывай меня в это.

– Но как я могу? – Мягко возразила она, с восхищением глядя на него. – Ты стал очень значимым в моей жизни. Если бы я знала тебя раньше, я была бы совсем другим человеком. Даже сейчас я чувствую, что со мной происходят большие перемены.

– Ты простудилась, – перебил он, отчаянно пытаюсь пошутить и отвлечь ее. – Ты должна ехать прямо домой.

– Чанг, – сказала она, положив руку ему на плечо, – если бы ты был богатым, а не бедным, ты бы так со мной разговаривал?

– А теперь, Рикс, прекрати эту чушь.

– Не надо, Чанг, – взмолилась она. – Ты не хуже меня понимаешь, что мы совершили ужасную ошибку.

Он не решился ответить.

– Ты понял это, как только увидел меня сегодня утром, не так ли? – Продолжала она. – Да, я видела это в твоих глазах. Я почувствовала это в твоих глазах.

Он вдруг схватил ее за плечи, пытливым взглядом заглянул в глаза. – Это совсем на тебя не похоже, Рикс. Что ты задумала?

Она просто смотрела на него – взгляд, который ему было трудно выдержать, и все же он не мог отвести зачарованных глаз.

– Ты пытаешься меня обмануть. Почему? – Спросил он.

– Потому что мы любим друг друга, Чанг, – сказала она просто и ласково, как ребенок.

Он мягко рассмеялся. – Какой ты романтик! К счастью, я мужчина. Я не вос-

пользуюсь ребенком.

– Мне двадцать два.

– И ничего не знаешь о мире, как младенец, – заявил он, как дедушка внуку.

– Я знаю, чего хочу, когда вижу это, так же хорошо, как и ты, Чанг, – твердо ответила она. —Лучше ... потому что ты заставляешь меня говорить обо всем ... что не по—джентльменски с твоей стороны.

Ее глаза наполнились слезами ... и они выглядели очень мило ... как залитые росой фиалки. – Если бы ты не сдерживался просто потому, что беден, я бы так легко тебя не простила.

Он убрал руки с ее плеч и резко отвернулся. Он подошел к краю озера и стал спорить сам с собой. Когда он вернулся к ней, он был безмятежен, хотя и серьезен. При виде выражения его лица, которого она с нетерпением ждала, она вздрогнула.

– Рикс, – сказал он, и вся искренность и простота его натуры были в его глазах и голосе, – тебе повезло, что я немного пожил, иначе мы могли бы втянуть друг друга в ужасную неразбериху. Ты думаешь, что влюбилась, не так ли?

– Я знаю это, Чанг, – бесстрашно ответила она.

– Ну, я знаю, что ты не влюбилась в меня. Ты просто влюбилась в любовь. Твое воображение было потрясено этим маленьким приключением, которое кажется тебе таким романтичным. И настанет день, когда ты поблагодаришь меня за то, что у меня хватило ума понять тебя и понять, что моя сильная симпатия к тебе тоже не любовь.

– Это то, что я называю любовью, – сказала она, устремив на него серьезный, задумчивый взгляд. – Разве ты не скучаешь по мне и не думаешь обо мне все время, когда мы не вместе, так же, как я? Разве ты не приходишь все раньше и раньше, так же, как я? Разве ты не боролся сегодня против того, чтобы идти под дождем, как и я? Разве ты не боялся, что будешь разочарован, как и я? И разве ты не должен был просто прийти...

Внезапно он вышел из себя. – Это слишком раздражает! – Воскликнул он. – Я поступил неправильно, позволив тебе прийти сюда. Я был достаточно невиновен в этом...

– Ты не смог бы удержать меня, – перебила она с каким-то детским ликованием. – Вред был нанесен в первый же день-из-за шоколада. Не так ли, Чанг? Честно говоря, не так ли?

– Ты милая маленькая девочка, но...

– Если бы ты знал, как я боролась в тот вечер и ночь, и весь следующий день и ночь, и как рано я отправилась на поиски тебя. Неужели ты не начал охотиться за мной?

– Нет, – сказал он скорее резко, чем убедительно.

– Тогда о чем ты думал в то первое утро у водопада?

Он виновато покраснел. Действительно, Чанг был очень плох во всех видах обмана, за исключением, возможно, самообмана.

– Я наблюдала за тобой полчаса. Ты рисовал лицо, Чанг, вместо водопада. Чье это было лицо?

– Твое, – признался он, как будто это не имело никакого значения. С улыбкой терпеливой снисходительности он продолжал, – о, если бы у тебя был опыт! Но у тебя его нет. Вот почему ты так себя ведешь. А теперь послушай ме-

ня, дитя мое.

– Мне больше нравится Рикс, – вмешалась она.

– Неважно, – сказал он, нетерпеливо отмахиваясь. – Я не люблю тебя. Я не женюсь на тебе. И ты должна перестать делать мне предложение. Я никогда не слышал о таком тщеславии! Что подумают о тебе люди?

– Ты научил меня не обращать внимания на то, что думают люди. Ты сказал, что презираешь...

– Что бы я ни говорил! Что ты о себе будешь думать? Что я буду думать о тебе?

– Что я люблю тебя, – ласково сказала она.

Он безнадежно посмотрел на нее и в отчаянии развел руками. – Ребенок, просто ребенок. Иди домой и повзрослей! – Крикнул он и быстро зашагал прочь, громко хлопая подолами своего длинного плаща и громко шурша потревоженными зарослями дикой природы.

Урок в женщине

На следующий день, ближе к четырем, Уэйд услышал в студии стук в дверь. Он узнал его так быстро, что можно было почти заподозрить, что он ожидал его или, может быть, надеялся на него, что было бы более точной формулировкой? Вместо ответа он на цыпочках прошел по полу, навалился всем весом на дверь, так как там не было ни засова, ни вообще какого-либо крепления, кроме неиспользуемого наружного засова и висячего замка. Если это нападение должно быть отражено, он должен полностью полагаться на свои собственные силы без посторонней помощи. Он не удовлетворился силой своего веса; он напрягся и толкнул.

Стук повторился прямо между лопатками, между которыми была всего лишь дюймовая планка.

Как будто ее красивые костяшки пальцев постукивали его по спине, по спинному мозгу, который, как всем известно, немедленно излучает ощущения во все части даже такого огромного тела, как у Чанга. Он побледнел, потом нелепо по-мальчишески покраснел. Он пробормотал что-то вроде “чертов дурак” – и это, несомненно, было адресовано ему самому.

Стук раздался в третий раз, быстро. Торжествующий стук, как бы говорящий: “Так ты там, не так ли? Ну, сдавайся немедленно!”

Он удивился, как она узнала, потому что он, конечно, не издал ни звука, который она могла бы услышать. С четвертым и самым энергичным стуком он открыл секрет. Он заметил, что его тело, прижатое к двери, заставило стук звучать по-другому. Он поспешно отстранился, уперся руками в дверь высоко над тем местом, куда она, всего лишь человек среднего роста, и притом среднего роста женщины, могла дотянуться. Когда она постучала снова, он почувствовал себя нелепо. Ибо звук, снова глухой, должен был показать ей, что внутри действительно произошло какое-то изменение условий, без сомнения доказывающее присутствие какого-то разумного или, по крайней мере, использующего мозг, существа.

Его плохое мнение о себе и страх перед ее пронизательностью были немедленно оправданы.

– Это всего лишь я, – крикнула она. – Значит, ты можешь открыть.

Какая наглость! Как будто ему не терпелось увидеть ее, как будто он тут же откроет для нее! Да она просто бесстыдна, эта милая, невинная молодая девушка. Нет, это было несправедливо. Только потому, что она была невинна, она совершала эти диковинные, возмутительные вещи. И все же, как могла девушка двадцати двух лет, чрезвычайно умная, как она могла не знать, что было прилично и скромно для молодой женщины, имеющей дело с холостяком? Как могла она отважиться, нет, не просто отважиться, а смело взяться за эту тему, на которую девушка никогда не должна даже намекать, пока мужчина не вынудит ее к этому?

– Не понимаю, – пробормотал он. – Она какая-то странная смесь мастерства и невинности. И где начинается одно и заканчивается другое, я буду счастлив, если узнаю. В этом есть какая-то тайна. У нее есть какое-то представление, какое-то ложное представление или что-то еще-Бог знает что. Все, что я знаю, это то, что она должна прекратить преследовать меня, и она не должна входить.

Как будто услышав эти сердитые, но осторожные нотки, она сказала, – ну, Чанг, не будь глупым. Я знаю, что ты стоишь по другую сторону двери. Я поняла это по тому, как звучали стуки. Кроме того, я только что заглянула в щель внизу и увидела твои большие ноги.

Тогда он действительно почувствовал себя ослом! Пойманный, держась за дверь, как десятилетний мальчик, он, большой, огромный, взрослый мужчина, не меньше тридцати двух лет! Тем не менее, из двух абсурдных путей, открытых ему – впустить ее и продолжать преграждать ей путь, – менее абсурдным было последнее. Встретиться с ней лицом к лицу с красным и застенчивым лицом, встретиться с ее насмешливой улыбкой – об этом не стоило и думать.

– Не бойся, Чанг, – усмехнулась она. – Со мной нет священника.

– Беги домой, глупое дитя, – крикнул он. – Я занят, и мне нельзя мешать.

– Я должна увидеть тебя ... хотя бы на минутку, – взмолилась она, – такая мольба-это приказ. – Не будь таким тщеславным. Не воспринимай себя так серьезно.

Ее голос, в нем звучали насмешливые нотки. И он, безусловно, ставил себя в положение эгоистически поверившего до крайности ее вчерашним замечаниям, которые, вероятно, были не чем иным, как фантастическим настроением. Но он просто не мог открыть эту дверь и встретиться с ней лицом к лицу. Он на цыпочках отошел от двери на три-четыре шага, потом тяжело зашагал, крикнув тоном грубоватого безразличия, – но не забывай, что я занят. К счастью, он случайно взглянул на картину; у него как раз было время поспешно накинуть на нее штору. Он подошел к камину и занялся огнем, на следующий день после проливного дождя было почти по-зимнему прохладно. Он услышал, как открылась и закрылась дверь.

– Твои манеры просто шокируют, – услышался ее голос.

Он повернулся к ней лицом. Нет, она несколько не смутилась, как можно было бы ожидать, увидев его в первый раз после ее предложения. Что это значит? Что было в этом трудолюбивом, подвижном уме? Она была одета гораздо лучше, чем когда была его моделью. Ей было очень к лицу серое платье и маленькая серая шляпка в тон. Да, она выглядела красивее, более женственной, но...

– Как тебе мой новый костюм? – Спросила она.

– Очень хорошо, – ответил он. – Но в то время как ты что-то приобрела, ты потеряла больше.

– Я знаю, – призналась она. – Я увидела это в тот момент, когда посмотрел на себя в зеркало, и я чувствовала это всю дорогу сюда. Я потеряла то, что тебе больше всего нравится во мне. То есть я не совсем потерял это, но скрыла. Но оно все еще здесь.

В ее тоне слышалось веселье от удовольствия поддразнивать его.

Он стоял спиной к огню и ждал. Она медленно подошла к нему, останавливаясь на каждом втором шаге. Ее улыбка была загадочной и тревожной. Это была насмешливая улыбка, но что за ней скрывалось? В чем была тайна этого предложения?

– Ну, теперь, я полагаю, ты будешь удовлетворен, – сказала она. – Я помолвлена.

– Мне на это наплевать, – заявил он. – Давай поговорим о чем-нибудь дру-

гом.

Теперь они стояли лицом друг к другу, всего в нескольких шагах друг от друга, и вид ее в таком хорошем расположении духа просто не позволял ему оставаться сварливым или притворяться, что это так. Она продолжала, – я сделала это сегодня утром, вместо того, чтобы прийти позировать тебе. Надеюсь, я не слишком тебя расстроила. Я не могла придумать, как послать тебе весточку.

– Меня там не было, – сказал он. – Я могу закончить картину здесь.

– Значит, я тебе больше не нужна? – Спросила она. И маленькие ручки, которые она протягивала к огню, жалобно опустились по бокам, и она подняла лицо, чтобы печально взглянуть на него.

– Я покончил с моделями в Америке! – Сказал он, смеясь, впрочем, не очень весело.

Ее глаза – сегодня они были невинны, но оставались серьезными.

– Не понимаю, почему тебя расстроило то, что я сказала, – задумчиво заметила она, согревая ладони. – У тебя, должно быть, не было большого опыта общения с женщинами, иначе ты не был бы таким.

Примечательным доказательством фундаментальной простоты характера Чанга было то, что этот обычно уверенный удар по мужскому тщеславию не достиг его, хотя ему было всего тридцать два года. – Ты не женщина, – ответил он. – Ты девочка, ребенок, заблудившийся в детской.

Она покачала головой. – Нет, я женщина. Ты сделал меня женщиной.

– Ну вот, опять! – Воскликнул он. – Обвинять меня!

– Благодарю тебя! – Мягко поправила она. – Но, пожалуйста, не волнуйся из-за ... вчерашнего. Как мы можем быть друзьями, если ты начинаешь суетиться и кипеть каждый раз, когда думаешь об этом? На самом деле я не сделала ничего необычного.

Он упал в кресло и от души рассмеялся.

– Я просто сделала тебе предложение, – сказала она.

– Значит, ты считаешь, что это нормально, когда девушка делает предложение мужчине и настаивает на этом, несмотря на его протесты? Ну, может быть, так оно и есть – в Америке.

– Не знаю, – задумчиво ответила она. – Я никогда не делала этого раньше.

– В самом деле?

– Да, – ответила она без улыбки. – Но я уверена, что сделаю это снова, если захочу. Следующий человек может неправильно понять.

– А ты не знала? – Серые глаза смотрели не вопросительно, а утвердительно.

– Конечно, нет. Я не так тщеславна, и, кроме того, я знала тебя.

– Это имело большое значение, я имею в виду тот факт, что мы так хорошо знали друг друга. Конечно, я не должна была так поступать с совершенно незнакомым человеком. – В ее голосе не было и намек на иронию, на какой-либо юмор. Но ему было не по себе. Она спокойно продолжила, – я полагаю, что любая девушка в тех же обстоятельствах, любая разумная девушка.

– Никогда о таком не слышал, – признался он. Что она имела в виду, говоря “в тех же обстоятельствах”? Казалось, был шанс проникнуть в тайну, но он не осмеливался задавать вопросы. Он ограничился повторением, – нет, я никогда не слышал о таком.

– Естественно, – заметила она. – Девушка не стала бы рассказывать об этом потом, да и мужчина не смог бы, будь он джентльменом. Я уверена, что если кто-нибудь когда-нибудь спросит меня, делала ли я когда-нибудь предложение мужчине, я скажу "нет". И в каком-то смысле это правда. На самом деле, это ты сделал мне предложение, – она медленно кивнула.

– Неужели это была не ты? – Насмешливо воскликнул он.

– Да, ты, – подтвердила она, серьезно встретив его взгляд.

Его глаза дрогнули; он смущенно поискал и закурил сигарету.

– Конечно, – продолжала она, – я никогда бы не сделала этого, если бы не знала, что это будет ... приятно.

Это слово "приятно" показалось ему особенно удачным выбором. Он усмехнулся. Ее улыбка показала, что она сама расценила это как риторический триумф.

– Не хочешь ли шоколад? – Спросил он.

– Спасибо, – согласилась она с пылкой благодарностью. – Ты не позволишь мне сделать его?

Он уже был занят. – Я не могу позволить тебе копаться в моем шкафу, – рассмеялся он. – Хотя, видит бог, я чувствую себя здесь как дома.

Это вырвалось у него прежде, чем он осознал, что говорит. Он надеялся, что она не слышала.

Но она слышала.

– Вот оно! – Воскликнула она. – Разве мы не чувствуем себя как дома и непринужденно друг с другом! Я никогда в жизни ни с кем не чувствовала себя так. И у меня есть чувство, что ты тоже никогда так не чувствовал – никогда так сильно.... В чем дело?

Он обернулся в дверях шкафа, мрачно посмотрел на нее, и, он был таким большим и таким темным. Его мрачность действительно была темной —напоминала темноту заколдованного леса.

– После всех моих слов! – Воскликнул он с горечью самобичевания. Он закрыл шкаф. – Никакого шоколада, – твердо сказал он. – Ты должна пойти домой и позволить мне работать.

– Чего ты боишься? – Воскликнула она, и в ее глазах вспыхнул гнев. – Вчера ты сказал, что не возьмешь меня. А теперь я помолвлена.

– Ты должна идти.

Она топнула ногой, и в позе головы, в изгибе бровей и губ впервые проявилась та властность, о которой она ему говорила. – Если бы ты мне так не нравился! – Воскликнула она. – Будь благоразумна. Ты всегда называешь меня ребенком. Это ты – ребенок.

– Я и сам так думаю, – сказал он более спокойно, но и более решительно из-за ее угрожающей вспышки гнева. – Послушай меня, Рикс. Эта чепуха должна прекратиться. Мы будем держаться подальше друг от друга. Мы не влюблены, и мы не собираемся подвергать себя искушению.

Он укоризненно посмотрел на нее. – Какого черта тебе понадобилось идти и портить все своей вчерашней болтовней? Мы прекрасно ладили, и мысль о том, что ты девушка в обычном смысле этого слова, никогда не приходила мне в голову.

– Ты сам себя не понял, – сказала она. – Женщины мудрее в этих вещах, чем мужчины, самые глупые женщины умнее, чем самые мудрые мужчины. Кро-

ме того, если бы ты знал обстоятельства так, как знаю их я, ты бы не придавал такого значения тому, что было совершенно естественным.

Он на мгновение озадачился этим вторым таинственным упоминанием об “обстоятельствах”, но отбросил его. – Во всяком случае, молоко пролилось, – решительно сказал он. – И ты должна уйти и не возвращаться.

– Но теперь, когда я помолвлена...

– Да будет он повешен! – Яростно воскликнул он. – Я не так глуп, как ты думаешь. Разве я не вижу, что ты проделываешь те же трюки, что и вчера? Что ты под этим подразумеваешь? Что происходит у тебя в голове? Нет, не бери в голову. Я не хочу этого знать. Я хочу, чтобы ты ушла.

Она села на длинную низкую скамью и заплакала.

– Ты жесток ко мне, – всхлипнула она. – Вот я и обручилась, просто чтобы угодить тебе и чтобы мы могли быть друзьями. И теперь ты не будешь другом!

Он нервничал, время от времени сердито поглядывая на нее, пока больше не смог выносить ее несчастья. Он бросился к шкафу и начал греметь кастрюлями и тарелками.

– Ты делаешь из меня осла! – Закричал он. – Я никогда не слышал о такой женщине! Независимо от того, что я говорю или делаю, ты ставишь меня в неудобное положение.... Вытри слезы, и я дам тебе шоколад. Но, имей в виду, это в последний раз.

Она убрала следы горя с быстротой и жизнерадостностью. Она просияла, глядя на него. – Я просто не позволю нам не быть друзьями, – сказала она. – У меня никогда раньше не было друзей. Я не могу обойтись без тебя. Ты так многому меня учишь и даешь такие хорошие советы.

– Что ты и делаешь, – сказал он с ворчливой иронией.

– Все это хорошо, – ответила она. – Ты же не хочешь, чтобы я последовала плохому совету, не так ли, Чанг? Нет, конечно, ты бы не хотел этого.

В конце концов он позволил ей помочь ему приготовить шоколад, направлял ее, когда она исследовала секреты шкафа: мольберты и краски, холсты и бумагу для рисования. А она смеялась над его большими старыми туфлями и настаивала на том, чтобы примерить дырявый рабочий халат, от которого сильно пахло несвежим табаком. Прежде чем он понял, что происходит, он радостно подчинился, пока она расчесывала его волосы по-новому – “образ, который пробудит в тебе художника”. А потом они устроили пикник перед камином, и ни один из них не сказал ни одного слова, которое не прозвучало бы глупо из уст двенадцатилетнего ребенка-глупо, заметьте, не наивно; есть огромная разница между глупостью и наивностью, между глупостью и плоскостью. Они весело провели время, как два привлекательных взрослых ребенка, которыми они были. Оба были полны радости жизни, оба жаждали смеха, как могут только умные, творческие люди, на которых нет ни капли торжественного ложного достоинства. И как они были близки друг другу! Он не просыпался, пока она не закричала, – боже милостивый! Сколько сейчас времени? Шесть часов? Я должна уйти сию же минуту.

– Не торопись. Я отвезу тебя домой, – сказал он. Затем, с внезапной добротелью, – ты знаешь, это будет последний раз.

Она со смехом покачала головой.

– О, нет. Завтра утром я, как обычно, буду на озере.

– Меня там не будет.

- Тогда я приду сюда.
- Послушай, Рикс, это нечестно.
- Нечестно? По отношению к кому?
- Ко мне ... к себе ... к тому парню, с которым ты помолвлена.
- Ты боишься влюбиться в меня?
- Нет, ни в малейшей степени, – ответил он поспешно и энергично. – Я совсем не думаю о тебе в этом смысле.
- Ты думаешь, что заденешь мое тщеславие и разозлишь меня.
- Ничего подобного! – Сердито запротестовал он. —Ты просто не можешь вбить себе в голову, что я тебя не люблю, что моя жизнь устроена по-другому.
- Тогда почему бы мне не прийти?
- Его рот открылся, чтобы ответить, и снова закрылся. Выражение его лица было глупым.
- Она рассмеялась.
- Ты тщеславен! – Воскликнула она. – Ты думаешь, чем больше я буду видеть тебя, тем больше буду любить. О, Чанг, Чанг, какой павлин!
- У тебя есть несомненный талант ставить меня в неловкое положение. Ты...
- А теперь, разве не разумно, – перебила она, – чтобы ты позволил мне прийти и вылечиться от моей романтической чепухи, как ты это называешь?
- Ты мне больше не нужна. Ты только мешаешь мне работать. И мне предстоит тяжелая борьба, чтобы сделать карьеру в этой стране. Я...
- Ты же знаешь, что я тебе нужна. Картина еще не закончена.
- Почему ты так говоришь?
- Я увидела это по твоему лицу, когда впервые пришла и заговорила о картине.
- Она поймала его. Картина действительно нуждалась в еще нескольких днях работы с моделью. Он выбрал другую тактику.
- Это подлая шутка с твоей стороны – играть с этим ... с тем парнем, за которого ты собираешься выйти замуж.
- Мы с ним понимаем друг друга, – сказала она с достоинством.
- Он знает об ... об этом?
- Настолько, насколько это полезно для него. Он не из тех людей, которым можно сказать всю правду. Человек должен быть осторожен, знаешь ли, и судить о характере человека, с которым он имеет дело.
- Ее манеры были такими мудрыми и серьезными, что он не мог не рассмеяться. – Боюсь, Рикс ... просто немного лжив.
- Ты, кажется, очень заинтересован, – сказала она. – Ну, я тебе все расскажу. Может быть, ты посоветуешь мне что-нибудь получше, если...
- Он поднял руки.
- Ни слова! – Крикнул он. – Я не хочу этого знать. Мне на это наплевать.
- Пожалуйста, позволь мне сказать только одну вещь. Если ты позволишь мне прийти...
- Но я не разрешу.
- О, да, ты это сделаешь, – воскликнула она, насмешливо глядя на него, склонив голову набок. – Ты говоришь, что предан своему искусству. Тогда ты не имеешь права жертвовать своей картиной ради собственного тщеславия.
- Мое тщеславие! Что ж, мне это нравится!

– Твое тщеславие. Твоя идея в том, что при знакомстве ты становишься все более и более интересным, а не все менее и менее.

– Я могу позаботиться о картине.

– Разве я не должна позировать, пока она не будет сделана? Честно, Чанг?

Он не мог лгать, когда она говорила ему об этом таким образом. – Ну, я признаю, – с большой неохотой согласился он, – что для картины будет лучше проведение еще нескольких сеансов. Но они не являются абсолютно необходимыми.

– Я тоже имею на нее право, Чанг, – продолжала она. – Мы делаем эту картину вместе. У меня есть доля в этом деле, не так ли?

Он стал тихим и задумчивым. Он кивнул.

– Поэтому я настаиваю на том, что все должно быть сделано правильно... Ты заметил, что я сегодня ни разу не сказала, что люблю тебя?

– Ради Бога, Рикс, не говори так. Это действует мне на нервы. Это заставляет меня чувствовать себя полным идиотом.

– Но разве я что-нибудь сказала? – Настаивала она.

– Не так много слов, – признался он. – Но...

– Я не несу ответственности за то, что ты, возможно, прочитал в моем взгляде и голосе, Чанг. Знаешь, ты такой тщеславный!... Я ничего не сказал и обещаю не ... не действовать тебе на нервы, когда приду позировать.

– Это сделка?

– Пожмем друг другу руки.

И они пожали друг другу руки.

– А теперь мне пора, – сказала она.

Когда он начал готовиться сопровождать ее, она запретила ему тоном, не допускающим никаких обсуждений.

– До заката еще час, – сказала она. – Во всяком случае, я ничего не боюсь.

– Я бы сказал! – Засмеялся он.

– Потому что я тебя не боюсь? О, ты тщеславен!

– До завтра?

– До завтра.

– И больше никаких глупостей?

– Я все продумала вчера вечером, – сказала она. – Я понимаю, что у тебя нет денег, чтобы содержать жену...

– Стой на месте! – Скомандовал он. – Неужели ты никогда не сможешь разобраться в этом? Я не люблю тебя—и ты не любишь меня. Это все.

– Моя шляпа на месте?... Я должна спешить.... Ну, у меня нет времени обсуждать это. Только я восхищаюсь и уважаю тебя за то, что ты не захотел жениться на девушке, так как не можешь ее должным образом содержать. А теперь не красней и не сердись на меня. Я должна идти. До свидания.

И, не дав ему возможности подобрать слова для ответа, она легко и грациозно метнулась прочь.

Перевернутое каноэ

Картина неуклонно прогрессировала. Погода не мешала, и платная модель не была бы такой регулярной, как Рикс. Но прогресс шел медленно. Роджер отчасти винил себя за это; он был медлительным работником, который всегда работал медленнее по мере того, как его работа приближалась к завершению.

– Я никогда не видел, чтобы кто-то так старался, – сказал Рикс. – А ты-полная противоположность во всем остальном, кроме своей живописи. Однако главной причиной черепашьего темпа этой конкретной работы была модель. Рикс приходила рано и задерживалась допоздна, но после их откровенного разговора и соглашения ее силы, казалось, быстро иссякали. Она выглядела все так же; у нее были все признаки совершенного здоровья, но после десяти или пятнадцати минут позирования она настаивала на отдыхе, хорошо, долгом отдыхе. Поскольку он не имел права критиковать или контролировать эту добровольную модель, он не мог протестовать. И, поскольку для картины было важно, чтобы модель продолжала до конца, разве он не просто выполнял свой простой долг перед своей картиной, пытаясь развлечь и заинтересовать ее во время долгих пауз? Не то чтобы разговор с ней был неприятной задачей – нет, действительно, или вообще задачей. Но его совесть, как серьезно человека, стремящегося к карьере, нуждалась в постоянном заверении, что он действительно не растрчивает великолепные огни тех долгих утренних часов, когда он бездельничает с глупой, легкомысленной девушкой, которая заботилась только о смехе, что он не поощряет свою симпатию к ней и не выполняет свой долг как честного человека, как ее друга, чтобы отбить ее симпатию к нему.

– Не сердись на меня, – сказала она однажды утром, когда он во время отдыха впал в явно подавленную задумчивость. У нее была привычка наблюдать за ним. Так женщина наблюдает только за мужчиной, о котором она думает, что он более достоин внимания, чем она сама.

– Я не сержусь на тебя, – ответил он.

– Тогда на себя.

– Ничего не могу с собой поделать. Я работаю так адски медленно. Все медленнее и медленнее.

Ему показалось, что на ее лице промелькнула легкая улыбка. Но он не был уверен; возможно, это было плодом воображения его собственной чувствительности.

– Я где-то читала, – заметила она, – что гениальность – это способность предпринимать бесконечные усилия.

– Я повешусь, если я буду знать, прилагаю ли я усилия, размышляю я или просто бездельничаю, чего я боюсь и что ты думаешь. Тем не менее, мы скоро закончим.

– Ты говоришь это так, как будто радуешься.

– О, конечно, я рад работать в такой очаровательной компании, – вежливо сказал он. На его лице появилось выражение, которое всегда вызывало у нее беспокойство, когда он добавил, – и все же я никогда не теряю из виду свою карьеру.

– В этом нет никакой опасности, – заявила она с убежденностью в голосе, которую в глубине души сочла бы неискренней. – Я никогда не видела никого

настолько настойчивого и такого ... такого жесткого.

Он рассмеялся над нелепостью того, что она назвала его жестким. Что бы она подумала, если бы знала, каким безжалостным надсмотрщиком он был обычно!

– Как ты думаешь, сколько еще я тебе понадобится? – Спросила она.

– Не так уж много дней. Три или четыре, возможно.

Настала ее очередь впасть в депрессивную задумчивость. Она встрепенулась, чтобы сказать, – не хочешь ли ты использовать меня в другой картине?

Он нахмурился—почти нахмурился.

– Нет, конечно, – сказал он. – Я ... то есть я уже достаточно нагрузил тебя.

– Ты сказал так, как будто собирался сказать, что я достаточно навязалась тебе, – упрекнула она с видом обиженного подозрения, которое, возможно, было немного преувеличено.

– Над чем ты смеешься?

– Я? – Воскликнула она с самым невинным видом. – Мне хочется чего угодно, только не смеяться.

Он затих. – Ну, если ты не смеялась, то должна была смеяться.

Она несколько разочаровала его, отказавшись проглотить наживку. Вместо того, чтобы спросить, почему, она вернулась к своей первоначальной точке зрения.

– Тебе не кажется, что картинки с изображенными на них фигурами, особенно женщинами, более интересны, чем просто трава, листья и прочее?

– Несомненно.

– Тогда тебе нужна какая-нибудь модель. Почему не я? Разве я не справилась?

– Действительно, ты справилась. Но я найду модель, с которой не так интересно разговаривать—ту, которая не требует такой высокой оплаты. Время – самая ценная вещь в мире.

– Не для меня. Мое время очень дешево, – вздохнула она. – Я не знаю, что я буду делать, когда ты закончишь, – печально сказала она. – Раньше я всегда была беспокойной. Теперь я вижу, что была права, думая, что это потому, что мне нечего было делать – что-то полезное.

Тема разговора оборвалась. Хотя он был так же неопытен в отношениях с женщинами, как и любой другой сильный мужчина, у него была интуиция, которая более чем заменяла анализ. И было что—то в ее растущей склонности к мечтательности, что заставляло его беспокоиться, что заставляло его задаваться вопросом, не замышляет ли этот праздный ребенок какой-то новый способ украсть больше времени из его карьеры.

– Ее остановят, если это так, – сказал он себе. Но он продолжал испытывать угрызения совести. Она была хитра, эта невинная девушка; она всегда заставляла его врасплох.

В его работе наступил такой этап, когда уже не имело особого значения, есть у него модель или нет. Тем не менее, он позволил ей продолжать приходить в то время как он разрабатывал, как лучше всего осуществить расставание. Он был уверен, что она просто использует его, чтобы коротать часы досуга, которые в противном случае наскучили бы ей; и все же вежливость требовала, чтобы, избавляясь от нее, он проявлял к ней уважение. В конце концов, она была для него самой ценной, помогла ему сделать то, что, как он надеялся,

будет считаться лучшей картиной, которую он когда-либо создавал. – Никогда больше! – Торжественно поклялся он. – Никогда больше я не буду работать с кем-то, с кем не смогу расплатиться и уволить. Бесплатная рабочая сила-самая дорогая. Что-то дармовое снимает рубашку с твоей спины, когда ты приходишь платить.

Она позировала в своем каноэ, далеко от берега. Он трудился над эффектом светящейся тени, которая лучше проявила бы поэзию, которую он пытался вложить в выражение ее лица. Легкий звук заставил его взглянуть на другой берег озера. Примерно в двухстах ярдах от него, в маленькой бухте, в том месте, где его модель стояла к ним спиной, двое молодых людей стояли и смотрели на нее. Выражение их лиц, их тел делало их живой картиной фразы: “Приросшие к месту”. На первый взгляд его возмутила их дерзость; но тут же пришло предчувствие, что вот-вот произойдет что-то из ряда вон выходящее. Быстро на интуицию последовала ее реализация. Один из молодых людей—тот, что пониже, гораздо ниже ростом—закричал голосом, полным гневного изумления:

– Беатрис!

Этот крик подействовал на модель Роджера, как выстрел из пистолета, который он так настойчиво предлагал. Она оглянулась через плечо и потеряла равновесие. Ее руки дико взметнулись вверх; с криком ужаса она самым нелюбезным образом скатилась в воду. Ее летящие каблуки дали опрокинутому каноэ такой удар, что оно скользнуло и подпрыгнуло в дюжине ярдов от них. Роджер, не теряя времени, изумился внезапной и нелепой трансформации безмятежного спокойствия этой сцены. Девушка опустила голову; ее возбужденные каблуки были не просто нелепыми, они были сигналом опасности. Он бросил палитру и кисть, бросился на мелководе и быстро зашагал туда, где Рикс пыталась привести себя в порядок. Вскоре он подошел, протянул руку, схватил ее за плечо и поднял ее правый бок. Она плескалась, брызгалась и задыхалась, прижимаясь к нему, он держал ее в своих объятиях. Невозможно было бы узнать в этой потрепанной и струящейся фигуре прелестную и очаровательную модель, которую он видел две минуты назад. И все же было очевидно, что для Роджера в этом было еще больше очарования, чем раньше. Он крепко держал ее и выказывал взволнованную радость по поводу ее безопасности, несоизмеримую с опасностью, в которой она находилась.

– Какой кошмар! – Воскликнула она, как только смогла произнести хоть слово. – Где эти двое?

Он окинул взглядом залив, увидел, что они бегут вдоль берега, делая широкий крюк, необходимый, чтобы добраться до того места, где он стоял, рисуя ее. – Они идут, – сказал он. Он хрипло заговорил и попытался высвободиться.

Все еще прижимаясь к нему, она очистила глаза от воды и посмотрела.

– Да, понимаю, – выдохнула она. – Как холодно! Тот, что впереди, – мой брат. Единственное, что он может сделать, – это спринт. Так что он доберется сюда первым. Ты должен вести себя так, как будто знаешь его, должен называть его Гек – это сокращение от Гектора. Я ему все объясню.

– Да ладно тебе. Давай выберемся на берег.

Он снова попытался освободиться от нее.

– Глубина воды не более четырех футов.

– Не отпускай меня, – умоляла она. —Я немного слаба ... И ужасно замерзла!

И она крепче сжала его.

Он не спорил и не колебался, но выбрал самый быстрый путь на берег. То есть он поднял ее на руки так легко, как будто она весила тридцать фунтов вместо почти ста тридцати, не принимая во внимание сто фунтов или около того воды, которую она несла в своей одежде. Как она и предсказывала, Гектор обогнал своего более высокого и тяжелого спутника и прибыл намного раньше него. Когда он, тяжело дыша, приблизился примерно на сотню ярдов к тому месту, где она отжимала юбки, Роджер пропел достаточно громко, чтобы его голос достиг ушей все еще далекого другого юноши, – привет, Гек. С ней все в порядке.

“Гек” остановился в изумлении. Затем он двинулся дальше, но более медленной походкой.

– Кто вы? – Спросил он Роджера.

Рикс оторвалась от отжима одежды. – Зови его Чанг, – спокойно сказала она брату. – Хэнк не должен знать.

– Какого черта ... – начал было Гек.

– Заткнись, черт возьми, – приказала Беатрис тоном, которым члены одной семьи не стесняются обращаться друг к другу в моменты крайней необходимости. – Не пытайтесь думать. Ты же знаешь, что не можешь. У тебя, конечно, достаточно здравого смысла, чтобы понять, что Хэнка нужно заставить поверить, что вы с Чангом старые друзья. – Она добавила еще более низким тоном, – брось этот взгляд "удар по голове". До него не больше десяти секунд.

У Гектора едва хватило времени на безразлично успешную, но сносную перестановку выражения лица, когда к нему подбежал Хэнк, пыхтя, весь в заботе. – Тебе не очень больно, дорогая, правда? – Задыхаясь, спросил он.

Мистер Чанг, мистер Вандеркиф, – перебила Беатрис.

Вандеркиф, большой и тяжелый, красный и запыхавшийся, машинально поклонился. Усилие этого условного жеста, казалось, внезапно напомнило ему состояние души, приостановленное катастрофой. Он одарил большого художника вторым, более долгим и неприятно острым взглядом. Роджер ответил ему вежливым приветливым взглядом. – Надо развести костер, – сказал он, – и высушить эту юную леди. Ну же, Гек давай. То, как “Гек” поморщился, казалось, доставило ему удовольствие, и они с Беатрис обменялись одним из тех взглядов украдкой сочувствующего удовольствия от тайной шутки, которые провозглашают высокую степень близости и понимания. Роджер обратился к напряженному и встревоженному “Хэнку”:

– Вы поможете, мистер Вандеркиф?

– Мистер Вандеркиф, – поправила Беатрис. – Пока вы трое будете разводить костер, я спрячусь в кустах и выжму из озера все, что смогу.

Чтобы глаза Хэнка не сверкнули ревностью, а глаза ее брата-гневом, и так, чтобы никто из них не услышал, она ухитрилась сказать Роджеру: “Ты поможешь мне, не так ли?”

– Конечно, – сказал он. – Но меня зовут Роджер Уэйд, а не Чанг.

– А меня зовут Беатрис Ричмонд.

– Этого достаточно, чтобы продолжить. А теперь спрячься в кустах. Мы должны поторопиться с огнем. И он крикнул Хэнку, – давай, Вандеркиф!

У мисс Ричмонд стучали зубы, но она задержалась достаточно, чтобы на минуту отвлечь брата. – Его зовут Уэйд, а не Чанг.

– Боже правый! – Пробормотал Гек. – Что все это значит? Беатрис, кто, черт возьми, этот парень? Да ты даже не знаешь, как его зовут!

– Не лезь не в свое дело, – спокойно сказала Беатрис. – Он твой старый друг ... мой ... из нашей семьи ... художник, с которым мы познакомились в Париже. Не забывай об этом.

Гек сжал кулаки и нахмурился, что выглядело бы опасным, будь его подбородок сильнее. – Я этого не потерплю. Я собираюсь отвезти тебя домой.

– И поручить Хэнку все это дело? И расторгнуть помолвку? И опозорить меня? И себя? И семью?

Все это были причины, по которым Гек не мог отказаться от сговора, она подчеркнула это легким смешком. Она закончила, – о, я думаю, что нет. Меня это волнует меньше, чем тебя. Будь осторожен, или я сам его сдам. Это было бы так весело!

Гектор, несмотря на свой гнев, одобрительно усмехнулся, потому что у него было чувство юмора.

– Веди себя прилично, – сказала Беатрис. – Иди, помоги достать дрова.

– Но что скажет мама и отец! Святые небеса! Как отец будет кричать!

– Не волнуйся. Делай свое дело!

И Беатрис исчезла среди кустов и огромных ледниковых скал.

Роджер выполнил свою роль в обмане с большим отличием. Он был так занят тем, что собирал огромные куски дерева и нес их к центральной куче, которую они складывали на открытом пространстве, что у него не было ни дыхания, ни времени для разговоров; и так как двое других мужчин не могли не последовать столь достойному примеру, не было сказано ни слова. Кроме того, одного взгляда на лицо большого Хэнка или маленького Гека было достаточно, чтобы понять, как усердно они думали. Один раз Хэнк, оказавшись рядом с картиной, начал осторожно оглядываться, чтобы взглянуть на нее. Он думал, что Роджер занят где-то далеко. Он буквально подпрыгнул, когда голос Роджера, властный, совсем не дружелюбный, бросил ему, – эй ты! Держись подальше от этой картины! Я никому не позволяю смотреть на мои незаконченные работы.

– Я ... я прошу прощения, – запинаясь, пробормотал Вандеркиф, поспешно вставая там, где против него не могло возникнуть даже подозрения на попытку подглядывания.

Огонь превратился в чудовище. Роджер и Беатрис разговаривали и смеялись в самом приподнятом настроении, не забывая о мрачности молчаливого, слушающего брата и жениха, но определенно наслаждаясь этим. Наконец Беатрис повернулась к брату и сказала, – я убедил мистера Уэйда принять приглашение матери.

Роджер любезно улыбнулся. – Не совсем так, мисс Ричмонд, – парировал он так искусно, как будто удар не последовал без малейшего предупреждения. – Знаете, я не уверен.

Беатрис посмотрела на настороженного Вандеркифа—красивого парня, почти такого же крупного, как Роджер, но с узорчатым видом модного человека, а не с видом Роджера, лишённого индивидуальности.

– Чанг – трудящийся отшельник, – сказала она. – Маме приходится изрядно потрудиться, чтобы уговорить его прийти хотя бы на ужин. Она повернулась к Роджеру. – Ты должен прийти, на этот раз, Чанг, – умоляла она. Вполголоса

она добавила, – ты должен мне помочь.

– Этому нельзя сопротивляться, – сказал он, но не скрыл своего недовольства.

Ревность Вандеркифа больше не позволяла ему молчать. Он выпалил, – я не понимаю, почему вы раздражаете мистера ...

– Уэйда, – легко подсказал Роджер.

– Я думал, Чанга, – сказал Вандеркиф с легкой усмешкой.

– Так оно и есть, – весело воскликнула Беатрис. – Но только для немногих избранных, с которыми мистер Уэйд признает дружбу. Ты же знаешь, что он не такой, как ты и Гек, Хэнки. Он настоящий персонаж. Он может многое.

Хэнки выглядел так, как будто ему ничего не хотелось бы ни на земле, ни на Небесах так сильно, как получить шанс на эту большую, впечатляюще выглядящую тайну с голыми кулаками и без судьи. – Я хотел сказать, – продолжал он, – что стыдно раздражать такого занятого и важного человека приглашениями.

Роджер посмотрел на него широко и снисходительно, что явно обрадовало Беатрис.

– Премного благодарен, Вандеркиф, – сказал он. – Но я люблю Ричмондов, и мне доставляет удовольствие нарушать ради них свое правило, – просиял он, глядя на Гека. – Я рад снова видеть тебя! – Воскликнул он. – Я не осознавал, как сильно скучал по тебе, пока не увидел тебя снова. Разве это не похоже на старые времена?

– Ну, я думаю, – сказал Хек с широкой улыбкой. – Это старые времена!

– Но сейчас тебе лучше отвезти сестру домой. Проводи ее быстрым шагом до самого дома. В самом деле, ей надо бежать.

– Нет, – ответила Беатрис. – Я возвращаюсь туда, откуда пришла.

– Но кто войдет в эту ледяную воду за твоим каноэ? – Спросил Роджер. – Во-первых, не я.

– Конечно, нет, – воскликнула она. – Я сказала, не подумав. Я пошлю за ним одного из слуг на лодке.

– А теперь поторопитесь, – сказал Роджер, – и идите побыстрее. И если я решу прийти на ужин, я пришлю записку сегодня днем.

Беатрис смотрела на него с упреком, но, поскольку Хэнк наблюдал за ней, она не осмелилась возразить.

– Увидимся завтра утром, – сказала она.

– О нет, не трудись приходить. Я дам тебе знать, когда ты мне понадобишься.

– Так вот где ты проводила каждое утро? – Сказал Вандеркиф.

– Некоторые из них, – ответила Беатрис. – Это должно было стать сюрпризом. И все же... Ты не позволил им увидеть это, не так ли, Чанг?

– Ни капельки, – заверил он ее.

Напряжение Вандеркифа несколько ослабло. Роджер восхищался невинной мисс Ричмонд. На самом деле она демонстрировала гения обмана, чье искусство заключается в том, чтобы сказать достаточно и предоставить собственному воображению обманщика выполнять тяжелую работу обмана. Расставание прошло в полном порядке, и Вандеркиф проявил склонность быть извиняюще вежливым с Роджером теперь, когда он убедил себя, что ошибся в своих первых ревнивых предположениях. – Если вы хорошо поработаете с мисс Рич-

монд, – любезно сказал он, – я позабочусь о том, чтобы у вас все сложилось.

Роджер поблагодарил его простой благодарностью, которая привела его в отличное расположение духа. После того, как все трое отправились в путь, Беатрис прибежала обратно.

– Ты спас меня, – сказала она. – Мне так стыдно, что я втянула тебя в такую историю. Но ты должен сделать еще одну вещь. Ты должен прийти на ужин.

– Не могу, – сказал Роджер. – Здесь я сойду.

Это, казалось, удивило ее. Она посмотрела на него с сомнением, была так взволнована выражением его лица, что поспешно воскликнула, – о нет, ты меня не бросишь. Я признаю, что это моя вина. Но ты не будешь настолько недружелюбен, чтобы втянуть меня в неприятности!

– Как я могу втянуть тебя в неприятности? Это просто другой путь. Если бы я пришел к вам домой, это создало бы путаницу, которую увидел бы даже Вандеркиф.

– Нет—нет, в самом деле, – запротестовала она. – Я не могу остановиться, чтобы объяснить сейчас. Не будь таким подозрительным, Чанг. Я буду здесь завтра утром ... нет, в студии. Пит, то есть Хэнк, может последовать за мной сюда. И теперь, когда ты знаешь, кто мы такие, разве ты не видишь, что нет никаких причин для...

Она кокетливо рассмеялась и умчалась, прежде чем он успел повторить свой отказ. Окликнуть ее означало бы предать.

На следующее утро, когда он работал на обычном месте возле каскада, она наткнулась на него со стороны студии. – Как ты меня напугал! – Воскликнула она, падая на траву в нескольких ярдах от него. – Я поднялась в студию, как и обещала.

Он поклонился ей с некоторой формальностью. Его тон был отчетливо жестким, когда он ответил, – моя работа вынудила меня быть здесь. Во всяком случае, мисс Ричмонд, мне ясно, и вам должно быть ясно, что наша дружба должна прекратиться.

– Ты не смотришь на меня, когда говоришь это, – сказала она, явно не впечатленная всерьез.

– Мне неприятно говорить вам такие вещи, – ответил он. – Но ваш приход снова, когда вы не должны этого делать, заставляет меня быть откровенным.

– Почему? – Спросила она, обхватив колени руками. – Почему наша дружба должна прекратиться?

– Есть много причин. Одной достаточно.

– Какой ты противный сегодня утром, Чанг!

Он укрылся в тишине.

– Ты, конечно, не ревнуешь к Хэнки? – Спросила она с дерзким озорством.

Он проигнорировал это.

– Не смотри так кисло. Я просто пошутила. Ты сердишься, потому что я заставила тебя помочь мне сказать... то, что было не совсем так?

– Мне не нравятся такие дела, – сказал он, неубедительно усердно орудуя кистью.

– Мне тоже, – сказала она. – Но что мне было делать? Знаешь, ты заставил меня обручиться с ним.

Он прервал работу и уставился на нее. Свет или что-то в этом роде в то утро больше всего подходил ей, маленькой, стройной, желтоволосой эльфийке,

наиболее тревожно подходил.

– И если бы я не приехала сюда, чтобы стать твоей моделью, у меня не было бы неприятностей. И, войдя, что оставалось делать, как не выйти, как можно меньше повредив чувства бедного Питера?

Затем она посмотрела на него невинными глазами, как будто произнесла неоспоримое.

Роджер смотрел на нее с восхищением.

– Ты-предел! – Воскликнул он. – Предел!

– Но разве то, что я сказала, не правда? – Настаивала она. – А что еще я могла сделать?

– Правда? Да, верно, – сказал он, делая жест покорности. – Я признаю все, что угодно.

– Ну, будь же благоразумен, Чанг! – Упрекнула она. – Где это неправда?

– Если я позволю себе поспорить с тобой, то через пятнадцать минут буду бегать по лесу. Скажи, кто-нибудь в твоей семье или среди твоих знакомых когда-нибудь спорил с тобой?

Она задумалась, игнорируя иронию в его тоне.

– Нет, – сказала она, – я не думаю, что они так делали. У меня есть свой собственный путь.

– Я бы поклялся в этом, – воскликнул он.

– Ты единственный, кто когда-либо противостоял мне, – сказала она.

– Я? О, нет. Никогда! Но в одном я должен. – Он стал серьезным. – Рикс, я не буду иметь никакого отношения к тому, что ты обманываешь этого милого молодого человека. Это категорично и окончательно.

– Ну разве он не милый! – Воскликнула она. – Он мне всегда нравился с тех пор, как был маленьким мальчиком в школе танцев, с такой вежливой, тихой манерой шмыгать носом. Он терпеть не может сморкаться. Ты знаешь, есть такие люди. Я бы ни за что на свете не обидела его чувства. Видишь ли, все не могут быть такими суровыми и жесткими, как ты. Теперь ты получаешь позитивное удовольствие, говоря неприятные истины.

– Я не лжец, – коротко ответил он.

– Мне это в тебе нравится, – воскликнула она с энтузиазмом. – Это заставляет меня чувствовать такую уверенность. Ты единственный человек, которого я когда-либо знала, которому я верила.

Он посмотрел на нее с откровенным удивлением и подозрением.

– К чему ты клонишь? – Спросил он. – Ну, не смотри так невинно. Долой это!

– Я не понимаю, – сказала она, улыбаясь.

– Прошу прощения, но ты знаешь, точно. Чего ты добиваешься?

– Как мы можем быть друзьями, – взмолилась она, – если ты все время подозреваешь меня?

– Мы не будем друзьями, – решительно ответил он. – Это здесь и сейчас – конец.

Было очевидно, что его слова повергли ее в шок, странный шок удивления, как будто она ожидала совсем другого приема от своего предложения. Однако после недолгого размышления она, казалось, пришла в себя. – Как может такой умный человек, как вы, быть таким глупым? – Возразила она. – Ты прекрасно знаешь, что мы просто не можем не быть друзьями.

– Друзья—да, – признал он. – Но мы не увидимся.

– А что я скажу Питту?

– Что-нибудь умное и приятное. Кстати, как тебе это сошло с рук, когда ты добралась до дома?

Она радостно рассмеялась. Она выглядела самой невинной, самой юной.

– О, было такое! – Воскликнула она. – Мама ... Ты не знаешь маму, поэтому не можешь оценить. Но ты поймешь, когда узнаешь ее. Это был треугольник : Гек, мама и я. Гек засиял перед тобой, так что он действительно был наполовину на моей стороне. Я рассказала, как познакомилась с тобой, всю историю, только не сказал всей правды о картине.

Ее взгляд был таким странным, что он встревоженно спросил, – что ты рассказала о ней?

– Мы поговорим об этом позже, – ответила она, и его знание ее методов не позволило ему спокойно воспринять это поспешное требование отсрочки. —Мама хотела знать, кто ты, и, конечно, я не могла ей сказать ничего такого, что удовлетворило бы такую женщину, как мама. Она запретила мне когда-либо видеть тебя снова. Я сказала ей, что, напротив, увижу тебя сегодня утром. Она бредила, боже, как она бредила! – И Рикс разразился хохотом. – Ты должен был слышать! Она такая обычная. Она обвинила меня—но ты можешь себе представить.

– Да, могу, – сухо ответил он. —И она права, абсолютно права. Мы больше не увидимся.

– О, но она хочет тебя видеть, – возразила мисс Ричмонд. – Ей самой не терпится увидеть тебя. Она ужасно боится, что ты не придешь.

Роджер позволил своему абсолютному недоверию отразиться на лице. Где-то должны быть границы тому, чего может достичь эта находчивая и решительная молодая девушка. Ее утверждения выходили за эти рамки—далеко за их пределы.

– Так оно и было, – продолжала мисс Ричмонд с невинным, но глубоким удовлетворением от собственной сообразительности. —Я сказала ей, что, если я не пойду к тебе и не продолжу позировать, Хэнки – это Питер Вандеркиф – поймет, что я дико флиртовала с незнакомым мужчиной, которого подобрала в лесу, и разорвет помолвку. И мама настроена на то, чтобы я вышла замуж за Питера. Поэтому сегодня утром она сама отослала меня и взяла на себя заботу о Питере, чтобы он был в безопасности. Разве я не умна?

– Мне нечего добавить к тому, что я уже сказал по этому поводу, – мягко заметил Роджер. – Я действительно ошеломлен!

– И мама тоже, – сказала она с невинным, юным торжеством. – И она использовала именно это слово. Вот тебе записка от нее.

Мисс Ричмонд достала из кармана пиджака письмо и протянула ему. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы подойти и забрать его у нее. Вместо этого он сделал жест, который был началом осуществления мальчишеского порыва заложить руки за спину.

– Хочешь, я встану и принесу его тебе? – Спросила она.

– Я не хочу иметь с этим ничего общего, – холодно сказал он. – Я не знаю твою мать. Я не сомневаюсь, что она достойная женщина, но у меня нет времени расширять круг моих знакомых.

Мисс Ричмонд снова, казалось, была поражена этим безошибочным доказа-

тельством намерения с его стороны окончательно покончить с их дружбой. Она недоверчиво посмотрела на него, потом вопросительно, потом надменно. Она положила записку в карман, поднялась и встала очень прямо и с достоинством.

– Это невежливо, – сказала она.

– Да, это невежливо, – признал он. – Но ты не оставила мне выбора. Есть только один способ избежать вовлечения в обман, который мне наиболее неприятен.

Она посмотрела на него, словно оценивая его волю. Она не видела никаких признаков уступки.

– Ты презираешь меня, не так ли? – Спросила она снова дружелюбным тоном.

– Я не берусь судить тебя. У тебя своя схема жизни, у меня – своя. Они разные – вот и все. Я не прошу тебя принять мою. Ты не должна просить меня принять твою. Ты не должна, не должна, впутывать меня в свои дела.

Она прислонилась к дереву, задумчиво глядя на радугу, появляющуюся и исчезающую на маленьком водопаде. Когда она вернулась к нему, ее лицо было милым и печальным. Он оторвал взгляд от своей работы и поспешно снова уставился на нее.

– Ты прав, абсолютно прав, – сказала она. – Я всегда поступала так, как мне нравилось. И все вокруг меня: семья, слуги, гувернантки – все ублажали, ласкали меня и поощряли идти своим путем.

– Я понимаю, – сказал он. – Чудо в том ... – Но он счел разумным не говорить, что это за чудо.

– Ты действительно не можешь винить меня, Чанг, не так ли, за то, что у меня вошло в привычку думать, что все, что я хочу сделать, правильно?

– Конечно, я не виню тебя, Рикс, – мягко сказал он. – Учитывая, через что ты, вероятно, прошла, ты потрясающая. В тех же обстоятельствах я был бы не в состоянии жить.

– Ты не презираешь меня? – С жаром спросила она.

– Презирать тебя? Да я и не мог никого презирать. Это просторный мир – комната для всех видов.

– Я тебе нравлюсь? Не любовь, – поспешила объяснить она.

Он улыбнулся своей самой дружелюбной улыбкой.

– Конечно! Ты, пожалуй, самая милая девушка, которую я когда-либо встречал – когда захочешь.

– Спасибо, – сказала она со слезами на глазах и снова погрузилась в задумчивость, а он продолжил свою работу. Между ними возникла долгая пауза – пауза, заполненная пением птиц, толпящихся в листве над ними и вокруг них, и мягкой музыкой падающих вод.

– Иногда мне кажется, что это ужасно плохо для людей иметь столько денег, сколько они хотят, – быть богатыми, – задумчиво сказала она. – Это одна из проблем нашей семьи.

– Ты же говорила, что выходишь замуж из-за денег, – удивился Роджер. Он ненавидел лжецов; ему не хотелось верить, что она солгала ему.

Она выглядела ужасно смущенной.

– Ты не совсем понял, – поспешно ответила она. – И я не могу объяснить, не сейчас. Ты не должен спрашивать меня.

– Спрашивать тебя? Это не мое дело.

– Я не хотела ... я не хотела тебя обманывать, – взмолилась она. – Но ... я не могу сейчас объяснить.

– Не думай об этом больше, – сказал он, небрежно взмахнув одной из своих длинных кистей. Не было ничего нового в том, что люди, считавшиеся богатыми, просто боролись на краю пропасти бедности. Бедное дитя, приносящее одну из тех отвратительных жертв на алтарь снобизма! Или, скорее, приносящееся в жертву, потому что она была слишком мала, чтобы в полной мере осознавать, что она делает. Тем не менее, Питер Вандеркиф не так уж плохо оценивался, как материал для мужа.

Молчание длилось несколько минут; она снова сидела и изучала его сильное, красивое лицо с его сосредоточенным, поглощенным выражением—сосредоточенным, властным. Она не решалась заговорить, пока он случайно не взглянул на нее с отсутствующей улыбкой. Затем она ласково спросила:

– Могу я спросить тебя кое о чем?

– Давай.

– Не будешь ли ты так любезен прийти завтра к нам на ужин? Вот о чем мамина записка. Это было бы для меня большим одолжением. Это все уладит. Тебе больше не придется обманывать.

Он продолжал свою работу. Через некоторое время он спросил, – твой Питер думает, что ты его любишь?

Краска залила ее щеки. Но она ответила с оттенком правды, – он знает, что это не так.

– А если бы я приехал, мне не пришлось бы обманывать его относительно того, что ты о нем думаешь?

– Нет, клянусь честью.

Он посмотрел на нее. – Нет, этого вполне достаточно, – сказал он таким тоном, что она затрепетала от гордости. – Я думаю, что ты говоришь правду.

– И я ... с тобой, – сказала она, и выражение ее лица было самым лучшим. – Мне было бы стыдно лгать тебе. Не то чтобы я всегда была очень—очень болезненно точна...

– Я понимаю. Мы с тобой имеем в виду одно и то же, когда говорим правду.

– Ты придешь?

– Да. Где вы живете?

Она рассмеялась.

– Ну, мы же Ричмонды. Разве ты не догадался?

Она кивнула, как будто для нее прояснилась какая-то тайна. – О, теперь я понимаю, почему ты вел себя совсем не так, как я думала, когда узнал.

Он слабо улыбнулся. – Полагаю, мне следует знать. Но я здесь чужой. Когда я был здесь мальчиком, городские юристы и торговцы не имели привычки приезжать сюда и снимать на лето фермерские дома. Вы живете в пансионе или у вас есть собственное жилье?

Она сильно покраснела и опустила голову. Очевидно, она сильно страдала от смущения.

– В чем дело, Рикс?

– Я ... я думала ... после вчерашнего ... ты вроде как ... понял нас, – пробормотала она.

Он ободряюще рассмеялся.

– Господи, не будь снобом, – воскликнул он. – Какое мне дело до того, где ты живешь? Я выбираю своих знакомых не по тому, что у них в карманах, а по тому, что у них в голове. Некоторое время назад ты сказала, что богата, а потом сказал, что нет.

– О, я так расстроена, – перебила она. – Не обращай внимания на то, как я себя веду. Мы живем на Красном холме. Дом там, наверху, принадлежит отцу.

– Этот большой французский загородный дом? – Удивился Роджер. – Я видел его. Я буду рад увидеть его поближе. – Он рисовал несколько минут. – Я полагаю, ты там очень стильно одеваешься. Ну, у меня где-то в сумке есть вечерний костюм. Я иногда надевал его в Париже, но не часто. Париж не занимается формальностям, по крайней мере, не тот Париж, который я знаю.... Во сколько ужин?

– Половина девятого.

Он застонал и рассмеялся. – Просто мне пора спать. Но я соберусь с духом и приду в себя.... Интересно, есть ли у меня вечерняя рубашка? – Он случайно взглянул на нее и был поражен странным блеском в ее серых глазах. – Что теперь?

– Ничего ... ничего, – поспешила она заверить его. – Просто какая-то глупость. У меня ее полно.

Он продолжал рисовать и вскоре возобновил свой монолог:

– Возможно, придется прийти в обычной одежде. Но это не было бы убийством, не так ли?... Это не город – это глухомань.... Я слышал, что некоторые американцы должны быть хуже англичан за агитацию по поводу мелких формальностей. А твои такие?

– Мама – ужасный сноб, – сказала она слабым голосом.

– Хорошо, я сделаю все, что в моих силах, – был его небрежный ответ. – Возможно, будет лучше, если мне придется ее напугать. – Он рассеянно рассмеялся.

– Надеюсь, ты сделаешь все, что в твоих силах, – взмолилась она. – Ради меня.

Он выглядел удивленным.

– Ты не хочешь, чтобы она подумала, что ты подцепил хулигана, а?

– О, мне все равно, что она думает, – воскликнула девушка. – Мне все равно, что кто-то думает о тебе. Но на первый взгляд ... Я ... я тоже ужасный сноб.

– Хорошо. Я постараюсь не опозорить тебя окончательно.

Она рассеянно задумалась. Вскоре она прервала его картину словами:

– Гек и отец оба маленького роста. Но Хэнк ... я могла бы послать тебе одну из рубашек Хэнка. Он почти такой же большой, как ты – в смысле размера. И я могла бы попросить свою горничную одолжить одну у его камердинера...

Выражение его лица – веселое, напряженное, по-мальчишески веселое – остановило ее. Она покраснела. Она покраснела и выглядела так, словно вот-вот утонет от унижения. Затем она гордо подняла голову, и в ее глазах появился странный свет – свет, который заставил его вздрогнуть.

– В любом случае, как тебе будет угодно, – сказала она, и слова вырвались отрывисто, – все, что тебе будет угодно.

И она убежала.

Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду среди камней и кустов. Он держал кисть наготове перед холстом, снова положил ее и смотрел на сия-

ющую фигуру, которую он рисовал посреди своей картины. Он глубоко вздохнул.

– Что ж, завтрашняя ночь будет концом, – пробормотал он. – И давно пора.

Попытка удивить

На следующий вечер, в четверть девятого, Роджер подъехал к огромному входу в Ред-Хилл в коляске, которую он нанял у Берка, ливрейного лакея из Оленьей Весны. Пятеро лакеев в великолепных ливреях, с напудренными волосами и в белых шелковых чулках – пятеро рослых парней с тупыми лицами и крепкими фигурами, которых богачи выбирают в качестве лакейских экспонатов,—появились в огромном дверном проеме. Трое из них подошли, чтобы помочь Роджеру. Четвертый исчез, чтобы позвонить в конюшню и сообщить об этом неожиданном, скромном экипаже. Пятый стоял на пороге, готовый принять шляпу и пальто единственного гостя вечера. Луна стояла высоко, почти прямо над башнями огромного серого замка. При мягком, обильном свете Роджер осмотрел великолепные, широкие террасы, которые прерывали длинный и крутой спуск к озеру Ваучонг; огромная панорама нетронутой дикой природы, покрывающая маленькую гору, большой холм и долину, насколько хватало глаз,—все это собственность Дэниела Ричмонда. Ближе, в непосредственной близости от дома, находились разработки опытного ландшафтного садовника. Это действительно была сцена красоты, красоты, а также великолепия —интересное проявление грандиозного стиля жизни, в котором богатые жертвуют практически всеми радостями жизни и большинством ее удобств ради щекотки собственного тщеславия и возбуждения зависти своих ближних.

Когда Роджер вошел в высокий, мрачно отделанный панелями вестибюль – его резьба стояла целое состояние, – он снял пальто, обнажив вечерний костюм, который подошел бы фигуре, гораздо менее нуждающейся в украшениях, чем его массивная, но восхитительно пропорциональная фигура с кульминацией божественной головы. И самой впечатляющей чертой этой головы была откровенная простота выражения лица—того выражения, которое отмечает человека, который является чем—то, и поднимает его высоко над стадами людей, которые пытаются, не слишком успешно, казаться чем-то. Современное вечернее платье для мужчин—одна из немногих условностей, возможно, единственная – не предназначена для того, чтобы усилить незначительность, сводя все к одному и тому же уровню гладкой элегантности. Это один из курьезов истории нравов, как такая ошибка стала прочно закрепленной в качестве приличия. В вечернем платье, как ни в каком другом костюме или его отсутствии, личность, индивидуальность владельца бросается в глаза каждому. С первого взгляда можно классифицировать любое количество людей по их качествам и количеству головы и сердца. Беатрис Ричмонд, идущая по коридору, ведущему в вестибюль с востока, остановилась, увидев своего художника.

Сама она, в вечернем платье бледно-серебристого цвета, с прекрасными обнаженными плечами и изящной головой, выглядевшей изысканно под короной просто уложенных желтых волос, была совсем не похожа на довольно простого эльфа из леса и ручья, которого рисовал Роджер. Но она проиграла, вместо того чтобы выиграть, в трансформации. Она была красивее, но гораздо менее очаровательна. Она была выровнена по отношению к обычному. Она просто выглядела, как пишут газеты, “красивой, молодой, светской девушкой”. Роджер, с другой стороны, выиграл. Он сохранил все свое очарование

большого, свободного, искреннего, естественного человека. Теперь он обладал вдобавок некоторой утонченностью, в которой еще не было ничего от дешевой условности. Это было чем-то похоже на разницу между чистокровной неторопливой и каррированной породой. Его естественные пропорции были лучше видны в этой гладкости, чем в грубости.

– В чем дело? – Спросил Роджер, беря ее за руку. – Я опоздал или сегодня не тот вечер?

– Ни то, ни другое, – заверила она его, и ей было приятно отметить, что он и не думал принимать ее бледную и дрожащую радость в своем великолепии мужественности.

– Ничего особенного. Просто ... Я подумала, что мы впервые видим друг друга в цивилизованной одежде.

– Ой! – Роджер, очевидно, считал, что это не стоит того, чтобы продолжать. – У вас здесь чудесное место. Было бы трудно обвинить кого-либо в том, что он пошел на какие-либо жертвы, чтобы сохранить его. – Он огляделся с выражением человека, привыкшего к такой обстановке. На самом деле в нем не было ничего, что хотя бы отдаленно намекало на ту непринужденность, которую она ожидала и боялась. Она чувствовала себя униженной. Он снова, и там, где она меньше всего этого ожидала, упрекал ее в нервозности по пустякам и их преувеличении. Пока они стояли в коридоре и разговаривали, она не обнаружила и следа того благоговения, которого с уверенностью ожидала и на которое надеялась. Он обращался с ней точно так же, как в лесу. Но она не унывала. Она чувствовала, что он, должно быть, глубоко впечатлен, что теперь он, должно быть, понимает, почему она сделала предложение, и, должно быть, ценит, насколько прекрасным это предложение было.

– Он скрывает свои чувства, рассуждала она, – возможно, не осознает их; позже они проявятся в результатах.

– Я отведу тебя к маме, – сказала она.

Они свернули в одну из нескольких дверей и оказались перед комнатой, полной людей, которых всегда можно найти в домах такого рода: тщательно одетых, тщательно подобранных людей, ведущих монотонную жизнь, которую мода навязывает высшему классу во всем мире. Беатрис огляделась, затем с гордостью посмотрела на огромного молодого человека, выражение лица которого заставляло его казаться выше даже среди тех, кто физически был ему равен.

– Отца здесь нет, – объяснила она. – Он сам ненавидит такие вещи, хотя и терпит их ради нас.

Роджер обнаружил, что его приветствует молодая, проницательного вида женщина с холодным, недовольным лицом. Мать Беатрис была всего лишь типажем, одним из тех, из которых складываются огромные состояния в каждом городке и крупном городе от Нью-Йорка до Сан-Франциско: неутомимая и не лишенная интеллекта искательница правильной аристократической позы. Она была одета в простой черный бархат. Седеющие волосы делали ее слишком заостренное лицо более мягким и молодым. Ее фигура была такой же стройной и прямой, как у дочери, хотя и не без признаков тяжелого труда и манипуляций с корсетом, чтобы придать ей девичий вид. Питер Вандеркиф, Хэнки, стоял рядом с ней.

– Итак, вы действительно здесь? – Сердечно спросила она Роджера, тепло

пожимая ему руку и улыбаясь, как старый друг. – Я с трудом верю собственным глазам.

– Невозможно устоять, – сказал Роджер. – Я действительно рад снова видеть вас. Как поживаете, мистер Вандеркиф?

Вандеркиф заставил себя улыбнуться и с опозданием протянул руку. Но его брови оставались угрюмыми—теперь уже не от подозрительности, а от ревности.

– Как продвигается работа над картиной? – Спросила миссис Уотсон.

– О, вы же знаете, как это бывает со мной, – уклончиво ответил Роджер.

– Я помню, – засмеялась миссис Ричмонд. – Ты настоящий художник. Ты должен простить Беатрис. Она сказала мне, что ты все еще боишься незнакомцев.

– Это не застенчивость ужаса, – запротестовал Роджер, – не больше застенчивости или намек на нее, чем у хорошо воспитанного ребенка.

Затем к группе присоединился невысокий, худощавый, смуглый мужчина, очевидно, иностранец с Континента. В одежде и манерах он был очень элегантным человеком или, скорее, персонажем. Его тонкое, чувствительное лицо было чрезвычайно красивым.

– Ах, мой дорогой Уэйд! – Воскликнул он, произнося это имя так, словно оно было произнесено по буквам.

Лицо Роджера просветлело. – Д'Артуа! – воскликнул он, и они с энтузиазмом пожали друг другу руки.

– Как вы живете в этой стране, а я об этом не слышал? – Спросил граф д'Артуа. – Я бы никогда не поверил, что такой знаменитый человек может спокойно передвигаться.

Миссис Ричмонд, Беатрис и Хэнк были чрезвычайно заинтересованными зрителями и слушателями. Д'Артуа повернулся к миссис Ричмонд.

– Вад, должно быть, очень любит вас, раз вы можете заполучить его. В Париже за ним напрасно бегают. Он прячется.

Миссис Ричмонд нервно улыбнулась. Питер уныло уставился на большого человека, внезапно показавшегося ему великим человеком. Что касается Беатрис, то ее глаза сверкали, а щеки гордо пылали. Выражение лица Роджера выражало добродушную терпимость, возможно, с оттенком раздражения. Было объявлено об обеде, и Беатрис взяла его под руку.

– Я могла бы догадаться! – Воскликнула она, глядя на него снизу вверх.

Он покраснел и нахмурился.

– Догадаться о чем? – Спросил он.

– Что ты знаменит.

– Ерунда! – Небрежно заметил Роджер. – Д'Артуа просто вежлив. Кроме того, он мой друг.

– О, я знаю, – сказала девушка. – За обедом он говорил о тебе, о том, какой ты великий художник, как быстро ты, хотя и американец, прославился в Европе. Нам и в голову не приходило, что он говорит о тебе. Он как-то странно произносит твое имя.

– Я ужасно голоден, – сказал Роджер. – Откуда взялись эти люди? Я понятия не имел, что это такой фешенебельный район.

– О, они остановились в доме. Большинство из них прибыли вчера вечером и сегодня.

Роджер ел и слушал девушку слева от него, Алисию Киннер, теннисистку. Справа от миссис ричмонд сидел граф д'Артуа, и он постоянно говорил о "Ваде". Она кисло слушала и время от времени бросала на него взгляд через стол – взгляд встревоженной и сердитой матери довольно неуправляемой наследницы. Питер, сидевший прямо напротив Роджера, был так же молчалив, как и он, но вместо того, чтобы скрыть свое молчание благодарностью ричмондскому шеф-повару, он уставился на кружевную вставку на скатерти, раскрошил и испортил свою булочку. Беатрис была самой счастливой из тридцати двух за этим столом. Она сияла, была в экстазе.

– Ты не собираешься сказать мне ни единого слова? – Спросила она Роджера, когда он закончил обедать. – Ты не можешь все еще быть голодным.

– Я слишком много съел, – ответил он. – Я дурак.

– Это действительно не имеет значения, так как я увижу тебя завтра утром.

– Завтра я не работаю. Мне нужно в город.

– Значит, послезавтра?

– Я могу остаться в городе на несколько дней.

Выражение ее лица было таким обиженным, таким подавленным, что он почувствовал себя виноватым, злым.

– С тобой ужасно трудно дружить, правда? – Спросила она.

– Потому что я отказываюсь тратить свое время на безделье? Ты должна выбирать своих друзей из своего собственного класса.

– Я удивлена, что ты говоришь о классе в этой стране.

– Классы есть везде и всегда будут. Класс просто означает группу людей со схожими симпатиями, вкусами, привычками и средствами.

– Вот что! – Сказала она. – У меня сложилось впечатление, что ты презираешь деньги!

– Я? – Засмеялся он. – Не больше, чем я презираю еду. Деньги – это своего рода пища. Я хочу и стараюсь получить все, что мне нужно. Мой аппетит больше, чем у некоторых, и меньше, чем у других. Я ем или пытаюсь есть пропорционально своему аппетиту.

Она задумчиво кивнула. Станным, неуверенным голосом она спросила:

– И ты действительно не хочешь быть богатым?

– Не больше, чем я хочу быть толстым. И я хочу быть бедным не больше, чем истощенным.

Она снова задумалась. Вдруг она спросила:

– Тебе нравится этот дом?

– Разумеется. Он прекрасен в своем роде.

– Я имею в виду, разве тебе не хотелось бы иметь такой дом?

– Боже упаси! – сказал он, и она поняла, что он говорит искренне. – У меня в моей короткой жизни есть и другие дела, кроме заботы о собственности.

– Но все это можно устроить.

– Да, я полагаю, что так, – сказал он, чтобы закрыть тему, но бессознательно его взгляд блуждал по комнате, останавливаясь то тут, то там на свидетельствах неряшливого ведения домашнего хозяйства, которые всегда уродуют любой большой дом для критического наблюдателя. Она проследила за его взглядом. Вскоре она покраснела, потому что поняла.

– Ты ужасный человек, – сказала она. – Ты все видишь.

– Хотел бы, – ответил он, не понимая, что она имеет в виду. – Тогда я бы на-

рисовал картину, о которой мечтаю.

– Тебе нравятся эти люди? – Спросила она.

– Разумеется. Они кажутся очень милыми. На них очень приятно смотреть.

– Но ты бы не стал с ними дружить?

– Мало вероятно, – сказал он. – У нас слишком мало общего.

– Разве тебе не нужны друзья? – Задумчиво спросила она.

– У меня есть друзья. У меня будет больше. Люди моего круга – люди, которые могут дать мне то, что я хочу, и которые хотят того, что я должен дать.

– Ты презираешь нас, не так ли? – Воскликнула она.

– Разве я не говорил тебе, – запротестовал он, – что никого не презираю? Почему я должен считать людей презренными, потому что они другие?

– Ты бы презирал мою сестру Роду, которая вышла замуж за графа Бродстейрса из-за его титула.

– Вовсе нет. Я одобряю ее за то, что она взяла то, что хотела. Почему она должна быть лицемеркой и выходить замуж по любви, когда ей нужна была не любовь, а трата денег?

– Знаешь, почему мне так хотелось, чтобы ты приехала сюда?

– Как ты прыгаешь! – Засмеялся он. – Ну, почему? Чтобы сгладить...

– Нет, – перебила она, яростно покраснев. – Я должна быть честна с тобой. Я хотела этого, потому что думала, что ты будешь впечатлен.

– Я впечатлен, – заверил он ее с дружелюбной насмешливой улыбкой в глазах. – Я и понятия не имел, что ты такой большой человек.

– Не издевайся надо мной, – взмолилась она. – Я говорю серьезно. Нечестно насмеяться над тем, кто говорит серьезно, не так ли?

– Это презренно, – сказал он. – Но я понимаю тебя лучше, чем ты сам себя понимаешь.

Вопреки условностям она посмотрела на него глазами в значении которых ни один наблюдатель не мог бы ошибиться. Он поспешно огляделся.

– Не делай глупых, сенсационных вещей, – сказал он. – Ты делаешь нас обоих смешными.

– Мне все равно, – заявила она.

Он сурово сказал:

– Теперь, мой друг, я начинаю немного уставать от этого. У тебя всегда был свой путь. Ты задета, потому что не можешь выставить меня дураком. Итак, ты готова пойти на все. Я тебя прекрасно понимаю.

Ее взгляд был твердым и серьезным—совсем не подходящим для общественного места.

– Ты думаешь, я просто кокетничаю? Неужели ты не понимаешь, что я говорю серьезно?

– Возможно, ты так думаешь, – признал он. – Ты так взволнована своей игрой в притворство, что отчасти убедила себя. К счастью, я сохраняю хладнокровие.

– Если бы я была бедной девочкой, ты бы так себя не вел!

– Как я вел себя, когда думал, что ты бедная девочка?

Это заставило ее на мгновение замолчать. Он продолжал:

– Мы с тобой будем настолько хорошими друзьями, насколько позволят наши отдельные миры. И ты выйдешь замуж в своем классе—будешь выполнять свой долг. Признаюсь, мне показалось странным, что такая девушка, как

ты, сознательно выходит замуж из-за денег. Но в то время я думал, что ты бедна. Теперь, когда я увидел, какова твоя жизнь, я не виню тебя. Я вижу, как ты просто не могла отказаться от всего этого великолепия, которое стало для тебя необходимостью. Это все равно что просить меня отказаться от моей картины.

Она озадаченно посмотрела на него.

– Но я выхожу замуж не для того, чтобы сохранить состояние. Мой отец намного богаче Хэнка. Хэнк не так уж богат.

По его темным чертам медленно поползло выражение, похожее на осенний зимний вечер.

– О, – сказал он холодно. – Я думал ... Неважно.

– А ты что думал?

– Естественно, я предположил из того, что ты так много говорила о своем долге, я предположил, что твой отец потерял или собирается потерять свои деньги.

– Господи, нет! – Воскликнула она, с надеждой просяив. – Я имела в виду свою семью, свой социальный долг.

Выражение его лица было насмешливым.

– Говоря честно...говоря по правде... Я никогда об этом не думал.

– Видишь ли, мы новички среди модных людей, в то время как Вандеркиффы-они на самом верху иерархии.

Он с улыбкой кивнул.

– Конечно—конечно. Очень разумный брак.

– Но я не собираюсь выходить за него замуж! – Воскликнула она. – Я и не собиралась.

От изумления он на мгновение забыл, где находится.

– Тогда почему ты связалась с ним?

– Это не такая помолвка, – сладко объяснила она. – Я сделала это, потому что ты так себя вел. Но я была честна с Питером. Я предупредила его, что не люблю его и не могу полюбить. Наша помолвка заключается просто в том, что у него есть шанс заставить меня заботиться о нем, если он сможет.

– Через шесть месяцев ты выйдешь замуж, – беспечно сказал Роджер и поднес к губам бокал шампанского.

– Не за него, – ответила она. – Если и принадлежать, то мужчине, которого я люблю, мужчине, который любит меня.

Ее слова, такие прямые, и ее тон, такой простой, смутили его до такой степени, что он поперхнулся шампанским. Пока он все еще кашлял, миссис Ричмонд встала, и мужчины остались одни. Роджер пошел с первым мужчиной, который присоединился к женщинам. Он направился прямо к миссис Ричмонд, пожелал ей спокойной ночи и вышел из дома, прежде чем Беатрис, окруженная несколькими людьми, смогла выбраться и перехватить его.

Он медленно ехал домой, преследуемый роем неприятных мыслей. Его опыт общения с женщинами научил его более чем подозрительно относиться к любому проявлению женского энтузиазма по отношению к мужчине; женщины были слишком эгоцентричны, слишком благоразумны по своей природе и воспитанию, чтобы свободно выдавать себя, даже когда это поощрялось, если только не было какого-то сильного, грязного мотива. В данном случае подлого мотива просто не могло быть. Он также не мог представить себе ни-

какой практической причины, по которой Беатрис должна притворяться, что заботится о нем, никакой практической причины, по которой она хотела бы выйти за него замуж. Он чувствовал себя дураком—как и должен чувствовать себя нормальный человек, не раздутый самомнением, в обстоятельствах, подобных тем, которые создала для него Беатрис. И какое у нее было тщеславие! Воображать себя такой очаровательной, что просто не могло быть, чтобы он не любил ее. И какого плохого мнения она была о нем! Как мало уважения к нему! Поверить, что причиной, по которой он скрывал свою любовь, было благоговение перед ее богатством и социальным положением. – Что я мог сказать или сделать, чтобы произвести на нее такое впечатление? – Он не мог припомнить ничего, что могло бы быть искажено ею в подобном предположении. Нет, тайна была без ключа. – Я сошел с ума или она? – Спросил он в лунную ночь.... И когда это должно было прекратиться? Могла ли судьба поступить с ним более жестоко? Он вернулся домой, чтобы сделать величайшее усилие в своей жизни—сконцентрировать все свое существо, каждую силу ума и тела, каждую мысль и чувство на осуществлении мечты всей своей жизни. И вот эта девушка, довольно милая девушка, без сомнения, необычайно привлекательная девушка, как и положено девушкам, но все же просто праздная, тратящая время женщина без настоящей серьезности – вот она, беспокоит его, задерживает его работу, отвлекает его мысли, вовлекает его в множество людей, которые не имеют для него ни значения, ни интереса. Вопреки своей воле он был втянут в ее жизнь, закружен ее капризами. Он чувствовал себя не только дураком, но и слабым дураком. – И что, черт возьми, я могу с этим поделать? Как я могу оскорблять милую, дружелюбную девушку, которая не понимает, что делает, и была так воспитана, что ее нельзя заставить понять?

Единственным обнадеживающим курсом, который запрашивался сам собой, было бегство. —Да, если она будет продолжать в том же духе, мне придется пуститься наутек. – Тут ему на помощь пришло чувство юмора, и он посмеялся над собой. —Восхитительным человеком я становлюсь! – Размышляю, что делать, чтобы сбежать от девушки, которая безумно влюблена в меня!

Примерно в то время, когда Берк, ливрейный лакей, снова завладел своим “снаряжением”, Беатрис, раздеваясь перед сном с помощью своей горничной Валентины, получила повелительный вызов от своей матери через ее горничную, Марту.

Миссис Ричмонд великолепно устроилась в пяти больших комнатах на втором этаже восточного крыла. Она приняла дочь в своем кабинете—роскошной комнате, похожей на библиотеку, с немногими признаками того, что это была резиденция администрации дома из сорока двух слуг. В самом деле, миссис Ричмонд была слабым администратором. Она придиралась и критиковала Пинни, суперинтенданта, и миссис Ламберт, экономку. Она обнаруживала недостатки в счетах, обычно в неправильных местах. Она выступала с резкими речами об экономии и расточительности. Но все было сделано небрежно, как это неизбежно случается, когда подчиненные узнают, что такой вещи, как справедливость, не существует, что критика с такой же вероятностью обрушится на хорошую работу, как и на плохую. Воровство и расточительство быстро росли, и хотя Ричмонд с каждым годом в значительной степени увеличивал пособие своей жены на содержание их различных домов, она никогда не могла оставить больше двадцати пяти тысяч или около того для своего соб-

ственного тайного кошелька.

И все же она была очень трудолюбивой женщиной, рано вставала и поздно ложилась спать. Как она проводила свое время? Главным образом в заботе о своей персоне. Она не была очень умна в этом вопросе. Она потратила впустую большую часть времени и большую часть денег, которые вложила в трагикомическую борьбу за молодость. Тем не менее, она получила некоторые результаты. Однако, возможно, большая часть ее успеха в борьбе с жиром и морщинами, а также в сохранении волос и зубов, несмотря на потакание своим слабостям как в еде, так и в питье, была обусловлена превосходным телосложением, которое она унаследовала. Г-жа Ричмонд была родом из Индианы. И там они растут или, в прежние времена, росли—разновидности человеческого вида, сравнимые с дубовым узлом—невероятно прочные волокна, способные противостоять как огню, так и стали, как еде, так и питью.

Между матерью и дочерью было небольшое сходство, за исключением фигуры. Милое и красивое лицо Беатрис было унаследовано от Ричмондов, хотя и не напрямую от ее отца. Ее проницательность и настойчивость были унаследованы непосредственно от отца. Пожилая женщина в бледно-голубом халате резко подняла глаза, когда вошла младшая, в розовом и белом. Но острый, сердитый взгляд дрогнул при виде решительного личика с выражением слегка насмешливого безразличия. Она уже давно изучила свою дочь—и знала, что ее дочь изучила ее.

– Зачем вы послали за мной? – Спросила Беатрис.

– Ты прекрасно знаешь.

– Чанг?

– Чанг! Что это значит?

– Это мое любимое прозвище для нашего дорогого старого друга Роджера ... Роджера Уэйда. Он называет меня Рикс. Я зову его Чанг.

Миссис Ричмонд, казалось, была ошеломлена этим холодным и откровенным бесстыдством.

– Ненавижу ходить вокруг да около, – продолжала Беатрис. – И так, я могла бы с самого начала сказать тебе, что намерена выйти за него замуж.

– Беатрис! – Воскликнула ее мать, охваченная паникой.

– Ты знаешь меня, мама. Ты же знаешь, я всегда делаю то, что говорю. Разве я не обрезала волосы почти до головы, когда мне было восемь, потому что ты настояла на этих дурацких кудрях? Разве нет...

– Ты всегда была упрямой и назойливой, – перебила ее мать. – Я предупреждала твоего отца, что ты разрушишь свою жизнь. Но он не слушал меня.

– Мы с отцом понимаем друг друга, – сказала Беатрис.

– Ты думаешь, он согласится, чтобы ты вышла замуж за этого простого, бедного художника? – Взволнованно спросила мать. – Ну, на этот раз ты ошибаешься. В некотором смысле я знаю твоего отца лучше, чем ты. И когда дело доходит до такого безумия, как это...

– Не волнуйся, мама.

– Он отрубит тебе голову, если ты это сделаешь. Я не удивлюсь, если он отвернется от тебя, как только услышит, что ты подумала о такой вещи.

Беатрис спокойно слушала. – Это еще предстоит выяснить, – сказала она.

– По-моему, ты сошла с ума, Беатрис, – воскликнула ее мать, то ругаясь, то причитая.

– Я тоже так думаю, – ответила Беатрис с мечтательными глазами. – Да, я в этом уверена.

– Это совсем на тебя не похоже.

– Нет, ни капельки. Я думала, что я такая же жесткая, какой ты меня воспитала. Я думала, что меня волнуют только материальные вещи.

– Что с тобой такое?

– Я хочу его, – сказала девушка, решительно сжав губы. Наконец она добавила, – и я собираюсь заполучить его любой ценой.

– В ловушке у авантюриста! Ты!

Беатрис рассмеялась.

– Вам следовало бы послушать Чанга на эту тему.

Ее мать встрепенулась.

– Ты же не хочешь сказать, что дело зашло так далеко?

– Вы о чем?

– Вы не говорили с ним о таких вещах?

– Давным-давно, – холодно ответила дочь.

Миссис Ричмонд, вся дрожа от страха и ярости, двинулась к двери.

– Я сейчас же позвоню твоему отцу!

– Давай.

– Мы тебя куда-нибудь упрячем.

– Я совершеннолетняя.

Миссис Ричмонд не могла полностью скрыть, как это краткое напоминание смутило ее.

– Твой отец поймет, как с этим справиться, – сказала она, пытаясь скрыть существенную слабость замечания свирепым угрожающим тоном.

– Надеюсь, – невозмутимо ответила девушка. – Видите ли, дело в том, что Чанг отказал мне. Я должна как-нибудь уговорить отца привести его в чувство.

Ее мать, стоявшая у двери в приемную, где стояли телефоны, остановилась и резко обернулась.

– О чем ты говоришь? – Спросила она.

– Я попросила мистера Уэйда жениться на мне. Он отказался. Он все еще отказывается.

Миссис Ричмонд, взявшись за ручку двери, казалось, тщательно обдумывала каждое из этих трех в высшей степени важных маленьких предложений. Ее комментарий был еще более сжатым; она резко рассмеялась.

– Я поняла, что он необычайно умный и опытный человек.

Беатрис быстро взглянула на мать проницательными, вопрошающими глазами. – Ты думаешь, он боится, что отец откажется от меня? Интересно... – Задумчиво произнесла девушка. – Надеюсь, что так, и все же я боюсь...

Миссис Ричмонд открыла рот, а ее глаза расширились от ужаса. Наконец она произнесла с иронией, – ты надеешься на это!

Девушка не ответила; она была глубоко погружена в свои мысли.

Ее мать села возле двери. – Ты же знаешь. Я вижу, ты более благоразумна, чем я опасалась. Ты знаешь, что он просто ищет деньги.

– Ты совсем не понимаешь меня, мама. – Беатрис наклонилась к матери через подлокотник дивана. —Разве ты никогда ничего не хотела, не хотела так сильно, так ... так яростно, что приняла бы это на любых условиях, сделала бы

все, чтобы получить это?

– Беатрис, это ... шокирует!

Поскольку слово "шокирующий" потеряло свою силу в общем освобождении от узкой морали, которая является частью модной жизни, миссис Ричмонд решила подкрепить его чем-то, обладающим реальной силой. – Кроме того, это смешно, – добавила она.

– Отец бы понял, – задумчиво сказала девушка. – У него такая натура. Я унаследовала это от него. Ты знаешь, они несколько раз чуть не разорили и не посадили его в тюрьму, потому что у него была одна из тех тяг, которые просто должны быть удовлетворены.

Ни одна верная жена не могла бы принять лучший вид и тон, чем жена Дэниела Ричмонда, когда она упрекнула, – ты говоришь о своем отце, Беатрис!

– Да ... и я люблю его ... обожаю его ... просто потому, что он что-то делает. Он хорош—хорош, как золото. Но он не боится быть плохим. Он без колебаний берет то, что хочет, потому что у него хватает смелости.

– О твоём отце лгали, на него клеветали, завистливо клеветали его враги.

– Не говори ерунды, мама, – перебила ее девушка. – Ты знаешь его так же хорошо, как и я. Он знает, что может управлять тобой через твою любовь к роскоши, точно так же, как он заставляет Роду и ее графа ползать, лебезить и лизать его сапоги, и мальчиков, даже Конни, которой всего четырнадцать. О, я не виню его за то, что он заставляет людей съезживаться, когда может. Мне самой нравится это делать.

Мать смотрела на эту дочь, такую загадочную для нее, со смешанным восхищением и ужасом.

– Ты ужасна ... ужасна!

Беатрис, казалось, восприняла это как редкий, приятный комплимент. – У меня хватает смелости сказать то, что я думаю. И ... в самом деле, я не такая уж страшная. Раньше я воображала, что это так. Но ... – она сделала паузу, тихо рассмеялась, и восхитительная перемена отразилась на ее лице, – просто спроси Чанга!

И слова, и их манера были подобны дерзкому вызову. Они почти выводили миссис Ричмонд из себя от тревоги и гнева.

– Твой отец скоро заставит тебя смириться! Вот увидишь, мисс! Вот увидишь. – И она кивнула головой, злобно смеясь, безумный блеск в ее ярких карих глазах. – Да, ты узнаешь!

На Беатрис это не произвело ни малейшего впечатления.

– Все, что может сделать отец, – это отрезать меня. У меня есть пять тысяч в год в моем собственном распоряжении. Достаточно, чтобы сохранить тело и душу.

– Каким же он был дураком, – воскликнула ее мать, – что дал тебе эти деньги.

– Дело не только в деньгах, – продолжала Беатрис. – У тебя почти полмиллиона отложено из домашних денег. И твои драгоценности стоят гораздо больше. И все же ты его боишься.

Вместо того, чтобы прийти в ярость, миссис Ричмонд обессиленно откинулась на спинку стула.

– Он мой муж, – сказала она умоляюще. – Ты не понимаешь, как много это значит ... Пока нет.

Беатрис тихо рассмеялась. – Нет, но я начинаю, – сказала она. Однако она не стала развивать эту тему, не заставила свою мать признать, что истинным источником власти Ричмонда над ней был не долг жены и даже не материнское чувство, а любовь к огромной и дорогостоящей роскоши, которую доставляло ей положение жены Ричмонда. Все, чего хотела девушка, – это привести свою мать в то податливое состояние ума, в котором она перестанет быть активным врагом своих проектов. Г-жа Ричмонд теперь дошла до этой кроткой слабости; на протяжении всего их разговора ее отношение к дочери было дружеским, сестринским, скорее упрекающим, чем осуждающим.

– Ты не понимаешь, что с тобой происходит, Беатрис, – сказала она.

– Что со мной такое?

– Ты не поймешь ... Я не могу объяснить ... У тебя нет опыта. Если бы он был, то ты бы поняла и контролировала себя.

– Все, что я знаю, так это то, что он должен быть моим.

– Вот как любовь влияет на тех, кто ей одержим. Если бы ты вышла замуж в таком состоянии, ты бы потом удивлялась себе, когда насытилась бы.

– Но я бы не насытилась, как ты это называешь.

– Насыщение приходит всегда.

– Всегда?

Миссис Ричмонд переступила с ноги на ногу.

– Ты никогда не добьешься согласия своего отца, никогда!

– Это наименьшая из моих проблем, – уверенно сказала Беатрис. – Единственный вопрос: как он мог бы помочь мне заполучить Роджера?

– Как ты можешь быть такой глупой, дитя мое! – Воскликнула мать. – Этот парень набросится на тебя, как только узнает, что твой отец согласился. – Миссис Ричмонд улыбнулась. – А когда он набросится на тебя ... О, я так хорошо тебя знаю! Ты посмеешься над ним и повернешься к нему спиной.

– Интересно, – рассеянно сказала Беатрис. – Интересно.

– Я уверена в этом, – энергично воскликнула ее мать.

– Я не знаю, – ответила девушка. – Это совсем не похоже на меня – выходить замуж за человека не из своего класса. Сначала я смеялась над собой за то, что даже вообразила, что действительно выйду замуж за Чанга. Я была очарована им. Всем, что он говорил и делал, и тем, как он говорил или делал это: как росли его волосы, как сидела его одежда, как он выпускал дым изо рта, как он держал палитру и его длинные кисти. Видишь ли, мама, я была без ума от него. Разве он не великолепен на вид?

– Он, конечно, поразительно красив, – признала миссис Ричмонд. – Но едва ли больше, чем Питер.

– О, мама! – Рассмеялась Беатрис. – Ты не настолько неразборчива. Между ними такая разница, какая есть между ... между богом и простым смертным. Противопоставление двух мужчин, казалось, снова убедило девушку.

– Да, я хочу Чанга, – воскликнула она. – Я была бы чрезвычайно горда, если бы у меня был такой мужчина, в качестве моего мужа.

– Но подумай, моя дорогая! Он никто!

– Ты слышала д'Артуа...

– Да, но если он попытается жениться на сестре д'Артуа ...

– Я знаю. Я понимаю, – нетерпеливо сказала Беатрис. – Хотела бы я, чтобы он был кем-то настоящим. Тем не менее, он, вероятно, из такой же хорошей

семьи, как и мы. – Она встала и повернулась к матери. – Когда я с ним, мне стыдно быть такой ... такой дешевой. Когда я вижу его рядом с Питером, я смеюсь над любимым, кто говорит такие снобистские вещи. Но ... О, меня так дурно воспитали! Неудивительно, что он не хочет меня! Если бы он знал меня такой, какая я есть, он бы отверг меня, – выражение ее лица смягчилось до любящей нежности. – Нет, он не стал бы. Он большой и широкоплечий. Он поймет и посочувствует, и попытается помочь мне быть достойной его. И я буду им!

Мать посмотрела на нее с тем неуверенным выражением, которое можно увидеть на лицах глухих, когда они притворяются, что услышали и поняли.

– Ты очень странная, Беатрис, – сказала она.

– Я, нет! – Воскликнула девушка. – Думаю, некоторое время назад ты была права. Наверное, я сошла с ума.

– Тебе не кажется, что нам лучше сразу уехать за границу, а не ждать до июня?

– Я уже думала об этом. Но мысль о том, чтобы оказаться вне его досягаемости, сводит меня с ума. Я бы не выдержала этого. Я прыгнула бы за борт и поплыла бы обратно, чтобы посмотреть, что он задумал.... Ты когда-нибудь была влюблена, мама?

– Конечно, – ответила миссис Ричмонд. – Но я не влюблялась в ничтожество, у которого ничего нет, по крайней мере, в человека без перспектив.

– Значит, ты не знаешь, что такое любовь! О, это было бы восхитительно – заботиться о нем, сходить по нему с ума, дрожать всем телом, если он говорит, дрожать, если он случайно смотрит на меня в своей спокойной, большой манере, и это, когда я чувствовала, что он может быть немного больше, чем бродяга, насколько я знала.

На лице матери не было сочувствия, ничего, кроме неприязни и смятения. И все же она не осмеливалась высказать свое мнение. Она знала Беатрис.

– Боюсь, он очень хитер, дорогая, – осмелилась сказать она. – Похоже, он прекрасно понимает, как тебя провести.

– Не думаю, – ответила Беатрис. – Возможно, я ошибаюсь. Я часто сомневаюсь. Я, как и отец, очень подозрительна по натуре. Конечно, вполне возможно, что он играет со мной. Если да, то это самая смелая, великолепная игра, в которую когда-либо играл человек, и он заслуживает победы.... Нет, мама. Он не играет со мной. Я пыталась завоевать его, когда он считал меня никчемным ничтожеством. Он не пошел. Тогда я подумала, что он сдерживается, потому что он беден; и я попыталась завоевать его, показав ему, что он получит. Я все еще пытаюсь это сделать. Но, похоже, этот способ работает не лучше, чем другой.

– Беатрис, я поражена. Что он должен думать о тебе?

– Теперь ты очень хорошо знаешь, мама, что девушка в моем положении может ухаживать, если мужчина беден и имеет хоть какое-то самоуважение. На самом деле, у меня есть мнение, что женщины, при любых обстоятельствах, ухаживают гораздо больше, чем обычно предполагается.

– Я не знаю, как это в наши дни, – сухо сказала ее мать. – Но в мое время...

– Ты бы не призналась, дорогая мама, – засмеялась девушка. – И твои манеры подозрительно похожи на попытку скрыть вину.

– Я уверена только в одном, – едко заметила миссис Ричмонд, – в мое время дети не оскорбляли своих родителей.

– Ну, не сердись на мои шутки, дорогая, – уговаривала дочь, целуя хорошо уложенные седые волосы матери так легко, что не было никакой опасности их растрепать.

Как будто все это внезапно снова нахлынуло на нее. Миссис Ричмонд в отчаянии воскликнула:

– Что скажет твой отец? Он обвинит меня. Он будет говорить вещи, которые повергнут меня в уныние.

– Если ты не скажешь ему об этом, – сказала Беатрис, – я гарантирую, что он не будет винить тебя. Утром Хэнк уезжает. Вы с Гектором можете притвориться, что ничего не знаете. Я поговорю с ним.

Ее мать выглядела несколько успокоенной, но сказала с сомнением:

– Он отчитает меня за то, что я не охраняла тебя более тщательно.

– Я все это исправлю, – сказала Беатрис с заразительной уверенностью. – Поверь мне.

Миссис Ричмонд посмотрела на нее с такой глубокой благодарностью, что это было почти с любовью.

– Если бы ты только была благоразумна и выбросила эту глупость из головы, – жалобно сказала она.

Рикс весело рассмеялась, потом тихо сказала, – у меня и в мыслях такого нет. Я жила в другом мире, о котором я не знала, пока не встретила его, – она с восхищением посмотрела на себя в длинное зеркало, оказавшееся под рукой. – Разве ты не видишь, насколько я стала красивее за последнее время? Ты понимаешь почему. О, я так счастлива!

Ее мать беспомощно вздохнула. Рикс снова рассмеялась и ушла в свои комнаты попытаться писать стихи!

Коварство невинности

На следующее утро не было еще и половины седьмого, и Чанг как раз добрался до озера, когда ее каноэ выскочило из-за поворота. Он стоял в нескольких ярдах от кромки воды, наблюдая за ее грациозными маневрами. Она управляла этим каноэ так же идеально, как если бы оно было частью ее собственного тела. Он был слишком большим художником, чтобы сохранять суровое выражение лица перед лицом столь очаровательного зрелища. Кроме того, в ее чертах—желтых волосах, постоянно меняющихся серых глазах, подвижных и розовых губах, нежной коже – было слишком много мягкой и ослепительной прелести утра. Если бы человек хотел, чтобы его околдовали, – думал он, – то она была бы идеальная чародейка. Она была одной из немногих женщин, которых он знал, которые хорошо одевались – пожалуй, единственной. Когда он впервые познакомился с ней, он не думал, что она особенно привлекательна, если не считать свежести, которая является почти всеобщим неотъемлемым правом молодости. Но по мере того, как он изучал ее, наблюдал и чувствовал ее переменчивое настроение, ее очарование росло. Даже вещи в ней, сами по себе непривлекательные, были завораживающими в сиянии и пульсации ее естественно яркой личности—не интеллектуальной личности, вовсе нет, но благоухающей свежим ароматом первобытного, естественного естества. Идеальная чародейка, – пробормотал он, и участок, который он строго обозначил для себя, казался голым и одиноким, как монашеская келья рядом с великолепием пейзажа за узким окном.

– Как ты можешь быть не в духе в такое утро? – Воскликнула она, когда нос ее каноэ мягко выскользнул из воды, и она поднялась на ноги.

– Напротив, я в прекрасном настроении. – И его взгляд и голос выдавали его. – Разве я не говорил тебе, что сегодня еду в город? Я просто прогулялся здесь.

Она рассмеялась. – Я тоже тебя не ожидала. Я просто отправилась сюда на прогулку.

И когда он покраснел от смущения и досады, она засмеялась еще веселее.

– Ты такой забавный, – нежно сказала она.

– Признаюсь, – сказал он, – я думал, что у тебя есть шанс приплыть. И я подумал, что если ты это сделаешь, то это будет лучшая возможность откровенно поговорить с тобой.

Она уселась или, вернее, балансировала на переднем изгибе своего каноэ. Он занимал большой пенек рядом с кленом, под которым всегда рисовал.

– Я вижу, – заметила она, – что ты готовишься сказать много того, чего не имеешь в виду. Ты когда-нибудь поблагодаришь меня за то, что я был терпелив с тобой!

Он отвел глаза, пробормотал что-то бессвязное, смущенно поискал сигареты. – Ты всегда держишь футляр в левом нижнем кармане жилета, – сказала она. И, конечно же, так оно и было, к его еще большему замешательству. Но когда их взгляды встретились, блеск в ее серых глазах – веселый, как солнечные лучи, которые меняли желтизну ее волос на красновато—желтый цвет тончайшего золота – оказался неотразимым.

– С тобой просто невозможно быть серьезным, – воскликнул он, как ему хотелось бы думать, раздраженным тоном.

– А с чего бы это? – Спросила девушка. – Ты предупреждал меня, что я отношусь ко всему, включая себя, слишком серьезно. Теперь у тебя вошло в привычку относиться к себе, о, так серьезно! Что гораздо хуже, чем серьезно. Ты больше похож на мрачного проповедника, человека с миссией, чем на художника, в сердце которого живет радость жизни. Прошлым вечером ты все сделал великолепно.

Он, застигнутый врасплох, выглядел довольным, как мальчик, которому только что подарили пистолет. – Рад, что не опозорил тебя. Ты помнишь, как нервничала из-за этого.

– Твой разговор об этой рубашке был немного тревожным. Все вышло хорошо. По крайней мере, я так думаю. Люди не замечают твоей одежды.

– Ну, как же я скажу то, что должен сказать, если ты будешь продолжать в том же духе? – Спросил он. – О, но ты хитра!

– Я не хочу, чтобы мне читали лекции, Чанг.

Он устроился с видом непреклонной решимости. – Я не собираюсь читать лекции, – сказал он. – Я собираюсь сказать несколько слов здравого смысла, а затем попроситься.

Она смотрела в землю, и выражение ее лица разрывало его нежное сердце. Напрасно он твердил себе, что он эгоистичный дурак, что девушка, вероятно, наполовину притворяется, чтобы воздействовать на него, что другая половина чувства в ее выражении была самым слабым юношеским увлечением, которое наверняка исчезнет через несколько дней, самое большее через несколько недель. Там, перед ним, было выражение страдания. И когда она на мгновение подняла глаза, они сказали более трогательно, чем мог бы сказать ее голос: “Почему бы тебе не ударить и не покончить со мной? Я беспомощна”.

Он встал, бросил сигарету далеко в озеро.

– Это слишком мерзко! – Воскликнул он. – Как, черт возьми, я вообще попал в такую переделку?

Она ждала, кроткая, молчаливая, жалкая.

– Я почти решил уехать, вернуться в Париж, – сказал он.

– Может быть, мы сможем переправиться вместе, – сказала она. – Мы с мамой скоро уезжаем. Она хочет, чтобы я немедленно уехала туда или куда угодно, куда я захочу.

Он снова упал на пенек. Чувство беспомощности ослабило его позвоночник и колени. Что толку уезжать? Эта девушка была свободна – у нее были средства путешествовать, куда бы она ни захотела, оставаться столько, сколько ей захочется. В своем возбуждении он видел, как его преследуют по всей земле, пока у него не кончатся деньги, и он, не в силах убежать дальше, был настигнут и схвачен. Он начал смеяться – смеяться, пока слезы не покатались по его щекам.

– В чем дело? – Спросила она. – Расскажи мне. Мне хочется смеяться.

– Ты делаешь из меня слабоумного, – ответил он. – Я смеялся над собой. Я рад, что у меня был такой смех. Думаю, теперь я могу говорить разумно, не выставляя себя на посмешище.

Он снова напустил на себя в высшей степени впечатляющий, в высшей степени зловецкий вид трезвой решимости. Он начал:

– Не так давно ты оказала мне честь, сказав, что влюблена в меня.

– Ты ... ты плохо думаешь обо мне за то, что я была откровенна? – И серые

глаза смотрели с невинной тревогой.

– Нет, не знаю, – признался он. – В общем, я думаю, что должен был подумать, ну, странно, о девушке, которая вышла с таким потрясением без особой причины. Но в этом случае эффект поразительно отличается. Наверное, потому, что я ни в малейшей степени не могу тебе поверить.

– О, нет, причина не в этом, – воскликнула она. – Было правильно, что я заговорила первой. Видишь ли, когда девушка бедна и женитьба на ней потребует от мужчины больших расходов, было бы ... было бы ... совершенно дерзко с ее стороны говорить такие вещи. Это было бы так, как если бы она попросила его поддерживать ее всю жизнь.

– Может, и так, – сказал он. – Денежная сторона этого вопроса не приходила мне в голову. Естественно, вы, у кого много денег, будете думать об этом больше, чем я, у кого их мало.

– А ты бы побоялся ... жениться ... на женщине, у которой гораздо больше денег, чем у тебя?

– Ни в малейшей степени, – заявил он. – Какая нелепость!

Холодок подозрения пробежал по ее лицу.

– Я не хочу жениться и не женюсь, – продолжал он. – Но если бы я действительно хотел жениться и хотел эту женщину, мне было бы все равно, кто она, или что она, или что у нее есть, или чего у нее нет-пока она была бы тем, что я хотел. И я не думаю, что даже вы, как бы вы ни были помешаны на деньгах, могли бы заподозрить меня в такой же мании.

Его тон и манеры убедили бы любого. Они убедили ее. Она с облегчением вздохнула.

– Я рада, что ты сказал это именно так, – сказала она.

– Я уверен, что не вижу никакой разницы, – ответил он. – Уж не хочешь ли ты сказать, что подозревала меня в том, что мне нужны твои деньги?

Она глупо опустила голову.

– У меня ужасный ум, – призналась она. – Мне пришло в голову, что, возможно, ты держишься из-за страха, что отец откажется от меня.

– У тебя хватило наглости! – Воскликнул он. – Я никогда не слышал о подобном! Никогда!

– Теперь я тебе противна, – воскликнула она. – Я знаю, что не должна была тебе говорить. Но я не могу не рассказать тебе все. Нечестно, Чанг, думать, что я хуже большинства девушек только потому, что позволила тебе заглянуть в меня. Ты же знаешь, что это несправедливо.

– Ты права, Рикс, – сказал он импульсивно, и чувство, что он обидел ее, подтолкнуло его сказать, – я так восхищаюсь твоей откровенностью и твоим мужеством. Я бы хотел, чтобы ты не была привлекательной. Тогда мне было бы легче сделать то, что я должен сделать.

Ее лицо засияло.

– Значит, я тебе безразлична?

– Ну, конечно, нет, – сказал он сердечно, но тоном, совершенно неудовлетворительным для ушей, ожидающих, чтобы впиться в то, чего жаждали ее уши. – Неужели ты думаешь, что я смогу выносить так долго тех, кто мне не нравится?

– Ты не откровенен со мной! – сказала она немного угрюмо.

– А почему бы и нет?

– У тебя есть какая-то причина, по которой ты не позволяешь себе сказать, что любишь меня. И ты не скажешь мне, что это такое.

– Сколько раз я должен повторять тебе, – горячо воскликнул он, – что я не забочусь о тебе в этом смысле, не больше, чем ты заботишься обо мне?

Она была сама мягкость и свобода от коварства.

– Но каждый раз, когда ты это говоришь, ты говоришь это сердито, и тогда я знаю, что ты не это имеешь в виду.

Ее лицо выглядело упрямо неубедительным.

– Говорю тебе, я серьезно! – Повторил он с гневной энергией.

– Ты злишься на себя за то, что я тебе так нравлюсь.

Он сделал жест отчаяния.

– Что ж, пусть будет по-твоему, если тебе так больше нравится. – Он поднялся и встал перед ней, глубоко засунув руки во внешние карманы своего свободного мешковатого пальто. – Что бы я о тебе ни думал, я ни на ком не жемнюсь. Я ясно выражаюсь?

– Но ведь все женятся, – невинно сказала она. – О, Чанг, почему ты хочешь быть эксцентричным? – И в его глаза смотрели детские глаза. – Ты сам говорил мне, что эксцентричность – это глупая карикатура на оригинальность.

– Эксцентричный ... эксцентричный, – пробормотал он, не зная, что еще сказать. С таким невозможным существом нельзя говорить серьезно! Она всегда улетала по касательной. Сдерживая раздражение, он сказал низким, напряженным голосом, – эксцентричный или нет, я не собираюсь жениться. Ты понимаешь? Я не собираюсь жениться.

– Почему ты злишься? – Сладко взмолилась она. – Это неразумно. Я не могу заставить тебя жениться на мне, не так ли? Я не хочу выходить за тебя замуж, если ты не хочешь жениться на мне, не так ли?

Он зашагал прочь, снова туда, где она грациозно и непринужденно сидела на конце своего каноэ.

– Я не так уж в этом уверен! – Воскликнул он. – Ей-богу, ты иногда заставляешь меня чувствовать себя так, словно у меня на шее недоуздок. Откуда у тебя эта адская настойчивость?

– От моего отца, – сказала она тихо и спокойно. – Я ничего не могу с собой поделать. Когда мое сердце настроено на что-то, я держусь за это, как за мрачную смерть.

Он огляделся, как во сне.

– Я не сплю? Я действительно проснулся? – Спросил он у озера и деревьев и камней. Затем он обратился к ней:

– Что ты задумала? Я знаю, что ты меня не любишь. Я знаю, что ты не хочешь выходить за меня замуж. Тогда зачем ты это делаешь?

– Не знаю, – ответила она. – Я просто ничего не могу с собой поделать. Иногда, когда я остаюсь одна и думаю о том, что сказала тебе, я не могу поверить, что это действительно была я, или что такие слова действительно были произнесены.... Этому может быть только одно объяснение.

– И что же это такое?

– Что я без тени сомнения знаю, что ты любишь меня.

– В самом деле! – Воскликнул он с фантастической попыткой презрительной иронии и зашагал прочь, чтобы остановиться на своем прежнем месте, большом пне под деревом. – Правда? – Повторил он.

– Ты должен сам это понять, – настаивала она серьезно. – Честное слово, Чанг, могла бы девушка говорить с тобой так, как я, такая гордая и скромная, как я, и не имеющая никакого опыта, могла бы она это сделать, если бы не была абсолютно уверена, что разговаривает с мужчиной, который ее любит?

В его глазах было что-то похожее на ужас человека, который чувствует, что тонет в океане или зыбучих песках, и тщетно ищет помощи. Он сел и уставился на блестящее, сверкающее озеро.

– Ты знаешь, что я права, – сказала она со спокойной убежденностью.

Он снова встрепенулся от волнения. – Должно быть, я становлюсь слабоумным! – Воскликнул он. – Или ты меня гипнотизируешь?

– Если кто-то и занимался гипнозом, то, наверное, это ты меня загипнотизировал.

– Может быть, и так, – сказал он, смущенно махнув рукой. – Может, и так. Бог его знает. Я не....

– А теперь, – продолжала она, – мы решили, что любим друг друга.

– Что? – Воскликнул он с прежней энергией. Но все стихло под ее спокойным, удивленным взглядом. Он тупо уставился на ее ноги, вытянутые и скрещенные. – Все решено? – Пробормотал он. – Так ли это?

А затем он выпрямился. Своего рода жест вставшего на дыбы мятежника, жест последнего яростного сопротивления в последней канаве.

– Да, Чанг, все решено, – успокаивающе сказала она. – Ты такой большой и глупый, дорогой! Но ... как я собиралась сказать ... – Она запнулась.

– Продолжай, – настаивал он, делая широкий иронический жест, соответствующий неистовой иронии его тона. – Говори все, что хочешь. Только не держи меня в напряжении.

– Ты уже позавтракал? – Заботливо спросила она.

– Я пью только кофе.

– Но этого недостаточно для такого долгого утра, как у тебя, – запротестовала она.

– Разве нет? Все в порядке. Я буду есть все, что ты скажешь. Есть, пока ты не прикажешь мне остановиться.

– Этого действительно недостаточно, – сказала она, отказываясь ослаблять серьезность. – Но теперь, когда мы решили, что любим друг друга, вопрос в том, что нам с этим делать?

– Да, – сказал он, насмешливо кивая головой. – Вот именно. Что с этим делать?

– Какой у тебя странный голос, Чанг, – заметила она с выражением нежной, невинной тревоги. – В чем дело?

– Я пил только кофе, – сказал он.

– Ты не должен делать этого снова.... У тебя есть какие-нибудь предложения?

– Ни одного. А у тебя?

– Чанг! – Укоризненно сказала она. – У тебя есть предложение.

– Неужели? Что это?

– Единственное возможное предложение. Ты прекрасно знаешь, что единственный разумный поступок – это жениться.

– Я сплю, – усмехнулся он. – Да, я сплю.

– Ты смеешься надо мной, Чанг!

– Действительно?

– О, мне все равно. Я так счастлива! Единственное, что стоит на пути, – это отец.

– О, отец! Да, есть отец! – И он иронически кивнул, повторяя, – отец, есть отец.

– Но я скоро приведу его в чувство, – воскликнула она. – Его воля очень сильна, но моя гораздо сильнее.

– Я верю в это! – энергично сказал он. – У тебя самая сильная воля, которая у нас была с тех пор, как Джошуа приказал солнцу стоять на месте, и солнце сделало это.

– Ты снова смеешься надо мной! – Упрекнула она с оскорбленным видом.

– Нет, нет! Как я мог? – Запротестовал он. – Но предположим, отец откажет в согласии. Что тогда?

– Но он этого не сделает, – сказала она, выразительно кивнув.

– Но он может. Он не знает меня так хорошо и не любит так сильно, как его дочь.

– Чанг, у меня такое чувство, будто ты смеешься надо мной!

– Как ты можешь! – сказал он. – Но давай вернемся к отцу и будем держать-ся его. Предположим, он откажет, абсолютно откажет! Что тогда?

– Я не подумала. Это так маловероятно.

– Ну, подумай сейчас. Ты бы отказалась от своей романтической мечты, не так ли?

Она сияла, счастливая, уверенная в себе.

– О, этого не случится. Он наверняка согласится.

– Он наверняка не согласится, – сказал Роджер, отбросив иронию. – Что тогда?

Она молчала. Ее лицо медленно побледнело. Вокруг ее глаз и рта появилось напряженное выражение. Он рассмеялся саркастическим смехом, искренним звуком, который указал ее острым ушам на конец иронии, о которой она при-творялась, что не подозревает. Она быстро подняла глаза. Ее взгляд упал на него.

– Вот видишь, – сказал он с легким презрением в шутливой насмешке, – я показал тебе твоё истинное "я". А теперь будь благоразумна. Возвращайся в свой мир и оставь бедного художника в покое.

Он встал, подошел к ней, протянул руку.

– До свидания, Рикс. Я должен успеть на поезд.

Она не взяла его за руку.

– Конечно, мы пожмем друг другу руки, – сказал он мягко, дружелюбно. – Я понимаю. Ты мне нравишься такой, какая ты есть, а не такой, какой должна быть. Ну же, дай мне руку, друг мой.

Она вздохнула и посмотрела на него. – Предположим, я скажу, что все от-дам ради тебя. Что тогда? – Спросила она.

– Ну, ты бы сказала неправду.

– Чанг, – серьезно сказала она, – я думаю, что отдала бы все ради тебя. Но поскольку это ты спрашиваешь меня, ты, кому я чувствую, что должна ска-зать чистую правду. Я должна быть честной. И, честно говоря, я не знаю. И лю-бая девушка в тех же обстоятельствах сказала бы точно то же самое, если бы она не лгала или просто влюбилась.

– Ты козырь, Рикс! – Воскликнул он. В его глазах было выражение, которое взволновало бы ее, если бы она его увидела. Но прежде чем она снова обратила на него свой взгляд, он сдержал свое импульсивное самораскрытие. В своей обычной манере он продолжал:

– Я горжусь твоей дружбой. Всегда приятно, когда тебе напоминают, что на земле есть люди правильного сорта. Но теперь ты сама видишь, что я был прав с самого начала. Мы не принадлежим к одному классу. Мы не можем с комфортом путешествовать по одной и той же дороге. Мы...

– Ты женишься на мне, если я откажусь от всего ради тебя? – Перебила она.

– Нет, – последовал быстрый ответ. – Любой мужчина, который поступил бы так с девушкой твоего типа, был бы дураком и даже хуже. Но не забывай еще об одном факте, моя дорогая. Я не женюсь на тебе ни при каких обстоятельствах. Я не собираюсь жениться. Я уже женат, как и говорил тебе раньше. Я не верю ни в какой другой брак для мужчин моего типа. Я люблю свою свободу. И я сохраню ее.

Не было никакой ошибки в звучании этих решающих слов. Девушка слегка съежилась. Она начала сдавленным, неуверенным голосом:

– Но ты сказал...

– Рикс, мой дорогой друг, я не сказал ничего, что противоречило бы тому, что я всегда говорил тебе. Во что я верю, так это в свою работу. Ты прекрасно знала, что несколько минут назад я просто иронизировал. Я не хотел расставаться с тобой, когда ты воображала, что у тебя разбито сердце. Вот почему я позволил зайти тебе так далеко, пока не появилась эта ужасная преграда. О, какая преграда для романтической Рикс!

Она рассмеялась с частичным возвращением прежней веселости.

– Я действительно чувствую себя дешевкой, – сказала она, – грязной дешевкой.

– Ты просто человек. Но ... В самом деле, мне пора, – быстро сказал он.

– Когда я увижу тебя снова? – И она старалась говорить спокойно, с улыбающимися глазами.

– Дай мне посмотреть. Я вернусь через два – три дня. Через неделю или десять дней я закончу эту картину. Я полагаю, ты хотела бы ее увидеть. Я пошлю твоей матери записку с просьбой привезти тебя. Ну, до свидания, Рикс.

Он взял ее за руку и отпустил. Она стояла, побледнев, покраснев и дрожа.

– И это все? – Пробормотала она. – Разве ты не ... – Голос подвел ее.

Он наклонился и поцеловал ее волосы у виска. Внезапно она обняла его за шею, страстно поцеловала, крепко обняла, и по его щеке пролился дождь слез. С истерическим криком, больше похожим на радость, чем на горе, но не похожим ни на то, ни на другое, она высвободилась, прыгнула в каноэ и оттолкнулась. И она пошла своей дорогой, а он своей, ни разу не оглянувшись.

Г-н Ричмонд приходит

Роджер работал в студии, широко распахнув двери и окна. Было очень жарко. Он сократил свой костюм до рубашки для прогулок и старых фланелевых брюк, таких, какие шьют в Латинском квартале, – мешковатых на бедрах, сужающихся к лодыжкам и свисающих с небрежной, удобной, но не лишенной изящества свободой. Он работал над картиной. Он еще не определился с названием. Должен ли он назвать это Апрельем? Или Рассветом? Или Водяной Ведьмой? Или ему следует дать ей собственное имя – Рикс? Этот титул ничего не значил бы ни для кого, кроме него самого. Но для него картина больше ничего не значила. Правда, в ней был пейзаж: игра раннего утреннего света на листве, на подвижной воде, на спокойной воде – что делало его лучшим пейзажем, который он когда-либо создавал, несравненно лучшим. Каноэ тоже было в своем роде чудом. Но девушка – вот она, фотография! Он сделал еще одно бесконечно малое изменение. Было бы невозможно сосчитать количество тех изменений, которые он сделал. Затем он отошел на некоторое расстояние, чтобы посмотреть еще раз.

– Это на холсте или у меня в голове? – Сказал он вслух.

Он не мог сказать. Он скорее боялся, что в значительной степени воображает чудеса, которые, как ему казалось, он видел в этом изображенном лице и фигуре.

– Это может быть ерундой, и я дурак, загипнотизированный ею и собственным тщеславием, насколько я знаю. Но, какое мне дело? Я получаю удовольствие.

Удовольствие? Никогда прежде он не испытывал такой глубокой, полной радости от своей работы. Не просто радость от работы, это был его неизменный опыт, но радость от завершенной работы. Никогда прежде он не подводил что-либо так близко к финишу без чувства неудовлетворенности, чувства неудачи, того, что только что промахнулся. Он рассматривал картину с дюжины точек. И каждый раз он видел в ней что-то новое, что-то еще более удивительное.

– Будь я проклят, если он там! Этого просто не может быть. Ни один величайший гений, из когда-либо живших, не смог бы создать то, что, как мне кажется, я вижу.

Он занял дюжину новых позиций, подолгу стоя в каждой точке обзора. Но иллюзия, это должна была быть иллюзия, отказывалась исчезать. Ее фигура упорно взывала к нему, как к произведению трансцендентного гения.

– Все закончилось вовремя, ни на минуту позже! Ибо очевидно, что я был на грани того, чтобы влюбиться. На грани?... В чем смысл иллюзии картины, большей, чем когда-либо создавал художник?... На грани? Черт возьми, я только и делаю, что думаю о ней с тех пор, как мы поцеловались. Я околдован! Я влюблен!

Поцелуй был уже неделю назад, он давно должен был утратить свою силу, потому что в поцелуе красивой женщины есть сила, даже если мужчина ее не любит. Но у этого поцелуя было необыкновенное, беспрецедентное качество. Другие поцелуи в прошлые дни давали свои небольшие ощущения и сразу же дрейфовали в толпе впечатлений о женщине или об общей радости жизни, когда чувства нормальны и отзывчивы. Но этот поцелуй, у него была индиви-

дуальность, собственное тело и душа, своего рода жизненная сила бобового стебля Джека. С каждым днем он становился все энергичнее. Сегодня он чувствовал его гораздо сильнее, чем в тот день, когда ему его дали. Действительно, тогда это не произвело очень сильного впечатления. Он знал гораздо лучшие поцелуи. Он чувствовал себя неловко, немного нелепо, довольно странно и стремился сбежать. Сейчас...

– Ни минутой раньше, ни минутой позже! А так у меня будет чертовски много времени, чтобы забыть ее.

Что стало со всеми его проектами карьеры, стремительного продвижения к славе? Ушли, совсем ушли. Он просто хотел остаться в студии и работать над одной картиной—над одной фигурой на этой картине. Он смутно определился с планом для другой картины, когда это должно быть сделано. Что это было? Ну, изображение женщины, сидящей под деревом, с вялыми руками, все ее тело расслаблено и инертно за исключением глаз. Ее глаза должны были устремиться в глубины бесконечности. Он спланировал контраст между глазами, такими интенсивными, такими живыми, и пассивностью остальной ее части. И кто эта женщина? Рикс! Он еще более смутно планировал третью картину. От чего? Снова Рикс.

– Ни минутой позже? Клянусь Небом, на минуту опоздал! Ну и что из этого? – мрачно спросил он у самого себя. – Ну, оплати счет. Плати как мужчина. Я не смог бы жениться на ней, даже если бы захотел. Я бы не женился на ней, даже если бы мог. Но я могу оплатить счет за то, что выставил себя дураком.

Он свирепо огляделся.

– В следующий раз, когда сюда придет красивая женщина, – пробормотал он, – я брошусь наутек и спрячусь в лесу, пока она не уйдет. Я вижу, что мне больше нельзя оставаться в женском обществе. В моем возрасте, с моими планами, после всего, через что я прошел, выставить себя такой легкой добычей!

Он уныло сел на скамью, вскочил, ибо разве не там, где он сидел, он впервые увидел ее? Он оглядел студию. Он застонал. Все в ней напоминало ему о ней; и там, в центре, в самом выгодном свете, на мольберте была она сама!

Он бросился на улицу. Солнечный свет мерцал и искрился на листве, он мог видеть ее, желтые волосы, пылающие солнечными лучами, грациозно порхающие по проходам леса! Это должен был быть тяжелый счет! Но он стиснул зубы. – Она не для меня, и я не для нее. Если бы она была сейчас здесь, я бы говорил с ней так же, как и раньше. Но, слава Богу, я не осознавал этого, пока не сделал единственную разумную и благородную вещь. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем я смогу начать забывать?

Каждое утро он просыпался с клятвой, что в этот день не прикоснется к ее портрету и не посмотрит на нее. Каждое утро он сокращал свою прогулку, чтобы пораньше попасть в студию и заняться картиной. Он отчасти утешал себя мыслью, что, по крайней мере, он улучшал ее, а не тратил впустую свое время. И он нашел доказательство реальной силы цели в том, что держался подальше от водопада. В течение двух недель он ежедневно боялся или надеялся; то ли боялся, то ли надеялся, то ли и то и другое вместе, что она придет в студию. По мере того как проходили дни, а она не появлялась, он чувствовал, что она преодолевает свое увлечение; оставаться так долго вдали, пока ее энтузиазм не остыл, было совершенно не похоже на ее порывистую и храбрую натуру. Эта мысль не то чтобы сделала его счастливее, но сквозь ее мрак про-

бился один искренне щедрый проблеск.

– Во всяком случае, я плачу один, – сказал он себе. – И так и должно быть. Это была полностью моя вина. Я старше, опытнее. Я должен был понять, что необычность и новизна наших встреч привлекали ее юное воображение, и мне следовало прерваться с самого начала. Если бы она была бедной девушкой, ведущей тихую, скучную жизнь, последствия могли бы быть серьезными. Да, и я, возможно, был бы достаточно слаб, чтобы жениться на ней из сожаления, и это было бы несчастьем для нас обоих.

Он пытался бороться с желанием проводить свои дни с этой картиной. Он попытался поддаться желанию. Но ни воздержание, ни избыток не помогли. Он попробовал дикую, насмешливую критику, и обнаружил, что любит ее за ее недостатки и слабости. Он попробовал абсурдную экстравагантность романтических отношений и обнаружил, что совершенно потерял чувство юмора, когда дело касалось ее обожания. Поцелуй продолжался. Он решил уехать—улететь. Но он понял, что если он уедет, то наверняка возьмет портрет; и что толку ехать, если он тащит с собой свое проклятие?

Однажды поздно вечером он подошел к двери, чтобы в полной мере насладиться прохладным ветерком, который поднялся. В нескольких сотнях ярдов он увидел Рикс и человека, пробиравшегося через густой лес к его мастерской. Он развернулся, ворвался в комнату и спрятал картину далеко в глубине шкафа, за множеством других картин. На ее место на мольберте он поставил едва начатый набросок (одна из его попыток отвлечься). Затем, ничуть не изменившись внешне – его волосы были растрепаны в разные стороны, а рубашка пеньюара была расстегнута на шее и закатана до локтей,—он закурил сигарету и снова неторопливо направился к двери. То, что он не прилагал никаких усилий для улучшения своей внешности, было характерным и значительным; действительно, редко встречалось человеческое существо, обычно менее застенчивое, чем он. Нужно быть очень тщеславным человеком, чтобы продолжать думать о себе, внезапно став зрителем на какой-то сцене, представляющей огромный интерес. Роджер все время пребывал в таком состоянии. Его чувства были такими нетерпеливыми, его ум таким пытливым, его наблюдательность такой острой, что его мысли были похожи на пчел в яркий летний день – всегда блуждающих и возвращающихся домой только для того, чтобы выгрузить то, что было собрано, и быстро улететь снова в поисках большего извне.

Поскольку подъем был крутым, у него было достаточно времени, чтобы обратиться с мыслями и чувствами. Она не должна видеть или чувствовать ничего, что могло бы хоть немного затруднить ей путь, намеченный Судьбой. Мужчина рядом с ней, очевидно, был ее отцом. Очевидно, хотя не было никакого сходства ни в лице, ни в манерах, ни в фигуре. Родство проявилось в том уклончивом сходстве, которое называется семейной благосклонностью, в сходстве, которое поразительно проявляется даже в несходстве, как если бы душа и тело имели слабый ореол, который появлялся только под определенными углами и при определенном освещении. Он был маленьким, худым человеком, сухим и страдающим диспепсией, с одним из тех обманчиво отступающих подбородков незначительного размера, которые указывают на хитрость, а не на слабость. У него был большой острый нос, грубая кожа и жидкие усы, беспокойные серо-зеленые глаза. Он был одет очень небрежно, в пыль-

но-серый костюм. Когда он снял свою соломенную шляпу, чтобы вытереть лоб, Роджер был поражен внезапным видом действительно великолепной верхней части головы, которая превратила его вид из просто хитрого в опасно хитрого. Человек с характером лисы и умом, чтобы сделать эту природу не просто местной неприятностью, но и общим бичом.

– Я хотел бы нарисовать его,—подумал Роджер, и это был комплимент от художника, который ненавидел портретную работу.

Когда они приблизились, Рикс помахала ему зонтиком и кивнула. Он приблизился, держа в руке сигарету. Когда она протянула руку, руку в перчатке, потому что на ней был модный белый прогулочный костюм, ее глаза не поднялись, цвет лица дрогнул, а короткая, чувствительная верхняя губа слегка задрожала.

– Мистер Уэйд, я хочу, чтобы вы с отцом узнали друг друга, – сказала она. Когда раздался ее голос, дрожь, пронзившая его, выронила сигарету из пальцев левой руки. Они с Ричмондом обменялись пронизательными взглядами, за которым последовала улыбка немедленного одобрения.

Ричмонд быстро пожал и отдернул руку (рукопожатие человека, который не терпит бессмысленных формальностей).

– Я пришел взглянуть на картину, – сказал он, и в его голосе прозвучали нотки человека, который не тратит впустую свое собственное время и не позволяет другим тратить его впустую.

Роджер мгновенно замер.

– Мне жаль, что ваше путешествие было напрасным, – сказал он.

Ричмонд агрессивно посмотрел на него. Тон Роджера, большого, свободного духа, который делает все, что хочет, был для Ричмонда, автократа, подобен вызывающей трубе.

– Она здесь, не так ли? – Спросил он.

– Но она еще не закончена, – ответил большой художник, нежный, как голос великой реки, неизбежно текущей по своему пути.

– Не важно, – любезно ответил Ричмонд. – Во всяком случае, мы на нее посмотрим.

– О нет, мы не будем, – сказала Беатрис, смеясь. – У него есть правило против этого, отец. И он как железо, когда дело касается его правил. Но вы дадите нам немного шоколада, не так ли, мистер Уэйд?

– С удовольствием, – сказал Роджер, жестом приглашая их пройти в студию.

Ричмонд внимательно огляделся.

– Я вижу, ничто не отвлекает тебя от работы. Именно так устроен мой кабинет. Я всегда с подозрением отношусь к парням, окруженным элегантной мебелью. И он бросил на Роджера одобрительный взгляд, который был лестным, хотя и немного намекал на превосходство.

– Неразумно судить о человеке по внешности, – сказал Роджер. – То, что он делает – это единственный безопасный стандарт.

Ричмонд задумался, кивнул.

– Да, – сказал он. – Да. Это та самая картина? – Он указал коричневой костлявой рукой на рисунок на мольберте.

– Нет, – коротко ответил Роджер и накинул на картину занавеску. Повернувшись к Беатрис с довольно формальным дружелюбием, он спросил:

– Как поживает ваша матушка?

– Хорошо, всегда хорошо, – сказала Беатрис. – Она прислала тебе наилучшие пожелания. Но она сердится на тебя за то, что ты не позвонил.

Ричмонд сардонически усмехнулся.

– Судя по тому, что я слышал об Уэйте, – сказал он, – он не из тех, кого можно найти среди нижних юбок с маленькой чашечкой в руке.

Он улыбнулся Роджеру.

– В Америке, по крайней мере, вы никогда не увидите мужчин, которые чего-то стоят на этих светских мероприятиях. За пять лет я был только на одной вечеринке в своем собственном доме и ни на одной в чужом доме.

– Могу я помочь с шоколадом, мистер Уэйд? – Спросила Беатрис.

– Нет. Сидите. Я не против, чтобы за мной наблюдали.

Пока он доставал из шкафа необходимую посуду и готовил шоколад с помощью спиртовки, все трое бессвязно разговаривали. Несколько раз Ричмонд поднимал тему картины; каждый раз, когда Роджер резко уходил от нее, Беатрис со все возрастающей нервозностью помогала ему. Но Ричмонд не унывал. Стало очевидно, что он решил посмотреть эту картину и был тем более решителен, что художник был настроен против нее. Наконец он сказал:

– Это действительно необходимо, мистер Уэйд, чтобы я увидела картину. Ваш друг, граф д'Артуа, высоко отзывается о вашей работе. Но я всегда обо всем сужу сам. И я должен посмотреть, прежде чем решу дать вам комиссионные – заказать дюжину панелей для загородного клуба, в который я и некоторые из моих друзей собираемся вложить что-то около полумиллиона.

– Но, отец, ты ничего мне об этом не говорил! – Воскликнула Беатриса, вспыхнув и разволновавшись. И Роджер понял, что она, нервничала из-за его чувств, давала ему понять, что не устраивала этого.

Веселый смех отца подтвердил впечатление Роджера, что Беатрис говорит правду.

– Нет, моя дорогая, я забыл спросить у тебя разрешения, – иронически сказал Ричмонд. – Прошу прощения. Теперь, Уэйд, ты видишь, что я спрашиваю не из праздного любопытства или просто потому, что мне не терпится узнать, что ты сделал с моей девочкой. Так что не беспокойся о застенчивости. Выкладывай картинку.

Но Роджер с улыбкой покачал головой. – В настоящее время я не могу взяться за какую-либо работу.

– Честное слово, Чанг, я ничего об этом не знала, – воскликнула девушка. Затем, обращаясь к отцу, – он такой странный, что не стал бы...

– О нет, я не такой осел, – добродушно перебил ее Роджер. – Сахар для вашего шоколада, мистер Ричмонд? Нет? Когда вы отплываете, мисс Ричмонд?

Беатрис поняла и оставила эту тему.

– Возможно, мы не поедem, – ответила она.

И она подробно и с большой живостью рассказала о достоинствах и недостатках нескольких планов на лето, которые они с матерью рассматривали. Ричмонд нахмурился еще сильнее. Через пять минут он поставил свою пустую чашку и резко прервал поток ее оживленной беседы.

– Панели будут хорошей вещью с финансовой точки зрения, – сказал он, и в его голосе прозвучала нотка, похожая на призыв к безраздельному вниманию.

Беатрис с тревогой посмотрела на Роджера и сказала отцу, – о, папа, не бу-

дем говорить о делах. Это вечеринка.

– Я приехал по делу, – возразил Ричмонд. – И я знаю, что Уэйд не поблагодарил бы нас за то, что мы пришли, если бы мы были здесь только для того, чтобы отнимать у него время.

– Обычно в это время я заканчиваю пить шоколад, – сказал Роджер. – На счет панелей, большое вам спасибо, но я не могу их сделать.

– Почему бы и нет? – Спросил Ричмонд с таким раздражением в голосе, что это было едва ли вежливо.

Роджер выглядел удивленным.

– Я еще не придумал причину, – вежливо сказал он. – Если я потом передумаю, то дам вам знать.

Ричмонд не скрывал своего отвращения к тому, что казалось ему проявлением юношеского эгоизма, граничащего с дерзостью. Беатрис, страстно желавшая, чтобы отец произвел на него благоприятное впечатление, выглядела удрученной.

– Вы неправильно поняли меня, мистер Уэйд, – сказал он, возобновляя разговор, чтобы выразить свое неодобрение. – Я не предлагал вам комиссионных.

– А я их не принял, – рассмеялся Роджер. – Значит, ничего страшного не случилось. Позвольте мне угостить вас шоколадом.

– Спасибо, нет. Мы идем. – И финансист поднялся. – Пойдем, Беатрис.

Девушка, бледная, удрученная, приподнялась и снова села, умоляюще посмотрела на Роджера, который, казалось, ничего не видел, затем встала.

– Когда мы сможем увидеть картину? – Спросила она, отчаянно подыскивая предлог, чтобы задержаться.

– Мы вообще не хотим ее видеть, – вставил ее отец с веселым, сардоническим смехом, который неприятно обнажил его крепкие, желтоватые зубы. – Мистеру Уэйду не нужно было утруждать себя, чтобы закончить ее. Я пришлю ему чек на ту сумму, которую вы назначили в качестве цены.

– Отец! – В отчаянии воскликнула Беатрис. Затем, обращаясь к Роджеру, с нервной попыткой оживленно улыбнуться, – он не это имел в виду. Он просто шутит.

– Мы с твоим отцом понимаем друг друга, – спокойно сказал Роджер. – Картина будет готова через несколько дней. Я немедленно отправлю ее в Ред-Хилл. Мне всегда нравится заканчивать работу. У меня ужасная привычка возиться, пока что-то находится в пределах досягаемости. Что касается чека, – он приятно улыбнулся Ричмонду, который выглядел и чувствовал себя маленьким и съезжившимся перед большой откровенностью выражения художника, – ваша дочь плохой коммерсант. Она забыла заключить сделку. Так что это лежит между вашей щедростью и моей.

Роджер отвесил учтивый поклон, в котором было достаточно насмешки, чтобы убраться притворство.

– Я уверен, что моя цена будет ближе к ценности картины. Я сделаю вам подарок с моими наилучшими пожеланиями.

– Я не могу этого допустить! – Сердито воскликнул Ричмонд.

Но Роджер оставался вежливым.

– Не понимаю, как вы собираетесь поступить, – сказал он. – Я могу посылать ее вам так же часто, как вы будете возвращать мне ее, и если вы можете отказаться принять подарок, ну что же, я тоже могу. Вы не сможете сделать

меня смешным без того, чтобы я не сделал смешным и вас. Видите ли, вы в моей власти, мистер Ричмонд. – Все это было сказано с предельным добродушием и дружелюбием.

Ричмонд не мог придумать, что сказать, кроме как повторить свое короткое “Не могу этого допустить!” Он посмотрел в сторону дочери и кивнул головой в сторону двери.

– Пойдем, дитя мое. Хорошего дня, сэр.

Выражение лица Роджера, с высоты его высокой фигуры, было настолько убедительным, что он протянул руку, которую Роджер взял и пожал с сердечностью хозяина, для которого любой гость неприкосновенен.

Беатрис и Роджер пожали друг другу руки, то есть Беатрис позволила своей руке безжизненно лежать в руке Роджера, пока он не уронил ее. Он с поклоном вывел их на солнечный свет и остановился в дверях, наблюдая за ними. На опушке леса Беатрис внезапно повернулась и пошла назад. Роджер увидел, как ее отец обернулся, услышал его резкое “Беатрис!”, увидел его яростное изумление. Девушка прибежала почти бегом. Роджер напрягся, все его тело охватило захватывающее ощущение, которое могло быть либо ужасом, либо восторгом.

Когда она стояла перед ним, опустив глаза, с бледными щеками и вздымающейся грудью, она сказала:

– На днях ты спросил меня, откажусь ли я от всего ради тебя. Тогда я еще не знала. Теперь я знаю.

– Прости, но я этого не делал, – сказал Роджер спокойно и холодно.

– Как бы то ни было, – поспешила она продолжить, – этот вопрос возник. И тогда я еще не знала, сделаю я это или нет. Ну, теперь я знаю.

– Твой отец нетерпелив.

– Я уверена, что так и сделаю, – сказала она с очаровательной надменной покорностью в лице, в голосе. И она выглядела такой ослепительно молодой и пылкой.

Взгляд Роджера метнулся к ней. Короткое электрическое молчание, затем он приятно рассмеялся.

– И я уверен, что ты бы этого не сделала. И не имеет значения, сделаешь ты это или нет. До свидания, Рикс. Взгляд твоего отца нацелен на убийство.

– Как ты жесток и как слеп! – Воскликнула она, ее глаза и щеки пылали. И так же быстро, как пришла, она умчалась к отцу.

Роджер тяжело вздохнул.

– Теперь, – сказал он вслух, – я видел ее в последний раз. Я могу продолжить.

Отец в бешенстве

— Полагаю, ты вернулась, чтобы извиниться за меня, – сказал ее отец, когда они вместе двинулись дальше.

– Ты его не понимаешь, – с несчастным видом ответила она. – Художники – великие художники – другие.

– Он хороший человек. Д'Артуа был прав. Я прослежу, чтобы он сделал эти панели. – И Ричмонд кивнул с видом человека, у которого есть деньги и который знает, что деньги всемогущи.

Беатрис резко остановилась, ее глаза широко раскрылись.

– Ах, – воскликнула она, – я думала, он тебе не нравится!

– Нисколько, нисколько, – ответил отец. – Он неприятный парень. Но все мужчины, которые чего-то стоят, таковы. Человек, который полностью согласен, всегда слаб. Приятный мужчина редко стоит больше двенадцати – пятнадцати долларов в неделю. Что нужно этому миру, так это больше таких людей, как этот твой друг. Я увидел, что он прочно поднялся с земли. Жаль, что у меня нет такого сына! Твои братья – довольно жалкие оправдания, благодаря жестокому воспитанию, которое дала им твоя мать. "Будьте джентльменом и устраивайте всех поудобнее. Не делайте ничего, что могло бы задеть чьи-либо чувства или привлечь к себе внимание". То есть быть шифром, – фыркнул Ричмонд. — Джентльмен – это шифр, а шифры ничего не значат, если они не привязаны к цифре, которая что-то обозначает. Но я полагаю, что успешный человек не может рассчитывать на сильных сыновей. Он должен быть благодарен, если они не глупы и не рассеяны.

Беатрис была подхвачена и в мгновение ока закружилась с глубины на высоту. Путь через лес был трудным и долгим. Она летела так, словно дорога была гладкой, как французская большая дорога. Она просияла, глядя на отца.

– Какая разница между обычным молодым человеком, который встречается нам, и таким человеком, как Роджер Уэйд! – Воскликнула она.

– Это портновские манекены! – Презрительно сказал Ричмонд. – Нельзя сравнивать человека с ними.

Он говорил на свою любимую тему для частных и публичных выступлений, тему, которая позволила ему выразить взгляды, завоевавшие ему репутацию самого демократичного из крупных финансистов. Как и все люди с богатым менталитетом, он был большим болтуном; заставьте его начать, и единственное, что нужно было сделать, хотели вы этого или нет, – это слушать. Обычно Беатрис, которая не любила молчания и вскоре достигала предела своей способности слушать, властно прерывала эти монологи, и оба наслаждались борьбой между своими волями, когда каждый пытался заставить другого слушать. Но этот разговор, хотя он состоял из общих мест, которые он повторял, и она слышала десятки раз, она впитывала, как будто это была совершенно новая вещь, которую ее душа давно жаждала услышать. Как и все свободно говорящие люди, Ричмонд часто становился жертвой в разговоре, но никогда в действии, опьяненном бурлящими идеями и фразами. Прежде чем они добрались до места, где оставили экипаж, чтобы тот дожидался их возвращения, Ричмонд не просто окончательно и полностью посвятил себя евангелию достижений аристократии, он приветствовал эту аристократию как единственную, достойную внимания, высмеивал и осуждал всех остальных как совер-

шенно презренных.

Беатрис воспользовалась его паузой, чтобы пустить лошадей в путь. Она с любовью сжала его руку.

– Я так горжусь тобой! – Нежно сказала она, глядя на него сверкающими глазами и нежно раскрасневшимися щеками. – Я знала, что ты так к нему относишься!

– К кому? – Спросил ее отец, чья полноводная проповедь быстро унесла его далеко от взгляда или даже воспоминаний о тексте, из которого она возникла.

– К Чангу.

– Чанг? Какой Чанг? Кто такой Чанг?

– Роджер Уэйд.

– О, конечно, – Сказал он равнодушно. – Он как раз тот случай.

– Я знала, что ты поможешь мне с ним, – продолжала счастливая девушка.

– Конечно, помогу, – сказал Ричмонд. – Разве он не делал то, что ты хотела, с картиной?

– Я хочу его, – сказала она, чувствуя близость и сочувствие, полностью соприкасаясь со своим великолепным отцом с широким кругозором.

Ричмонд так резко натянул поводья, что одна из лошадей встала на дыбы. Потребовалась минута или около того, чтобы они успокоились, а конюх выскочил из-за сиденья сзади, чтобы успокоить их головы. Когда повозка плавно тронулась с места, Ричмонд сказал:

– Что ты сказала, когда этот коричневый дьявол начал капризничать?

– Я хочу выйти замуж за Роджера Уэйда, – ответила Беатрис, слишком сильно охваченная иллюзией, чтобы правильно читать простые знаки. – Теперь ты понимаешь почему. Ты сам сказал, что он один из самых настоящих мужчин, которых ты когда-либо видел. Ты не можешь удивляться моему интересу к нему. Все остальные кажутся такими ... такими ничтожными рядом с ним. Мне было бы стыдно показать любого из них своим мужем. Что мне делать, отец? Как мне его заполучить?

Если человек обнаруживает, что указывает на юг, когда он должен был бы указывать на север, есть два способа действовать. Человек может отклоняться мягко и постепенно, надеясь, что сдвиг пройдет незамеченным; или он может сделать изменение со скоростью, более быстрой, чем мысль или зрение, и может указывать на север так жестко, что будет казаться невозможным, что он когда-либо указывал или когда-либо мог указывать в каком-либо другом направлении. Когда Ричмонд счел необходимым изменить курс, он не стал уклоняться—он изменил курс. Теперь он продолжал менять направление с рывком и грохотом.

– О чем ты говоришь? – Свирепо сказал он. – Ты выйдешь замуж за Питера.

Мгновенный инстинкт подсказал Беатрис, что ее отец не поможет, не согласится, не потерпит. Но тут же пришло воспоминание о его галантных демократических речах, все еще звучащих в ее ушах.

Ты же знаешь, я не могу выйти замуж за Питера после того, как увидела Роджера, – весело сказала она. – Все время, пока ты разговаривал, пока мы шли из его студии, я знала, что у тебя на уме. Ты дал мне его за то, что я думала о Питере, когда у меня мог быть другой мужчина. Ты думал, что я безнадежно легкомысленна и снобична, как и все остальные члены семьи. Но я такая же, как ты, отец. Я не хочу быть замужем за манекеном портного. Мне нужен

мужчина!

Она радостно кивнула, глядя на его грозное лицо.

– И мы его поймаем – ты и я!

Ричмонд не смягчился ни на йоту. Она застала его совершенно врасплох, поставила в такое нелепо ложное положение, что вспыльчивость взяла верх над благоразумием. Он не рассматривал ситуацию спокойно и действовал в русле мудрости, используя аргументы здравого смысла, апеллируя к материальным инстинктам и этому сильнейшему из орудий – мягкой насмешке. Он бросил на нее горячий взгляд тирана.

– Говорю тебе, ты выйдешь замуж за Питера. Я поражен тобой. Ты мне отвратительна. Я думал, что ты можешь видеть насквозь дешевого, ленивого охотника за приданым. Тщеславие всегда тщеславие! Он произносит несколько лестных речей, и ты веришь, что он влюблен в тебя. И ты начинаешь делать из него бога. Я рад, что ты поговорила со мной об этом. Если бы Вандеркиффы знали об этом, они бы тебя сразу же бросили.

Беатрис знала своего отца, знала, когда он говорил серьезно. Никогда прежде она не видела и не чувствовала такой глубокой серьезности, как сейчас. Она сидела ошеломленная, уставившись на беспокойные уши чистокровных лошадей перед ней.

– Ничего хорошего не выйдет, если ты выйдешь замуж за человека не из своего класса, – продолжал он. – Я думал, у тебя больше гордости. Я знаю, что так оно и есть. Ты пошутила.

– Он не охотник за приданым, – оцепенело произнесла Беатрис.

– Говорю тебе, это он! – Яростно воскликнул Ричмонд. – Наглая собака! Неудивительно, что он пытался отработать свою картину в качестве подарка! – Ричмонд усмехнулся. – Наглый щенок!

– Он великий художник, – сказала Беатрис. – Так говорит д'Артуа.

– И что из этого? Что такое художник? Какое у него положение? Но не говори об этом. Я не смогу сдержаться. – Он резко повернулся к ней. – Посмотри на меня!

Девушка медленно повернула глаза, в которых отразилось страдание ее израненной души. Но Ричмонд никогда не видел людей; он видел только свои собственные цели.

– Как далеко это зашло?

Она пристально смотрела на него достаточно долго, чтобы он почувствовал непреодолимое препятствие прямо на пути своей неукротимой воли.

– Все зашло так далеко, что я больше ни за кого не выйду замуж, – сказала она ни горячо, ни холодно. – Я не могу.

– Не позволяйте мне слушать такие разговоры! – Закричал Ричмонд, в ярости забыв о конюхе. – Ты выйдешь замуж за человека, который сделает тебя счастливой, за человека твоего положения, за человека, у которого есть семья и положение.

– Но ты сказал, что Роджер был единственным истинным аристократом, – взмолилась Беатрис. – Ты сказал...

– И каким же я был дураком, разговаривая с глупой, маленькой идиоткой, невежественной девушкой, не имеющей никакого жизненного опыта, не способной понять, о чем я говорю. Я не обсуждал для тебя мужа. Я не обсуждал мир таким, какой он есть. Я не обсуждал людей нашего круга. Я не обсуждал

художников, охотящихся за удачей. Это показывает, как мало у тебя здравого смысла, что ты могла превратить мои слова в призыв выйти замуж за наглого охотника за приданым!

В своей ярости на нее за то, что она была такой глупой, он резко ударил чистокровного скакуна хлыстом. Конь, не привыкший к такому грубому неуважению к своей королевской крови, рванулся вперед и пустился бежать. В течение пяти минут Ричмонду пришлось сосредоточить все свое внимание на лошадях; они сильно напугали его, прежде чем согласились подчиниться.

Девушка, не сознавая, что происходит, сидела в ослепительной буре собственного несчастья.

– Вы с Питером помолвлены?

Это было последнее замечание ее отца.

– В некотором роде.

– Что это значит?”

– Ничего особенного, – равнодушно ответила дочь.

Крепкие, желтоватые зубы Ричмонда выглядели так, как будто его рот был полон, потому что они нетерпеливо выдвигались вперед, соревнуясь, кто первым погрузится в добычу. Он сказал, – я хочу, чтобы дата свадьбы была назначена немедленно.

Тишина.

– Ты слышала?

– Да.

– Почему ты не отвечаешь?

– Ты не задал вопроса. Ты отдал приказ.

– И ты будешь повиноваться ему.

– Ты слышала?

– Да.

– Я не потерплю угрюмости. Я твой отец. Я знаю жизнь, мир, что лучше для моей семьи, для тебя. Я не часто вмешиваюсь. Когда я это делаю, я ожидаю послушания.

– Мне кажется, ты слишком много хвастаешься для того, кто уверен в послушании, – сказала Беатрис таким тоном, который выявил все ее скрытое сходство с воплощением страстной воли и своевольной страсти, породившей ее.

– Я всегда был снисходителен ко всей моей семье, к тебе, – кипятился Ричмонд. – Но я думаю, ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понять, что со мной шутки плохи.

– Со мной тоже, – сказала девушка. И снова она посмотрела на него тем же непреклонным взглядом.

– Кстати, где вы с матерью выбрали этого бродягу? – Спросил Ричмонд.

– Я подобрала его. Д'Артуа сказал тебе ...

– Д'Артуа говорил о нем как о художнике, а не как о равном.

– Равном! – Воскликнула Беатрис. И она насмешливо рассмеялась.

– Не дерзи мне! – Рассердился ее отец. – Тебя воспитывали определенным образом. Ты не годишься ни для какого другого образа жизни. Тебе нельзя позволять выставлять себя душой, запутывать свою жизнь. В моей семье не будет скандалов, не будет негодяев, шантажирующих меня, чтобы я освободил свою дочь.

Взгляд Беатрис был так привлекателен, так напоминал его смелые речи о демократии, о демократии достижений, что некоторые мужчины, оказавшись они на его месте, устыдились бы и пришли в замешательство. Однако не Дэниел Ричмонд, не тогда, когда его планы социального величия, вынашиваемые все эти годы в его тайном сердце, оказались под угрозой.

Когда Рода выходила замуж за графа Бродстейрса, он сумел сохранить свою позу нетронутой, ухитрился протестовать против того, что один из его детей поддался увлечению “разлагающимися аристократами с разлетевшимися титулами”, и уступил только потому, что лично Бродстейрс был не так плох, как некоторые, и потому, что девушка и ее мать ясно дали ему понять, что ее сердце будет разбито, если она не получит мужчину, которого любит, ценой такой роскоши. Он предполагал, что Беатрис была так же хорошо воспитана: любить там, где ей следует, и так же хорошо вести себя в американском высшем обществе, как ее сестра в высшем иностранном. Это откровение о ее своенравии, своенравии ребенка, который был его особой гордостью, для которого он мечтал о самых ослепительных великолепиях светского величия в Нью—Йорке, это поразительное откровение привело его в ярость всей его жизни. Его лицо выражало ненависть. Беатрис вздрогнула, глядя на него, но не от страха.

– Да, – спокойно ответила она после паузы. – Я была воспитана определенным образом. Но я была рождена, чтобы настаивать на том, чтобы иметь то, что я хочу. Мне нужен Роджер. И, отец, я собираюсь заполучить его, несмотря на вас обоих.

После паузы Ричмонд с ужасающим спокойствием в голосе сказал:

– Ты выйдешь замуж за Питера Вандеркифа в течение шести недель или двух месяцев или получишь шок от своей своеобразной жизни.

– Нет, – ответила она голосом столь же спокойным и ужасным. – У меня уже был этот шок. Я думала, что мама-сноб. Я думала, что женщины-снобы. Но я вижу, что мужчины хуже женщин, а ты хуже матери. О, отец, – сказала она, внезапно переходя на страстную мольбу, – как ты можешь быть таким! Ты из всех мужчин!

– Не обращайтесь на меня внимания, юная леди, – отрезал ее отец, улетаая в безопасное убежище ярости. – Я собираюсь спасти тебя от этого шантажирующего охотника за приданым.

И неприятно выставленные зубы свирепо показались сквозь рваные седые усы.

– Я попросила его жениться на мне, и...

– Что? – Воскликнул Ричмонд, снова забыв о женихе. – Ты с ума сошла?

– Да, – просто ответила Беатрис. – Я люблю его. Я сошла с ума, окончательно сошла с ума.

– Твоя мать сегодня же отвезет тебя в Нью-Йорк. Вы отплывете послезавтра утром.

– Я не сделаю ничего подобного, – сказала девушка.

Звук, который издал Ричмонд, был похож на смех—насмешку. Но ни рычание, ни рев не могли быть настолько полны угрозы.

– Посмотрим, мисс, – сказал он. – Я покажу тебе, кто хозяин в моей семье. Я покажу тебе, что ты не можешь продолжать унижать себя этой низкой интригой. Эта собака! Значит, он думал, что сможет привязаться ко мне—не так ли? Я научу его!

– Я сделала ему предложение. Он мне отказал. Я призналась ему в любви. Он оттолкнул меня.

Жестокий рот Ричмонда под рваными усами было ужасно видеть.

– Бесстыдная девчонка! – Воскликнул он. – Следующим будет один из слуг. Я должен немедленно благополучно выдать тебя замуж. Если бы твоя мать не была абсолютно некомпетентной, она бы давно тебя устроила.

– Я не выйду замуж ни за кого, кроме Роджера Уэйда, – раздался тихий голос от тихой фигуры рядом с ним.

– У тебя что, совсем нет здравого смысла? Ты говоришь, что щенок отказался от тебя. Разве ты не знаешь, почему?

– Я знаю причину, которую ты назовешь.

– И это настоящая причина. Он слышал обо мне! У него достаточно мозгов, чтобы понять, что его лучшая игра – это...

– Не говори больше ни слова против него! – Воскликнула Беатрис, когда ее терпение иссякло. – Ты говоришь, что я дура. Что ты о себе думаешь? Ты не хочешь, чтобы я выходила замуж за этого человека. Как ты собираешься предотвратить это? Ведь ты показываешь мне, что ты не тот отец, который, как мне казалось, любил меня, но что ты никого не можешь любить. Ты показываешь мне, что ты не такой человек, как я думала, а сноб, лицемерный сноб. Да, лицемерный сноб, который дергал за веревочку маму. Ты все время ругаешь ее, меня и Роду как снобов. А потом, когда ты показал мне правду о моем окружении, ты продолжаешь нападать на человека, которого я люблю, говорить о нем вещи, которые, как я знаю, ложны. Это то, что ты называешь умным?

– Я рад, что ты позволяешь мне увидеть тебя в твоем истинном облике, – сказал отец, настолько измученный своими страстями, что его голос прозвучал чуть громче хриплого шепота. – Что касается этого, этого охотника за приданым, который выставил тебя душой, никогда больше не упоминай при мне его имени!

– Ты хочешь, чтобы я выпрыгнула из этой повозки? – Закричала дочь, дрожа от ярости.

Ричмонд пустил лошадей самой быстрой рысью. Он не произнес ни слова, пока не натянул поводья у входа в серый замок. Затем он злобно сказал, – иди в свои комнаты и готовься к отъезду в Нью-Йорк и Европу. У тебя есть два с половиной часа.

Дела семейные

Ричмонд, проницательный исследователь человеческой природы и хорошо разбирающийся в особенностях воли и характера своего любимого ребенка, не недооценивал ни того, что она открыла ему, ни того, что она открыла сознательно, ни не менее важных вещей, которые она подсознательно подразумевала. Кроме того, он видел мужчину, в любви к которому она призналась, измерил его физическую привлекательность и получил четкое представление о внутренних чарах, которые делали физические чары такими сильными. Это было время для быстрых и кратких действий; от этого авантюриста нужно избавиться, прежде чем он сможет использовать увлечение глупого ребенка, чтобы поставить себя в положение, в котором он может вызвать скандал и, если захочет, может потребовать серьезного шантажа. Теоретически Ричмонд считал свою дочь достаточно очаровательной и привлекательной, чтобы свести с ума любого мужчину в мире. Практически он верил, что чувство к ней не имеет никакого отношения к деяниям "этой ищейки удачи". Он был молод, а теперь был недалек от старости, и все же он не видел никаких исключений из правила, которое он считал аксиомой, что везде, где речь идет о деньгах, это единственный реальный фактор.

Да, это было время для действий, мгновенных и решительных. Возвращаясь в студию Уэйда, он боролся со своей яростью, пытаясь успокоить ее, чтобы его хитрый мозг мог придумать один из тех тонких трюков, которые принесли ему огромное состояние и сделали его самым почитаемым, самым ненавистным и самым осуждаемым человеком в американских финансах. Но каждый раз, когда он думал о слабоумном недостатке самоуважения у своего ребенка или об ужасной наглости нищего художника, он снова начинал скрежетать зубами и проклинать свою неспособность запретить ее, пока она не придет в себя, и выгнать художника из окрестностей. Ричмонд так давно привык подчинять своей воле любое человеческое существо, в котором ему случалось нуждаться, что в последнее время, когда ему противостояли, он становился по-настоящему безумным. Этого было достаточно, чтобы на его пути появился мужчина; он сразу же начал принимать худшее из возможных суждений о характере этого человека, метод, который очень помог ему заглушить голос совести. Было время, когда он, как и все люди, которые создавали себя с малых лет, хорошо контролировал свой характер, который был ищейкой, которую выпускали только тогда, когда это было разумно и выгодно. Но привычка к власти действовала в нем так же разрушительно, как и почти во всех тех, кто стал правителями. Его характер быстро становился опасной слабостью, тем предателем внутри, который свергает там, где внешние враги никогда не могли бы одержать верх.

Когда он появился в поле зрения студии, на пороге сидел "пес" и курил трубку. Роджер не двинулся с места, пока Ричмонд не оказался в пределах, возможно, двадцати ярдов – разумное расстояние для разговора; затем он встал и ждал в большом спокойствии. Ричмонд продвигался вперед, пока не оказался примерно в десяти футах. Там он остановился. Подойти ближе означало бы поставить себя, маленького роста и худощавого телосложения, нелепо контрастировать с возвышающимся Роджером — как жалкий маленький кустик у подножия дерева. Через разделявшее их пространство он бросил на

Роджера один из тех взглядов, которые сам Роджер описал как “нацеленные на убийство”.

– Чем могу быть вам полезен, сэр? – Наконец спросил молодой человек. Он не выказал ни малейшего намека на то, что знает о бушующем в маленьком человеке гневе.

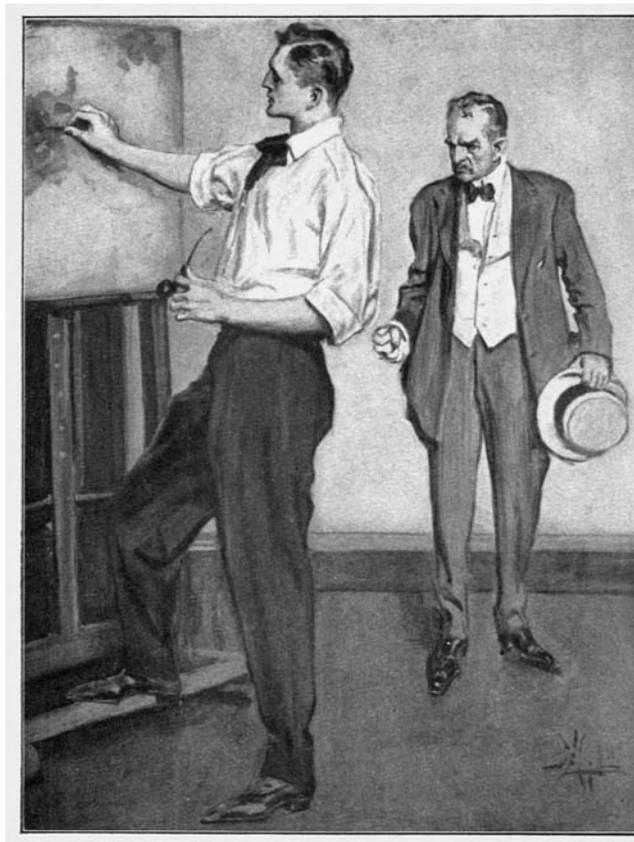
– Ты, ты проклятый негодяй! – Процедил Ричмонд сквозь зубы, потому что чувство тщетности подействовало на его ярость, как масло на огонь.

Выражение лица Ричмонда подготовило Роджера к чему-то подобному, поэтому он перенес шок с приводящим в бешенство хладнокровием. Он посмотрел на своего обидчика, не шевельнув ни единым мускулом лица, затем повернулся и переступил порог своей студии, потянувшись к двери, чтобы закрыть ее.

– Постой! – Крикнул Ричмонд. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Роджер вошел и закрыл за собой дверь. Ричмонд уставился на него, приоткрыв рот. Что это был за план? Что этот парень рассчитывал получить в своих целях, сделав такой шаг? Ричмонд не мог не восхищаться его дерзостью. Неудивительно, что ему удалось убедить маленькую дурочку в своей искренности. Он подошел и открыл дверь. Он вошел в большую пустую комнату; Роджер с карандашом в руке стоял перед эскизом, который стоял на мольберте, когда они уходили. Он не взглянул в сторону Ричмонда, не прервал своей работы. Ричмонд не мог войти, не продумав план действий. Дело было в простом разговоре, не в оскорблении, а в простоте. Он должен откровенно выложить, что художник был обнаруженным и сбитым с толку заговорщиком брака ради денег.

– Моя дочь призналась мне, – сказал Ричмонд тоном, который, по крайней мере, не был оскорбительным. – Я разговаривал с ней, и ей уже стыдно за себя. Поэтому я пришел от нее, чтобы сообщить тебе, что для тебя будет бесполезно продолжать строить свои планы дальше.

Крупный молодой человек отошел от своего наброска и критически оглядел его. Тонкая струйка дыма вилась из трубки в углу его рта. Он продолжал рисовать, как будто был один в комнате.

– Я хочу, чтобы ты ясно понял, – продолжал Ричмонд, – что твое внимание неприятно ей и ее семье. Знакомство с ней должно прекратиться.

Роджер продолжал рисовать.

Поскольку о физическом насилии не могло быть и речи, Ричмонд не знал, что делать, как выпутаться из нелепого положения, в которое его загнал гнев. Он сердито посмотрел на большого художника. Чувство бессилия заставило его ярость закипеть.

– И я должен сказать тебе, что если бы у тебя не хватило ума воздержаться ... Если бы ты заманил этого глупого ребенка в брак ... ты бы никогда не получил ни цента ... ни цента! Я бы бросил своего ребенка, который так опозорил свою семью. Я бы забыл о ее существовании. Но теперь, когда она понимает, как попала в ловушку, какой ты ловкий гражданин, ей стыдно за тебя, стыдно за себя. Должен быть закон, который мог бы охватить таких людей, как ты.

Пока он говорил, Роджер затолкал свой мольберт в огромный шкаф. Теперь он закрыл и запер его, перекинул пальто через руку и спокойно прошел мимо Ричмонда к двери. Ни слова, ни взгляда, ни знака. Ричмонд медленно последовал за ним. Роджер широким размашистым шагом спустился с холма на восток и исчез в лесу. Ричмонд смотрел ему вслед. Когда подлесок скрыл его из виду, Ричмонд достал носовой платок и вытер лицо. За свою долгую жизнь, усеянную множеством необычных сцен между ним и различными его собратьями, он никогда не испытывал ничего подобного.

– Негодяй! – Сказал он с неохотным уважением в гневных глазах. – Лучшая игра, с которой я когда-либо сталкивался.

Он должен поторопить свою девочку уехать из страны, и не дать ей ни минуты покоя, пока пароход не отойдет от причала.

Тем временем Беатрис отправилась к матери.

Миссис Ричмонд воспользовалась затишьем в развлечениях, чтобы провести тщательный физический ремонт. Нижняя часть западного крыла была оборудована как полноценный тренажерный зал с бассейном под ним. Она играла в баскетбол со своей секретаршей и компаньонкой мисс Клитс, фехтовала десять минут, плавала двадцать и теперь лежала на диване в своем будуаре, готовясь погрузиться в восхитительный сон. Вошла Беатрис.

– Ну, мама, – сказала она, – жир в огне.

Миссис Ричмонд открыла сонные глаза.

– Ты рассказала отцу?

Беатрис кивнула.

– И он тут же взорвался.

– Я была уверена, что так и будет.

Выражение лица Беатрис – странное, насмешливое, печальное, горько-печальное – не могло не произвести впечатления на ее мать, если бы она не была более чем полусонной.

– Ты знаешь его лучше, чем я, – сказала девушка. – И все же ... неважно.

– Мы поговорим об этом после того, как я вздремну.

– О, тут не о чем говорить.

– Это правда, – спокойно сказала ее мать, когда она роскошно скользнула

вниз по спуску в бессознательное. – Ты же знаешь, что тебе ничего не остается, как повиноваться отцу. И он прав. Ты будешь больше довольна Питером.

И миссис Ричмонд заснула.

Беатрис стояла и смотрела на мать. Выражение какой-то неубиваемой жалости исчезло, и на глаза навернулись слезы, неконтролируемая дрожь свежих, молодых губ, обычно изогнутых в ответ на эмоции, в которых нежность имела мало значения.

– Дорогая мама, – прошептала она. Теперь она понимала судьбу своей матери и сочувствовала ей так, как сочувствовала бы жена Дэниела Ричмонда, не сознававшая, какой хаос эти годы постепенно углублявшегося рабства произвели в ее уме, в ее сердце, во всей ее жизни, сочла бы истерикой и глупостью. Любовь подняла Беатрис над узкой средой, в которой она была воспитана, и пробудила в ней чувство ценностей, которое она вряд ли могла бы получить иначе. Она видела свою мать такой, какой она была, такой, какой ее мать не могла видеть себя, точно так же, как пожизненный пьяница, счастливый в своей убогой болтливости, не мог восстановить и пожалеть о невинности, из которой он упал в глубины по градиенту, столь легкому, что это было незаметно. Девочка поняла, что главным существенным счастьем ее матери была неспособность понять свою собственную судьбу.

– Слава Богу, – сказала она себе, – я вовремя открыла глаза. И одно за другим перед ней проходили лица модных матрон, молодых и старых, которых она хорошо знала. Жесткие или суровые черты, похожие на пейзажи, на которые дуют только унылые ветры и падает лишь скудный свет с холодных серых небес; глаза, из которых выглядывали сморщенные души, души, в которых все человеческое сочувствие, кроме снисходительного милосердия, которое скорее тщеславие, чем сочувствие, высохло; жизни, наполненные притворством и ложью; аккуратные и пышные сады, в которых ни один цветок не имел аромата, ни один плод не имел вкуса, и где не сиял ни один из свободных, прекрасных цветков подлинной любви. На самом деле не жестокие сердца, а сморщенные; не несчастные жизни, а чахлые и лишенные солнца, как растения, выращенные в роскоши богатого суглинка в темном подвале. Шок разочарования в отце завершил для Беатрис трансформацию, начатую подрывным воздействием Роджера на ее общепринятые представления, как молния обрушивается на ослабленную плотину и выпускает ее наводнения.

Беатрис провела легкой и ласковой рукой по красиво уложенным волосам матери, наклонилась и поцеловала ее. Затем она крадучись вышла из комнаты, с порога бросив на него долгий взгляд, полный нежнейшей нежности.

В этой великолепной комнате с обивкой стен и обивкой из темно-красного парчового шелка прошло полтора часа. Вошел Ричмонд, бодрый и ощетинившийся. Он хмуро посмотрел на спящую жену, нетерпеливо постукивая ногой по полу.

– Люси! – Резко позвал он.

Миссис Ричмонд открыла глаза и увидела его. На ее лице промелькнуло выражение, столь же первобытное и трогательное, как у усталой рабыни, пробужденной от восхитительного сна, чтобы возобновить ненавистный труд.

– Зачем ты меня разбудил? – Раздраженно воскликнула она.

– Где Беатрис?

Миссис Ричмонд вернулась к своему обычному выражению надменного

недовольства.

– Она была здесь некоторое время назад, – ответила она. – Вероятно, в своих комнатах.

– Она тебе сказала? – Спросил он.

– Насчет Уэйда?

– Да, – отрезал ее муж. – Что там еще, скажи на милость? Неужели она замышляла что-то еще постыдное?

– Но, Дэн, она не сделала ничего постыдного, – воскликнула мать. – У каждой девушки есть такие мимолетные фантазии. Но она не будет противиться тебе. Во всяком случае, ее собственный здравый смысл...

Ричмонд нетерпеливо фыркнул.

– Она дура, импульсивная дура.

Его жена отважилась искоса, по-кошачьи, взглянуть ему в спину. – Ты всегда говоришь, что она больше всех похожа на тебя.

– Она берет свою порывистость от меня. Вряд ли мне нужно говорить, от кого она унаследовала свою глупость.

– Я не вижу ничего, из-за чего стоило бы волноваться.

И миссис Ричмонд потянулась, готовясь неторопливо сесть.

Ричмонд посмотрел на жену со своим обычным выражением презрения к ее бесполезности.

– Сегодня вечером ты поедешь с ней в город, а послезавтра увезешь ее за границу, – безапелляционно заявил он.

Миссис Ричмонд села так, словно ее укололи шипом.

– Я не могу этого сделать! – Воскликнула она. – Я не могу подготовиться. И у нас есть приглашения на...

– Я пошлю своего секретаря Лоутона вместе с вами, чтобы он наблюдал за ней и докладывал мне, – сказал Ричмонд. – Ты показала, что не в состоянии позаботиться о ней. Взволнован? Действительно, я взволнован. Обнаружить, что несчастный охотник за приданым чуть не навязался мне. А как насчет наших планов на будущее девочки? Неужели бридж, и эти массажистки, и парикмахерши, и вся остальная ерунда, с которой ты возишься, лишили тебя последних проблесков здравого смысла? – Он метался взад и вперед по комнате. – Боже правый! Должен ли я оторвать один глаз от своего бизнеса, чтобы охранять свою семью? Неужели ты ни на что не годна, Люси?

– Надеюсь, ты был осторожен с тем, что говорили ей, – воскликнула миссис Ричмонд, встревоженная полным отсутствием самоконтроля. Между ними было много горьких сцен с тех пор, как их любовь угасла, а богатство возросло. Но до сих пор он нападал на нее с иронией и сарказмом, с насмешкой и издевкой. Никогда прежде он не прибегал к прямому доносу, сделанному грубым способом, который он до сих пор приберегал для офиса. – Ты не можешь обращаться с ней так, как с остальными из нас, – предупредила она его.

– А почему бы и нет, скажи на милость? – Спросил он. Когда она замолчала, он повторил, – а почему бы и нет? Я сказал! – Воскликнул он таким угрожающим тоном, что она чуть не ударилась, и она густо покраснела от гнева.

– Потому что ты сделал ее независимой, – ответила уязвленная жена.

– Какая глупость! – Усмехнулся он, взбешенный этой домашней правдой, которая мучила его в течение нескольких часов. – У нее меньше независимости, чем у любого из вас. Я намеренно держал ее там, где она должна была бы

вести себя прилично и любить меня. Твой разум никогда не был сильным, Люси. Он одряб.

Миссис Ричмонд была полностью охвачена гневом. Запуганное существо труднее всего спровоцировать, его нельзя разбудить, пока оно буквально не сойдет с ума; тогда оно похоже на любого другого сумасшедшего. Она рассмеялась в лицо своему тирану.

– Любовь! – Усмехнулась она. – Любила тебя! У тебя нет ни малейшего чувства юмора, Дэн, иначе ты не мог бы так говорить.

Ричмонд дрогнул.

– Это правда, у Беатрис меньше, чем у всех нас. Но нам с Родой нужно больше, чем ей. В любом случае, моя жизнь практически закончена. У меня нет будущего ... нет никакой надежды в другом месте, или ... – она вскочила, и ее глаза безумно сверкнули на него, – или ты думаешь, что я оставалась бы с тобой ... тем, кто стал всего лишь погонщиком рабов? А еще есть Рода. Ей и ее мужу нужно много денег. То небольшое, что ты ей дал, – ничто по сравнению с тем, чего она хочет и заискивает перед тобой, чтобы получить. Что касается мальчиков, они слишком любят быть богатыми и хвастаться, чтобы осмелиться на что-либо, кроме как съежить.

– Славный выводок ты вырастила, не так ли? – Вспылил ее муж.

– В глубине души они твои дети – все они. Ты их погубил. Да, ты, не я, а ты!

Он повернулся к ней спиной.

– Все равно послезавтра вы едете в Европу, – воскликнул он.

– Ничего подобного я не сделаю! – Возразила она.

– Ты потратишь столько, сколько я позволю, и так, как я скажу, а иначе ты не получишь денег, – возразил он. – Позвони своему секретарю, горничной и экономке. Приведи в движение этот рой бездельников. Нельзя терять времени.

– Я не поеду!

– Ты хочешь, чтобы я отдавал приказы? Ты хочешь, чтобы слуги...

– Ах ты ... дьявол! – Закричала она. Затем она разразилась истерическими слезами. – И у меня нет завещания. Я слабое, деградировавшее ничто. Если бы я была на дюжину лет моложе! О—о—о!

Ричмонд позвонил.

– Я вызвал твою горничную, – сказал он. – Прекрати истерику и займись делом. По его тону было видно, что он не совсем доволен собой.

Его жена поспешно вытерла слезы и поспешила в свою гардеробную, чтобы убрать следы и взбодриться крепким глотком бренди. Ричмонд продолжал расхаживать по будуару. Марта, учтивая и благовоспитанная, появилась с запиской на подносе. Она сделала реверанс Ричмонду и направилась к двери гардеробной.

– Что у тебя там? – Потребовал Ричмонд.

– Записка для мадам ... от мадемуазель.

Ричмонд схватил ее с маленького серебряного подноса и разорвал. Его рука дрожала, когда он читал.

– Где ты это взяла? – Спросил он голосом, в котором угасла вся страсть.

– Мадемуазель отдала его Филе, когда уезжала.

– Иди, – сказал Ричмонд, и, когда она вышла в холл, он вошел в гардеробную. Его жена стояла перед зеркалом туалетного столика и пудрила нос. Он

бросил записку перед ней.

– Прочти это, – крикнул он.

Миссис Ричмонд читала:

Дорогая мама,

Прощай. Я поехала в Нью-Йорк, чтобы остановиться у Элли Киннер и осмотреться. У меня нет никаких планов, кроме как больше не появляться под крышей отца. Я думала, он любит меня. Я обнаружила, что у него нет сердца, чтобы кого-то любить. Он не может подкупить меня, чтобы я смирилась с его тиранией. Я боюсь, что он будет достаточно труслив, чтобы излить на тебя свою ярость за то, что он сам во всем виноват. Но он сделает это, даже если я останусь. Так что я не сделаю тебе хуже, если уйду. Прости меня, мама. Я люблю тебя больше, чем когда-либо в своей жизни. Мне так жаль уезжать, но я даже рада.

БЕАТРИС.

Миссис Ричмонд спокойно отложила записку в сторону и снова принялась пудрить нос. Она поворачивала голову то в одну, то в другую сторону, изучая эффекты от разных источников света. Очевидно, записка произвела на нее не более сильное впечатление, чем если бы между ней и зеркалом пролетела муха.

– Она ушла, – ошеломленно сказал Ричмонд.

– И я сомневаюсь, что она вернется, – сказала его жена.

– Ты должна вернуть ее.

Миссис Ричмонд рылась в ящике стола в поисках каких-то туалетных принадлежностей.

– Я ничего не могу с ней поделать, – рассеянно сказала она. – Ты знаешь это. Куда делась Марта...

– Ты ведешь себя так, будто тебе все равно, – прорычал он.

– Мне, нет, – равнодушно ответила жена. – Ей будет лучше. Надеюсь, она выйдет замуж за Уэйда.

– Выйдет за муж? – Усмехнулся Ричмонд. – Как ты думаешь, он женится на ней, когда узнает, что она отрезала себя?

– Может быть, и так, – ответила миссис Уотсон Ричмонд, с намерением привести мужа в ярость.

Ричмонд, у которого раны на его тщеславии, нанесенные Роджером, снова открылись, горели и кровоточили, издал что-то вроде вопля ярости.

– Не будь душой! – Крикнул он. – Я говорю, что он не женится на ней!

– Тогда ты должен быть доволен, – любезно сказала его жена.

– Доволен?

Ричмонд, побелевший от ярости, потряс рукой у нее перед самым лицом. – Доволен? Единственный член моей семьи, который чего-то стоил, и ты говоришь, что я удовлетворен!

– Тогда почему ты выгнал ее? – Холодно спросила она.

Ричмонд распростер руки в неопределенном, диком жесте и бросился к открытому окну.

– Ты мог бы пойти к Киннеру и поговорить с ней, – предложила его жена.

– Что сказать? – Спросил Ричмонд через плечо.

– Откуда мне знать?

Он обернулся.

– Ты на ее стороне или на моей?

– О, я просто дура, – сказала Люси.

Сердитый взгляд Ричмонда на нее сменился хмурым и пустым. Хмурый взгляд превратился в простой взгляд. Внезапно он разразился голосом, в котором горе смыло все следы гнева:

– Я должен вернуть ее! Я должен вернуть ее.

Выражение изумления на лице миссис Ричмонд медленно сменилось выражением угрюмой ревности.

– Верно, – усмехнулась она. – Иди и извинись перед ней. Наклонись перед ней.

Муж, совершенно не похожий на оцетинившегося, суетливого, самоуверенного тирана, каким он был несколько минут назад, вышел, не сказав больше ни слова. Жена смотрела ему вслед. Унижение от того, что ее дочь перевозили, в то время как она сама лежала в пыли под его презрительной ногой, имело одно утешение – тиран встретил свою пару и сам вскоре может быть унижен.

Беатрис в цепях

В любом городе, кроме Нью-Йорка, и даже там, в любом обществе, кроме того, к которому они принадлежали, Киннеры считались бы богатыми. Но в компании, которую они поддерживали, их усилия и попытки удержать темп были предметом многих шуток и насмешек. Если бы они не были такого высокого происхождения – не только колониального, но и торийского, – и не были вынуждены делать чрезвычайно хитрые и тяжелые подкупы, чтобы вернуть имения, конфискованные патриотами низкого происхождения, они бы считались почти прихлебателями. Еще одно поколение, еще одно деление этих скудных миллионов, и Киннеры перестанут быть частью блеска высшего общества плутократии, будут сиять, как скромные спутники, отраженным светом. Таким образом, было необходимо, чтобы прекрасная Алисия Киннер вышла замуж за деньги, большие деньги. Гектор, брат Беатрис Ричмонд, был почти такой же хорошей добычей, как и все остальные; так что Беатрис и Элли подружились в школе. Алисия, будучи разумной девочкой, разумно обученной с колыбели, не нуждалась в особых наставлениях матери в благородном и полезном искусстве выбирать друзей. Дружба переросла в близость, и Алисия позаботилась о том, чтобы не произошло ничего, что могло бы вызвать даже временное охлаждение. И это без малейшего проявления подхалимства, которое немедленно вызвало бы отвращение у Беатрис; напротив, то, чем Беатрис больше всего восхищалась в дорогой Алисии, было ее независимостью, ее абсолютной свободой от малейшего налета снобизма. Если бы Беатрис была более опытной, она, возможно, заподозрила бы эту чистую добродетель. Всегда есть хорошие основания для подозрений, когда мы находим человеческое существо, по-видимому, полностью лишённое каких-либо универсальных человеческих недостатков. Природа так устроила человека, что у каждого из нас есть немного всего в композиции, и элементы, которые проявляются в характере, редко так важны, как те, которые находятся глубоко вне поля зрения. Тем не менее, Алисия была милой и щедрой девушкой и проявляла очень приятное и достойное похвалы качество симпатии, когда она чувствовала, что ее положение и обстоятельства позволяют ей нравиться и многие ли из нас могут показать себя лучше?

Когда Беатрис с Валентиной, ее горничной, и двумя чемоданами вошла в большой старый дом на Парк-авеню, где Киннеры содержали поместье высшего класса, Алисия ждала с распростертыми объятиями.

– Только что пришла твоя телеграмма, – сказала она, радостно обнимая и целуя Беатрис. – Но комнаты уже готовы – твои комнаты, и сегодня вечером к нам на ужин придет Питер.

– Питер! – Беатрис скорчила гримасу. — Дайте мне кого-нибудь другого, кого угодно.

Голубые глаза Алисии, прекрасные глаза, такие ясные, такие нежные, такие искренние широко раскрылись.

– Почему, Трикси, я думала...

– Так оно и было, – вмешалась Беатрис. – Но это не так. Закрой дверь, – они только что вошли в гостиную очаровательного номера, отведенного для "дорогой Беатрис", – и я расскажу тебе все об этом, то есть все, что я могу сейчас сказать.

– О, вы с Хэнки помиритесь...

– Никогда! За кого бы я ни вышла замуж, это будет не он.

Алисия выглядела потрясенной, опечаленной. И она была потрясена и опечалена. Но под этой пристойностью дружеских чувств она уже начала думать, что, если это действительно так, Питер вернется в ряды достойных, и он закончил Гарвард, в то время как Хек Ричмонд был младшим и всего на несколько месяцев старше ее. Непростительная двуличность, то есть непростительная в любых обстоятельствах, кроме человеческих, как это было с Алисией.

Беатрис рассмеялась, увидев печальное выражение лица своей закадычной подруги.

– О, брось это, – воскликнула она. – Ты же знаешь, что Питер не настоящая потеря. С ним, конечно, все в порядке – чистый, порядочный парень, с талантом хорошо одеваться. Но никто никогда не будет в восторге от него.

– В наши дни кто-нибудь волнуется о ком-нибудь? – Алисия рассмеялась.

Беатрис кивнула; в ее глазах снова вспыхнул взгляд, который не мог не выдать такой пронизательной и сочувствующей подруге, как Элли, ее тайну.

– Кто? – Задыхаясь спросила Элли. – Граф? О, Трикси, ты не собираешься выходить замуж...

– Не граф, – быстро и презрительно перебила ее Беатрис. – За кого ты меня принимаешь? Он ниже меня ростом и ужасно стар – ему за сорок.

– Я не думаю, что возраст имеет значение для мужчины, – заметила мило-сердная Алисия.

– Да, – ответила Беатрис. – Нет, конечно, если человек женится не по любви, а по другим причинам. Но я не могла бы любить пожилого человека.

– Разве сорок лет это возраст?

– Разве нет? – ответила Беатрис.

– Но кто он такой? – Взмолилась Элли, вся дрожа от любопытства.

Беатрис позволила блаженному выражению, граничащему с глупостью, покрыть ее прекрасное, молодое лицо.

– Ты помнишь, там, на Красном Холме, когда ты была там в последний раз, самого большого, величественного, красивого мужчину, которого ты когда-либо видела...

– Художник! – В ужасе воскликнула Элли. – О, дорогая, я думала, ты просто флиртуешь. Так и есть. Ты не ... Твоя мать никогда ... никогда ... не согласится. Разве он не ... беден?

– Как ты можешь так говорить? – Воскликнула Беатрис со всей энергией новообращенного в негодовании.

– Ну, ты же знаешь, что нужно жить, – настаивала Элли. – А если он беден ... и твой отец не согласится...

Беатрис коротко рассмеялась – у нее было много манер, которые напоминали ее отца.

– Я еще не замужем и не помолвлена.

– Ты говорила со своими отцом и матерью? – Спросила ее мудрая подруга.

Мисс Ричмонд снова издала сладкую и женственную версию сардонического смеха своего отца.

– Вот почему я здесь. Я порвала с отцом.

– О, Трикси! – В ужасе воскликнула Элли. – Ты не можешь этого сделать!

– О, да, я могу. – Она просияла, глядя на подругу. – И я пришла просить тебя приютить меня на несколько дней, пока я не смогу осмотреться. Отец хотел, чтобы я вышла замуж за Питера. Я отказалась. Он оскорбил меня. И я здесь.

Алисия с энтузиазмом поцеловала ее.

– Какая ты сильная, милая! – Воскликнула она. Это замечание показалось ей мудрым и дружеским и сдержанным компромиссом. Она не одобряла нефилимское поведение. Это не поощряло Беатрис ослаблять свою оппозицию Хэнки Вандеркифу. Это ни к чему не обязывало Киннеров.

– Но ты должна переодеться к обеду. Конечно, я дам тебе другого мужчину. Я отдам тебе своего партнера, а на себя возьму Питера. Хорошо, что ты здесь. Я должна поспешить одеться.

Но мисс Киннер не была в такой безумной спешке, чтобы не заглянуть к матери, у которой была горничная.

– Я помогу маме, Жермена, – сказала Алисия. – Я хочу ей кое-что сказать.

И как только они остались одни, она выпалила, – Беатрис порвала с отцом, потому что не хочет выходить замуж за Питера. И она приехала, чтобы остаться с нами.

Алисия замолчала. Ее мать терпеливо стояла, очевидно, изучая в длинном зеркале, как Жермена уложила ее мягкие седые волосы. Из всех женщин в Нью-Йорке, которые вели светскую жизнь, ни одна не была способна вложить в презренное искусство благоразумия и расчета столько истинной грации и добродетели, как миссис Джон Киннер.

– Что мне делать, мама? – Наконец спросила Алисия.

– Ничего, – ответила миссис Киннер тоном человека, который обдумал и принял решение. – Поживем – увидим. Конечно, этот ужасный, опасный дьявол, ее отец, не может не возражать против того, чтобы мы дали приют его дочери, пока мы ждем, пока он попытается вернуть ее.... Беатрис очень упряма.

– Как железо, как сталь. Она говорит, что влюблена в художника. Он ужасно красив, но не из тех мужчин, за которых можно выйти замуж.

– Иностранец?

– Нет, американец. Я никогда о нем не слышала. Я не могу вспомнить его имя.

– Боже милостивый, эта девушка сошла с ума, – сказала миссис Киннер. – Почему миссис Ричмонд позволила такому человеку сблизиться с ее дочерью? И все же, кто бы мог подумать такое о Беатрис?

– У Беатрис странная жилка, – объяснила Алисия. – Ты знаешь, ее отец был очень необычным.

– Нет, дело не в этом, – задумчиво ответила миссис Киннер. – Это не вопросы рождения и воспитания. Я видела самые низкие вкусы у людей прекрасной крови.

– Как мило ты выглядишь!... Я должна одеться. Ты советуешь мне ничего не делать? Она не хотела видеть Питера за ужином. Так что ... я возьму его на себя.

Этот небольшой перерыв между “так” и “я буду” был прекрасным примером того, как мать и дочь передавали друг другу те вещи, которые невозможно произнести, вещи, которые звучат вульгарно, шокирующе или подло придуманными, если их выразить словами. И ни в каком отношении разница между хорошо воспитанным человеком и обычным не проявляется так явно,

как в этих маленьких и больших вопросах о том, что говорить и что подразумевать. Благодаря этому значению молчания мать и дочь оказались в положении, счастливом положении, в состоянии самым искренним и самым добродетельным образом отрицать даже для себя любое намерение тонкой, снобистской или интригующей мысли. Приписывать такие мысли таким людям – значит возбуждать их справедливое негодование. Когда Алисия пошла одеваться, мать послала ей вслед взгляд, полный восхищенной любви. Она воспитала свою дочь не как дочь, а как закадычную подругу, и она пожинала богатую награду. Алисия Киннер, которая так мало заботилась обо всех остальных, что в глубине души никого не любила и не испытывала сильной неприязни, хранила и изливала на свою мать всю любовь своего сердца.

Когда пять женщин, присутствовавших на обеде, сидели в гостиной, ожидая мужчин, миссис Киннер нашла возможность сказать Алисии, – Ричмонд позвонил как раз перед тем, как я спустилась. Он рад, что Беатрис с нами, и хочет, чтобы мы оставили ее у себя, пока он не приедет.

– Она говорит, что не хочет его видеть, – сказала Алисия.

– Думаю, я смогу ее убедить.

Миссис Киннер была права. Когда Ричмонд позвонил на следующий день и Беатрис повторила свой отказ, миссис Киннер сказала в своей неподражаемой манере, милой, разумной, дружелюбной, – дорогая, разве ты не видишь, что ставишь себя в неловкое положение?

– Зачем с ним ссориться? – Возразила Беатрис. – Зачем глупо повторять снова и снова, что я не выйду замуж за Питера? Мое решение принято. Я не изменю его, и он это знает.

Миссис Киннер уже обдумывала, не давая себе понять, о чем идет речь, стоит ли делать все, что в ее силах, чтобы поддерживать натянутые отношения отца и дочери и помочь спасти бедную Беатрис от несчастья брака с человеком, которого она ненавидит, человеком, который заслуживает хорошей жены. Она решила не вставать на сторону девушки из-за опасности навлечь на себя безжалостный гнев могущественного Ричмонда. Итак, теперь она ответила, – дорогая Беатрис, тебе не нужно бояться своего отца.

Она хорошо рассчитала. Беатрис гордо встала на дыбы.

– Возможно, это действительно выглядит так, как будто я боюсь встретиться с ним лицом к лицу, – сказала она, совершенно не сознавая, что миссис Киннер подчиняет ее своей воле так же легко, как плетельщик корзины сгибает иву. – Да, я спущусь вниз.

И она спустилась вниз, чтобы с величавой холодностью остановиться на пороге гостиной, где ее маленький жилистый отец взволнованно расхаживал.

– Ну что, отец? – Спросила она.

Они молча смотрели друг на друга, оценивая друг друга, или, скорее, дочь спокойно подчинялась проницательному, оценивающему взгляду отца, в то время как она удивлялась, как у такого сильного и смелого человека, как он, может быть такая жалкая слабость, как снобизм. Наконец Ричмонд любезно сказал, – Беатрис, я приехал, чтобы забрать тебя домой.

Она подошла к креслу, на которое опустилась с грациозной неторопливостью.

– Я думала, ты пришел извиниться. – Ее тон был едва уловимой провокацией.

Он слегка покраснел. Слабый румянец играл на его сухом морщинистом лице с огромным лбом, огромным носом и маленьким хитрым подбородком.

– И это тоже, – сказал он с удивительным самообладанием. – Вчера я так разозлился, что потерял голову. Мое пищеварение уже не то, что раньше. Мои нервы на пределе.

– Ты признаешь, что обидел Роджера Уэйда?

Ричмонд поморщился, но продолжил игру, на которую решился.

– Признаюсь, я ничего о нем не знаю, кроме, конечно, того, что сказал д'Артуа. Но я не могу честно сказать, что верю в него. Я все еще чувствую, что он охотник за состоянием.

– Я могу это понять, – сказала Беатрис, немного разгибаясь. – Я и сама подозревала его.

– Положись на свою интуицию, Беатрис, – сердечно воскликнул Ричмонд. – Она всегда верна.

– Рада это слышать, – заметила его дочь. – Потому что моя интуиция подсказывала мне, что он прост, как ребенок, в денежных вопросах. Неприятное подозрение возникло позже, когда меня задело то, что он мне отказал.

Ричмонд сделал широкий, великодушный жест, стараясь, не безуспешно, сопроводить его большим, великодушным выражением лица.

– Ну ... все это в прошлом и прошло. Ты готова вернуться домой?

– Я не поеду домой, отец, – зловеще тихо сказала Беатрис.

Ричмонд проигнорировал это.

– О, ты хочешь остаться с Элли на несколько дней? Почему бы не взять ее с собой?... Дело в том, – Ричмонд откашлялся, – что без тебя там, кажется, одиноко.

Взгляд Беатрис опустился. Ее чувствительная верхняя губа нервно задвигалась, легчайшая дрожь быстро унялась.

– Моя машина у подъезда, – продолжал он, и в его голосе слышалось нетерпение старика, наполненное страхом. – Она доставит нас прямо на вокзал. – Он взглянул на часы. – Мы успеем на первый экспресс.

Беатрис не осмеливалась взглянуть на него. Она настойчиво сказала, – ты больше ничего не скажешь о моем замужестве с Питером? Ты оставляешь мне свободу выйти замуж за того, за кого я захочу?

Ричмонд нахмурил брови. Характер начал дергать уголки его жестокого рта. В самом деле, это его мятежное дитя выходило за крайние пределы нежной, отеческой снисходительности.

– У тебя было время все обдумать, – сдержанно сказал он. – В глубине души ты разумная девушка. И я знаю, что ты решила действовать разумно.

Беатрис встала.

– Да, – ответила она.

– Тогда ... Пошли, – сказал Ричмонд, хотя прекрасно понимал, что она не это имела в виду.

– Ты читал мою записку матери?

– Я не обращаю внимания на истерику. Я ждал, когда твой здравый смысл проснется.

– Я останусь в Нью-Йорке, – мягко сказала она. – Я совершеннолетняя. Я намерена быть свободной.

– Что за вздор! – воскликнул он, пытаясь изобразить хорошее настроение. –

Где ты остановишься?

– Пока здесь.

– Как ты думаешь, Киннеры приютят тебя?

– Мне здесь всегда рады.

– Как моей дочери. Но как только они, любой из твоих знакомых, если уж на то пошло, узнают, что я считаю любого, кто принимает тебя, пособником твоей глупости и непослушания...

– Киннеры – мои друзья, – холодно сказала Беатрис. – Ты преувеличиваешь себя, папа, вернее, свои деньги.

Ричмонд рассмеялся тщеславным, властным, уродливым смехом.

– Я могу заставить старуху наверху выставить тебя из дома за две минуты, и Элли побоится заговорить с тобой.

Беатрис презрительно улыбнулась.

– Эти Киннеры и почти все, кого ты знаешь, вложили большие средства в то, что я контролирую.

Его тон и блеск в глазах заставляли слова вызывать ужасные видения возможной катастрофы.

– О! – Воскликнула Беатрис, побледнев. Она удивленно посмотрела на него.

– Понимаю... Я понимаю. – Она снова была спокойна и сдержана. – Я не должна втягивать своих друзей в неприятности. Да, я сейчас же уйду. Я поеду в отель.

Тут он потерял терпение.

– Ты заставляешь меня быть с тобой суровым, – сказал он, подходя к ней вплотную и потрясая кулаком перед ее лицом. – А теперь послушайте, юная леди. Ты поедешь со мной домой. И ты выйдешь замуж за Вандеркифа в течение шести недель.

Выражение лица Беатрис было по-своему таким же неприятным, как и у ее отца.

– Ты не можешь погубить меня, отец, – сказала она с неприятным смешком. – То, что ты мне дал, вложено в правительство.

Ричмонд стиснул зубы.

– Не напоминай мне о моей адской глупости. Но я получил ценный урок. Больше я не отдам ни цента, пока не умру.

– Как только я смогу прокормить себя, – сказала Беатрис, – ты получишь обратно то, что дал мне.

Ричмонд искренне рассмеялся. Он рассматривал ее, стоящую там, в модном платье для кареты и выглядящую привлекательно красивой и бесполезной.

– Что ты можешь делать?

– Это еще предстоит выяснить, – сказала Беатрис, покраснев от стыда.

– Хватит об этом! – Воскликнул Ричмонд. – Ты, конечно, не можешь считать меня таким слабым и кротким, чтобы я позволил тебе выйти замуж за этого охотника за приданым, за художника. Я все объясню.

– Не надо, – сказала Беатрис, спокойно направляясь к двери. – До свидания, отец.

– Если ты не сделаешь, как я говорю, – воскликнул Ричмонд, – я его погублю.

Она не обернулась, но вся ее фигура, от макушки до подола юбки, выражала внимание.

– У него есть небольшое состояние, оставленное ему тетей, – продолжал Ричмонд, теперь уже спокойный. – Я сотру его с лица земли. Я сделаю его нищим, а потом прослежу, чтобы его выгнали из страны.

Беатрис обернулась.

– Ты ... сделал бы ... это! – Медленно произнесла она.

– Только это и остается, – добродушно заверил ее отец. – Я думаю, что у меня есть немного власти, несмотря на убеждение некоторых членов моей семьи в обратном.

– Но он ничего не сделал! – Воскликнула она. – Я говорила тебе, что он отказывал мне снова и снова. Он сделал все, чтобы обескуражить меня. Он ранил мою гордость. Он растоптал мое тщеславие. Он ясно сказал мне, что ни при каких обстоятельствах не стал бы обременять себя мной.

– Тогда почему ты упорствуешь? – Проницательно спросил ее отец.

Она не ответила. Ее голова поникла.

Ричмонд рассмеялся.

– Видишь ли, твоя история не выдерживает критики. Это снова Рода и Бродстейрс. Они сговорились вместе, чтобы выжать из меня больше, чем он просил с самого начала. Я позволил им это сделать. Но я знал об этом. Это совсем другой случай, – бледный и дрожащий, он замахал на нее протянутыми руками. – Ты и твой бродяга никогда не вытянете из меня ни цента, ни у живого, ни у мертвого. И он это знает.

– Ты его видел? – С нетерпением спросила Беатрис. – Что он сказал?

Ричмонд густо покраснел при воспоминании об этой беседе, так живо вернувшейся к нему.

– Неважно, – грубо сказал он. – Ты поймешь, что он больше не хочет иметь с тобой ничего общего. И когда я закончу с ним, он будет рад спрятаться в каком-нибудь темном, дешевом уголке Парижа. Ему придется выпрашивать деньги на проезд.

– Отец, я сказала тебе правду, – сказала девушка со страстной серьезностью. – Он никогда не искал меня. У меня нет никакой надежды выйти за него замуж. Я настаивала ... настаивала, потому что, – она гордо выпрямилась, – я люблю его!

– У тебя много гордости, – усмехнулся ее отец.

– Да, – ответила она. – Я люблю его так сильно, что мне не было бы стыдно, если бы об этом узнал весь мир. Я не из тех трусливых женщин с молоком и водой, которым приходится ждать, пока их полюбят, прежде чем они начнут дарить то, что они называют любовью. Я люблю его, потому что он лучший всесторонне развитый человек. Лучший из всех, кого я когда-либо видела, потому что он большой, широкий и простой, потому что он честный и искренний, потому что он ... потому что я люблю его!

Ричмонд замолчал. Она выглядела прекрасно, когда говорила это. Женщина, которой умный, благодарный мужчина очень гордится как дочерью. Он был так сильно взволнован, что не мог полностью скрыть этого. Но это был импульс от части его натуры, глубоко погребенной и почти мертвой, совершенно мертвой, насколько это касалось влияния на действие или практическую жизнь.

– Ты сошла с ума, Беатрис! – Воскликнул он. – Это нужно вылечить немедленно. Пойдем со мной домой!

– Отец, – взмолилась она, – ты никогда в жизни ни в чем мне не отказывал. И этого я хочу больше всего на свете...

– Я думал, ты сказала, что у тебя нет надежды, – воскликнул ее отец, ободренный слабостью в женском пафосе ее тона. – А теперь брось эту чушь! Пойдем со мной и выйдем замуж за Вандеркифа, или я заставлю этого художника просить милостыню и выгоню его с позором. Сделай свой выбор. И делай его быстро. Я больше не буду делать предложения и не остановлю колеса, как только приведу их в движение. Через два дня я смогу оставить его без гроша в кармане.

Беатрис посмотрела на отца, отец посмотрел на нее. Она рассмеялась тихим, холодным смехом.

– Ты победил, – сказала она. – Я пойду.

И через пять минут она, пассивно подчинившись прощальным объятиям Элли и миссис Киннер, спустилась вниз, чтобы сесть в автомобиль своего отца. Ричмонд сел рядом с ней с выражением полного спокойствия на своем пронизательном, опасном лице.

Он добился только того, в чем заранее был уверен. Всякий раз, когда он играл козырями, они выигрывали.

Питер посещает тюрьму

Мы можем колебаться, отступать и уходить, ползти вперед с трепетной осторожностью в вопросах, затрагивающих наши собственные дела. Но мы не проявляем такой нервозности, когда речь заходит о вмешательстве в чужие дела. Там мы быстры и уверены. Мы даем советы свободно; мы говорим “должны” авторитетным тоном; мы даже навязываем суждение, если у нас есть власть. Почему нет? Если дела пойдут не очень хорошо, вина будет лежать не на нашем совете, а на том, как наш совет был выполнен. Кроме того, нам не придется платить по счету; судьба никогда не сводит свои счета с последствиями опосредованно. Ричмонд уделял гораздо меньше внимания делам своей дочери, чем обычно уделял мелким деталям небольшой деловой сделки. Он чувствовал, что ему не нужно думать о них; он знал, что для нее хорошо. Разве он не ее отец? И разве не долг и привилегия отца знать, что лучше для дочери? Итак, препятствие на пути к исполнению предназначения, которое он предназначил для нее, должно быть устранено.

Он был человеком, который смотрел на цель, а не на средства. Принимая во внимание все обстоятельства, он был склонен полагать, что его дочь была права в том, что Роджер Уэйд не хотел жениться на ней, что по какой-то таинственной причине бедный художник был твердо настроен против женитьбы на ней, возможно, был влюблен в какую-то другую женщину, возможно, где-то спрятал жену. Но невиновность или вина Роджера были в стороне от сути. Упомянутый пункт заключался в том, что его дочь должна выйти замуж за Вандеркифа и таким образом внести свою долю в широкие и прочные основы семьи, которую он строил. Таким образом, виновен или невиновен этот художник, который имел несчастье пересечь его путь, он должен быть принесен в жертву, если это необходимо.

Он не испытывал ни жалости, ни ненависти к Роджеру Уэйду, размышляя о возможности погубить его. Ричмонд был так же безличен, как и все крупные силы судьбы, самозваные или впечатленные микробы холеры или завоеватели, циклоны или капитаны промышленности. Когда он повышал или понижал цену акций или предметов первой необходимости, разрушал промышленность или аннексировал железную дорогу, он смотрел на это как на predetermined судьбой сделку; последствия для счастья или несчастья неизвестных ему людей не приходили ему в голову. Самоубийства, последовавшие за его разрушением и разграблением "М. М. и Г.", на него это не произвело никакого впечатления. Если бы человек действия сделал паузу для таких утонченных чувствительности, как случайные злые последствия его великих замыслов, не было бы никакого действия. Если бы Всемогущий был сентиментальным, как долго можно было бы откладывать хаос? “Большее благо” было девизом Ричмонда, и те, кто критиковал его право стать судьей в столь высоком и трудном деле, замолчали, когда он указал на свой триумфальный успех в создании и поддержании себя в американском совете директоров.

Беатрис, наблюдавшая за его неумолимостью в романтической, безличной манере и думавшая только о его демонстрации силы и о славе победы, часто восхищалась, была полна гордости. Но теперь, когда у нее была личная иллюстрация значения этого звучного слова "безжалостный", она чувствовала себя совсем по-другому. И рука об руку с ужасом перед отцом в ее сердце вошел ве-

ликий страх перед ним. Она вообразила себя свободной! Она надменно удалилась, гордо расхаживала по комнате, восхищалась своей силой и мужеством. Здесь, в Ред-Хилле, она была в таких же цепях, как ее мать, братья и Рода, графиня Бродстейрс. Насквозь она боялась этого человека, который ни перед чем не остановится, и которого ничто не могло остановить. С горечью, живо и с презрением к себе она осознавала истину, столь компактно представленную Монтень, где он напоминает нам, что пьедестал не является частью бюста.

Но, хотя она не могла лгать себе о своем страхе, она решительно скрыла его. Ее лицо было спокойным и бесстрашным. Она приняла чек, как родная дочь своего отца, не хныкая и не хмурясь. Она весело болтала всю дорогу в поезде. Она поздоровалась с матерью так, словно та просто уехала на целый день за покупками. Она была жизнью обеденного стола, потом играла в бридж со своим прежним мастерством, и это означало безраздельное внимание к игре.

Ее отец был озадачен. Указывала ли эта жизнерадостность на заговор с целью побега? Или, может быть, Беатрис втайне радовалась тому, что смогла выпутаться из ситуации, крайне неприятной для ее трезвого рассудка, не будучи вынужденной к унижению признаться в своей глупости? Или это было просто естественное и неизлечимое легкомыслие женщин? Ричмонд надеялся и наполовину верил, что последние две догадки содержат правду, но из-за этого он не ослаблял бдительности. Его неизменной политикой было не оставлять незамеченными ни одного пункта в своей линии и с величайшей осторожностью прикрывать те пункты, где опасность казалась наименее вероятной. Отныне Беатрис не должна делать никаких шагов без его ведома. Она никогда не оставалась одна, за исключением тех случаев, когда ее запирали в собственных комнатах, а он отключил там телефон. Он был осторожен, чтобы не раздражать своим шпионажем; он определенно не раскроется ей, если только она не попытается сделать что-то из ряда вон выходящее. Насколько он мог судить, она даже не подозревала о его существовании.

Прошло несколько дней, и Питер приехал, чтобы быть принятым ею с дружелюбием, которое радовало его, и Ричмонда не меньше.

Возможно, если бы Питер был рожден для того, чтобы прокладывать свой собственный путь в этом мире, он развил бы в себе хороший ум и достаточно сильный характер, чтобы оправдать себя достойно. Как бы то ни было, его мышление всегда было наемным, а характер оставался почти рудиментарным, за исключением того, что его учили сопротивляться любым попыткам вытянуть из него деньги. Учили во многом так же, как Природа учит устрицу закрывать свою раковину, когда что-то неприятное пытается проникнуть внутрь, учит червя извиваться, когда он чувствует прикосновение.

В отличие от его ума и большей части остального характера, тщеславие Питера было далеко не рудиментарным. Те, кто рожден в богатстве или положении, получают странное ложное представление о своей собственной внутренней важности. Точно так же, как призовая корова, вероятно, ошибается в причине усердного внимания, объектом которого она является, заботы, с которой ее моют, ухаживают и кормят, ублажают и ласкают, всегда говорят ласково и заботливо. Тщеславие Питера было столь же чувствительно, как и подошва ноги. Он постоянно колебался между экстазом и мучением, в зависимости от того, как он интерпретировал действия окружающих, потому что он предпо-

лагал, что все постоянно думают о нем, что все, что было сказано, было комплиментом для него или завистливым броском в его сторону. В противном случае можно было бы отправиться далеко и усердно искать, не найдя такого любезного, такого доброго парня, как он. Его крайняя осторожность с деньгами, за исключением, конечно, потворства своим желаниям, не произвела никакого неприятного эффекта на его коллег; они либо были богатыми молодыми людьми, обученными, как и он, подозревать каждого в попытке “подстричь” их, либо паразитировали на богатых, привыкли к скупости богатых и скорее восхищались скупостью как свидетельством силы характера. И это, несомненно, свидетельствовало о замечательном благоразумии, ибо простой богатый человек, лишенный своего богатства, находится в таком же положении, как собака с отрезанным хвостом за ушами.

Когда Питер и Беатрис отправились на прогулку, Питер через некоторое время заметил, что слуга личного персонала Ричмонда с ненавязчивой настойчивостью задерживается в отдалении.

– Почему этот парень крадется за нами? – Спросил он.

Беатрис рассмеялась.

– Ох, папины нервы.

– Чудак, анархист и социалист, а? Ну, я не удивляюсь. Низшие классы становятся чертовски дерзкими в этой стране. У меня сильное искушение уехать жить в Англию. Это единственное место на земле, где джентльмен может рассчитывать на то, что с ним все время будут обращаться как с джентльменом.

– Да, там удобно, – сказала девушка. – Кроме климата!

– Это отвратительно, не так ли?... Я бы хотел, чтобы этот парень нас оставил, – Питер остановился, хмуро глядя на далекую фигуру.

– О, не беспокойся, – сказала Беатрис.

– Но у меня такое чувство, будто за нами следят.

– Ну и что из этого? – Воскликнула она с лучезарной улыбкой. – Мы не собираемся делать ничего такого, чего никто не мог бы увидеть.

– Но мне нужно кое-что сказать тебе, я специально приехал, чтобы сказать это.

– Это такие вещи, о которых нужно кричать?

– Нет ... но ... он меня беспокоит ... И еще ты. У тебя такая манера смотреть и говорить, как будто ты ничего не принимаешь всерьез.

Она улыбалась, когда он говорил. Но если бы он был внимательным наблюдателем, то, возможно, увидел бы выражение совсем другого характера, скрытое смехом губ и глаз.

– Я приехал, чтобы сказать тебе несколько довольно резких вещей, – продолжал он. – Но теперь, когда я с тобой, я, кажется, не могу их вытащить. Но они все равно там, Беатрис, и я буду действовать в соответствии с ними, когда уеду. Я уверен, что так и сделаю.

– Ну? – Спросила она. Знатоки женских привычек понял бы по акценту, который она вложила в это слово, и по ее сопровождающей манере, что эта молодая женщина решила, что пришло время облегчить Хэнки задачу.

– Ты плохо со мной обращаешься, – выпалил он. – Ты не проявляешь ко мне того ... того уважения, которое проявляют все остальные, того ... того уважения, к которому я привык.

Питер молча шел рядом с ней на некотором расстоянии; эти вопросы, на

которые его заставляло жаловаться чувство собственного достоинства, было трудно выразить словами, которые не звучали бы чопорно и самодовольно. Наконец, он начал:

– Конечно, ты великолепная девушка, лучшая из всех, кого я знаю, и именно поэтому я хочу тебя. Нет никого, кто сочетал бы в себе все преимущества, как ты. Но, честно говоря, Беатрис, разве то же самое не относится и ко мне?

Он посмотрел на нее, его разум и лицо были готовы возненавидеть свидетельства ее знакомой насмешки. Но она смотрела прямо перед собой, ее глаза были серьезными, а сладкий рот свободен от любого намека на улыбку. – – Продолжай, Хэнки, – сказала она ободряюще.

Питер почувствовал, что наконец-то пришел в себя. С гораздо большей уверенностью он продолжил:

– Ты заставляешь меня чувствовать себя так, как будто, как будто я удешевляю себя, вешаюсь на тебя, выуживаю то, что не стал бы ни у кого другого на земле.

– Например?

– Ну, эта помолвка. Вряд ли найдется девушка в Нью—Йорке, в нашем кругу, которая не ухватилась бы за этот шанс. Это не тщеславие. Это факт.

– И то и другое, Хэнки, – без обиды признала девушка. Она посмотрела на него и серьезно спросила, – ты действительно хочешь жениться на мне?

– Разве я тебе не говорил?

– Когда я не люблю тебя?

– Я думал об этом, – сказал Питер с заметным видом опытного светского человека. – И мне кажется, ты только показываешь, какая ты хорошая девушка. Я был бы склонен уклоняться от девушки, которая любила бы меня до того, как мы поженились. Мне нравится деликатность, и, и сдержанность, и чистота в леди. Ей богу, мне кажется, что есть что-то ... наглое и дерзкое в том, что девушка дает волю своим чувствам ... когда ... когда ... она не должна знать о таких вещах. Это ... это ... ну, это пахнет низшими классами. Они занимаются такими вещами, они и такие женщины, о которых не говорят.

Долгое молчание последовало за этим взрывом философии высшего класса. Питер обдумывал сказанное, все больше восхищаясь собственной проницательностью. Что касается Беатрис, то после мимолетной насмешливой улыбки, которую он не заметил, она вернулась к своему собственному четкому ходу мыслей. Она несколько раз посмотрела на него изучающим взглядом, взглядом, полным мольбы, взглядом, полным сомнения. Наконец она сказала с некоторым усилием:

– Питер, предположим, я скажу тебе, что люблю другого мужчину?

Он недоверчиво покачал головой.

– Ты не полюбишь ни одного мужчину, пока не получишь на это право. Кроме того, где еще есть мужчина, который так точно соответствует твоим желаниям во всех отношениях? Ты же знаешь, что мы идеально подходим друг другу, Беатрис. Это ... это как предопределение. Тебе не хотелось бы расставаться со мной так же сильно, как мне не хотелось бы расставаться с тобой.

Хотя ее мысли были сосредоточены на том, может ли она рискнуть довериться ему, она начала удивляться ему. Правда, она позволила ему говорить откровенно. Правда, их близкое знакомство с детства позволяло ему свободно демонстрировать свою внутреннюю сущность без особой нервозности или

сдержанности. Но все еще оставалось что-то неучтенное. Где он набрался смелости так агрессивно смотреть ей в лицо? Как получилось, что он был увлечен собой так далеко за пределами самых возвышенных проявлений своего самого самодовольного настроения до сих пор? Вскоре ее женская пронизательность указала ей на причину. “Какая-то женщина набросилась на него, пыталась увести его от меня”. В обычных обстоятельствах это порадовало бы ее не больше, чем любую другую женщину. Но в тот момент она искренне надеялась, что ее подрывник добился успеха.

– Питер, – задумчиво произнесла она, – ты не думал бросить меня?

Питер выглядел взволнованным. Но он не стал хмыкать и увиливать; он повернулся прямо к ней.

– Мне не понравилось, как ты держишь меня на привязи, – признался он.

– Есть еще какая-нибудь девушка? – С жаром спросила она.

– В последнее время я довольно часто встречался с Элли, – признался Питер, и по его манерам она поняла, что он много думал о преимуществах того, чтобы заставить ее ревновать. – И я уверен, что если бы я был с Элли тем же, чем был с тобой, она бы не обращалась со мной так, как ты.

– Элли! Тогда все в порядке. “Дорогая Элли” работала в интересах своей подруги. Беатрис послала ей мысленно поцелуй.

– И ты должна признать, что у Элли есть много хороших сторон, – продолжал Питер, рассчитывая, что его судейская манера заставит пламя ревности распространиться и расти.

– Она гораздо ближе к твоему идеалу девушки, чем я, – сказала Беатрис с обескураживающим энтузиазмом. – Она любит ту же жизнь, что и ты. Питер, почему ты ее не любишь?

Питер мрачно уставился в землю, затем принялся палкой сбивать листья. Неужели Беатрис ревновала и использовала такой способ скрыть это? Или ей действительно безразлична опасность потерять один из немногих первоклассных уловов в Америке? Страх, что последнее может быть так, сделал его настолько несчастным, что он не мог продолжать притворяться насчет Элли.

Беатрис в отчаянии больше не колебалась.

– Но сначала, Хэнки, я хочу, чтобы ты сделал мне одолжение. Я хочу, чтобы ты притворился, что мы поженимся и что это произойдет, скажем, через три месяца. Элли поймет. Я все ей объясню.

Питер ощетинился.

– Притворяться перед кем? – Кисло спросил он.

– Перед отцом. И ты должен сказать, что просто не можешь жениться в течение трех месяцев. Мне нужно время, чтобы ... Неважно. Я надеюсь, на самом деле я уверена, что смогу отпустить тебя через месяц.

– И все скажут, что ты меня бросила? Мне это нравится, нравится!

– Знаешь, Хэнки, никто ни на минуту не поверит, что какая-нибудь девушка могла тебя бросить.

– Но ... но ты все равно это сделаешь, – взорвался он.

– Питер, ты прекрасно знаешь, что Элли тебе нравится больше.

– Да, она мне нравится больше. Иногда ты мне совсем не нравишься. Но я всегда люблю тебя.

– Привычка, просто привычка, – беззаботно заверила его Беатрис. – Ты ведь сделаешь это, правда?

– Нет! – Воскликнул Питер, резко остановившись. – Нет, я этого не сделаю. Я решил жениться на тебе. И я это сделаю.

– Тебе не стыдно, Хэнки Вандеркиф? – Воскликнула Беатрис. – Я всегда считала тебя джентльменом.

– О, когда мы поженимся, с тобой все будет в порядке, я очень рад, что ты это сказала. Девушка не знает, что у нее на уме.

– Как тебе не стыдно! Я пытаюсь воспользоваться тем, что мой отец держит меня в своей власти.

Это признание обрадовало Питера.

– Он хочет, чтобы ты вышла за меня замуж? – Осведомился он.

– Вот почему я хочу, чтобы ты мне помог!

– Мы поженимся, – торжественно воскликнул Питер.

– Ты на его стороне, против меня!

Презрение Беатрис было превосходно.

– О, как бы я хотела выйти за тебя замуж, просто чтобы наказать тебя за это!

Питер выглядел смущенным, но упрямым.

– Во всяком случае, я не посмею обидеть твоего отца. Это стоило бы мне кучу денег. Он по уши втянул меня во многие свои сделки. И если он отвернется от меня, черт возьми, я буду выглядеть как овца после стрижки. Беатрис, разве ты не видишь? Для нас нет спасения. Мы должны пожениться. Мы хотим пожениться. Мы должны пожениться.

Ответом Беатрис был презрительный взгляд.

– Теперь я понимаю, – с горечью сказала она. – Ты женился бы на Элли Киннер, если бы посмел. Но ты не осмеливаешься, потому что боишься, что это будет стоить тебе немного денег.

– Немного! – Воскликнул Питер. – Примерно треть всего, что у меня есть.

– И у тебя есть примерно в пять раз больше, чем ты мог бы потратить. О, я и понятия не имела, что ты такой презренный. Ты женишься на мне против моей воли, против собственного сердца, из-за страха и из-за денег.

– Я говорю, сейчас! – Запротестовал Вандеркиф. – Это несправедливо, Беатрис.

– Ты сможешь мне? – Спросила она.

– Я не могу ... и не буду, – ответил он без колебаний. – И, кроме того, я собираюсь доказать тебе и твоему отцу, что, если ты не выйдешь за меня замуж в следующем месяце, я вообще не женюсь на тебе. – И Питер выпрямился во весь рост, раздулся до своей превосходной полной фигуры и выглядел яростно решительным.

Беатрис стояла неподвижно, ее взгляд был прикован к потертому месту в траве на другом берегу озера, недалеко от водопада.

– Что скажешь, Беатрис? – Спросил он с некоторым беспокойством.

– Ты это серьезно?

Он выразительно кивнул. – Я так и сделаю.

– Ты поговоришь с отцом?

Его взгляд переместился.

– Если ты меня вынудишь.

– Посмотри на меня, Питер.

С немалым трудом он заставил себя посмотреть ей в глаза. Ей казалось, что

весь скрытый эгоизм и мелочность его натуры отражаются в них.

– Я делаю то, что лучше для тебя, – угрюмо сказал он.

Она издала свой короткий, неприятный смешок Дэна Ричмонда, и показала его собственное лицо, что, конечно, не говорило о солнечной и щедрой стороне его характера.

– Очень хорошо, дорогой Питер, – сказала она. – Мы помолвлены.

– И помни, что свадьба состоится в следующем месяце, – настаивал он. – Мы хотим попасть в Лондон до конца сезона.

– Тридцать первого числа следующего месяца. – Она все еще смотрела на него глазами, полными сардонического, можно сказать, сатанинского веселья.

– Бедный Питер! – Сказала она.

– Я сам могу о себе позаботиться, – весело возразил он. – И о тебе тоже. Твой отец понимает тебя. Он позаботится о том, чтобы у тебя не было шанса выставить себя дураком и испортить свою жизнь после того, как ты выйдешь замуж.

Беатрис разразилась смехом, полным чистого веселья.

– Ты шутник! – Воскликнула она. – Бедный Питер!

– Давай вернемся в дом, – сердито сказал он.

– Да, чтобы сообщить радостную весть.

– А теперь, Беатрис, не играй со мной. Ты думаешь, у меня нет здравого смысла? Я знаю, что на самом деле ты в восторге. Похоже, у тебя предубеждение против того, чтобы делать что-либо обычным способом. Ты хочешь, чтобы я почувствовал себя неправым, чтобы получить преимущество надо мной с самого начала. Но я тебя раскусил. Так что – пошли!

Беатрис снова рассмеялась. И снова она сказала, – бедный Питер!

Под покровом ночи

Вернувшись в дом, Беатрис и Питер прошли в восточную гостиную, где сидела миссис Уизли. Ричмонд угощал чаем полдюжины ее гостей. Когда они вышли из холла, Ричмонд появился в противоположном дверном проеме бильярдной. Он окинул лицо Питера одним из своих пронизательных взглядов. Как только волнения и перестройки, связанные с новоприбывшими, закончились, он отвел дочь в сторону.

– Поссорилась с Питером? – Спросил он.

Она повернула голову и крикнула, – Хэнки, подожди минутку. Вы извините его, миссис Мартини?

И когда Питер, красный и смущенный, оказался с ними у окна, она сказала, – скажи ему.

– Мы поженимся.

Ричмонд просиял и пожал ему руку.

– И поскольку мы хотим попасть в Лондон к концу сезона, – продолжал Питер, – мы хотели бы пожениться в конце следующего месяца.

– Никаких возражений, – сказал Ричмонд.

– Я не уверена, – сказала Беатрис, все это время непостижимо спокойная. – Сначала мне нужно поговорить с мамой. Нелегко собрать одежду за такое короткое время.

– Чепуха! – Воскликнул Ричмонд.

– И ты захочешь, чтобы большую часть вещей тебе прислали в Лондон, – предположил Питер.

Беатрис пожала плечами.

– Как говорит мама. – И она подошла к чайному столику, отрезала себе кусок слоеного пирога и принялась есть с большим удовольствием.

Двое мужчин стояли рядом, наблюдая за ней. Поднялась миссис Мартини, стройная и гибкая, одетая по самой строгой моде того года.

– Из-за чего у вас такой мрачный вид? – Спросила она.

Ричмонд нахмурился.

– Мрачный? – Сказал он с неприятным смешком. – Мы чувствуем что угодно, только не уныние. То есть ... э—э ... конечно, мои чувства несколько сбиты с толку. Я только что узнала, что Питер собирается забрать у меня Беатрис в конце следующего месяца.

Улыбка Питера в ответ на бурные поздравления миссис Мартини была болезненной и с трудом сохранялась достаточно долго, чтобы соответствовать требованиям условности.

Беатрис не выказала ни малейшего признака того, что сознает свое заточение. Насколько заметил Ричмонд, она ни разу не предприняла попытки прорваться или хотя бы исследовать пределы, отведенные ей. Если бы не недовольство, ясно читавшееся на цветущем, энергично здоровом лице Питера в течение тех четырех дней, что он провел в Ред-Хилле, Ричмонд предположил бы, что его дочь обрела рассудок, в чем он был уверен. Беатрис действительно пыталась публично относиться к Питеру как к своему жениху, но ей пришлось отказаться от этого. Ее нервы отказывались помогать ей в ее игре в лицемерие после определенного момента, и Питер стал физически отталкивающим для нее. Она не считала этот недостаток в ее безупречной позе серьез-

ным. Она знала, что ее отец не из тех, кто ослабляет бдительность, потому что он победил. Итак, какое преимущество было бы в том, чтобы попытаться, и, вероятно, потерпеть неудачу, устранить его последнее подозрение?

Не выдав себя, она тщательно изучила все размеры и границы своей тюрьмы. Она находила их повсюду, достойные мельчайшей изобретательности своего отца. Под его предлогом тревоги по поводу чудаков и похитителей за ней тщательно шпионили, и шпионы не подозревали, чем они на самом деле занимаются. Днем там были личные охранники, чтобы сообщить ему, если она попытается связаться с Роджером лично или через сообщение. Ночью внутри был сторож, снаружи – трое патрульных, а система охранной сигнализации не позволяла никому ни выйти, ни войти, не заливая светом весь дом и не поднимая звон колоколов с чердаков в подвалы.

Внешне, она была свободна, как воздух, свободна бродить где угодно в бескрайней пустыне, окружающей сады, террасы и лужайки, среди которых возвышался большой замок. На самом деле она не могла и шагу ступить в тайне. И, чтобы предупредить Роджера, она должна встретиться с ним лицом к лицу без ведома отца. Ибо, если ее отец намеревался сохранить верность своему решению, было бы глупо давать ему повод думать, что он все равно поступит хорошо, если погубит Роджера; и если он не намерен соблюдать соглашение, по которому она вернулась и приняла Питера, было бы безумием провоцировать его немедленно напасть на Роджера. Она должна тайно встретиться с Роджером.

Но как?

Если есть шанс, то он должен быть под покровом ночи, когда она, по крайней мере, свободна от слежки человеческих глаз. Как она могла выйти из дома незамеченной и вернуться в него незамеченной? И если она могла совершить этот почти невозможный подвиг, как организовать встречу с Роджером, когда она не могла общаться с ним, когда она даже не знала, где он живет?

Каждая система человеческого изобретения имеет свое слабое место. Наблюдая и размышляя, Беатрис обнаружила слабое место в этой системе своего отца. Как только она составила свой план, она подготовила эту записку:

“Чан,

Мне совершенно необходимо увидеться с тобой на несколько минут. Мой единственный шанс – ночью. Итак, приходи к водопаду в час ночи на следующее утро после того, как получишь это. Не подведи меня. Не считайте меня истеричкой или сентиментальной. Я бы даже сказала, что это вопрос жизни и смерти.

РИКС.”

Охранная сигнализация включалась каждую ночь Конрадом Пинни, суперинтендантом, сразу после закрытия дома. Ее выключал в пять утра Том, ночной сторож, когда служащие самого низкого ранга спускались из своих маленьких комнат под карнизом западного крыла, чтобы подготовить комнаты на первом этаже к дню. Дом закрывался, как только последний член семьи поднимался в свои комнаты. Чтобы сбежать, она должна выбрать момент или около того между подъемом последнего члена семьи и включением сигнализации, и это должно быть ночью, когда кто-то из членов семьи оставался внизу достаточно долго после ухода остальных, чтобы убедиться, что никто случайно не заглянет в ее комнаты, чтобы убедиться, что все в порядке. Чтобы

вернуться в дом, она должна дожидаться, пока его откроют в пять часов, и незаметно проскользнуть внутрь, не замеченная подметальщиками, уборщицами и полировщиками.

По вторникам и четвергам отец привозил из города пачку бумаг, с которыми обычно засиживался до полуночи, а то и до часу ночи. Потом они с Пинни часто прогуливались взад и вперед по террасе перед главным входом и курили минут двадцать. Питер уехал в понедельник. Во вторник вечером гостей не было. За обедом была только семья: ее мать, отец и она сама, секретарь ее матери, мисс Клитс, миссис Ламберт, экономка и Пинни. Пока они сидели за столом, Беатрис обдумывала свой проект, решив, что рискнет внести в него небольшое изменение, которое избавит ее от ночи на свежем воздухе и опасности быть замеченной, когда она войдет рано утром. После обеда они с матерью, экономкой и Пинни играли в бридж до половины одиннадцатого. К одиннадцати часам все спустились вниз, кроме ее отца, Пинни и двух слуг. В своей комнате в темноте она подождала до половины двенадцатого, затем переделась в выходное платье, спустилась вниз и проскользнула в серую гостиную. Ее окна были заперты на ночь. Она отперла одно, открыла его, вышла на широкую каменную веранду и закрыла за собой. К счастью, небо было затянуто тучами, иначе она была бы на виду, так как луна была с той стороны дома.

Она кралась в тени стены и кустарника, пока не оказалась в лесу. Там она свернула на тропинку и побежала вниз по склону к лодочному сараю. Пройдя примерно половину пути, она вспомнила о сторожах снаружи, вспомнила, что лодочный сарай был одной из их станций. Было бы глупо рисковать, наткнувшись на них; она должна была добраться до студии пешком, обогнув край озера – целых пять миль вместо менее чем трех. В лучшем случае она уедет не на два часа, а больше, чем на три. Так что бесполезно было думать о том, чтобы попасть в дом до того, как ее отец ляжет спать и включится сигнализация. Вместо того чтобы спешить, нужно было терять время—все время до пяти утра. Она шла, выбирая самый длинный путь и держась совершенно в стороне от маршрутов сторожей среди нескольких групп широко разделенных хозяйственных построек, конюшен и гаража, водопроводных, осветительных и прачечных, питомников, теплиц, фермы и молочных зданий.

Шел мелкий, мягкий дождь, но это не беспокоило ее, так как листва была сейчас, в начале мая, такой густой, что она была почти крышей. Когда она вышла из леса рядом со студией, дождь прекратился, и луна, никогда еще не скрывавшаяся так густо, чтобы не давать ей света, плыла по ясной тропинке среди разделяющихся облаков. Она посмотрела на часы на запястье: был почти час ночи.

– Я пришла слишком быстро, – сказала она. – Мне лучше вернуться.

Как она и ожидала, дверь в студию была открыта; в этом районе не было бродяг, а Красный Холм охранялся только потому, что нью-йоркские воры могли спланировать экспедицию специально, чтобы ограбить его. Она сняла засов со скобки и толкнула большую дверь.

Комната внутри была в полном свете луны, теперь прямо над огромным потолочным окном. Она огляделась, ее сердце бешено колотилось – не от страха, не от ожидания, а от воспоминаний. С этой скамейки она впервые увидела его. Там она смотрела, как он готовит шоколад. Вот они сидели и пили его, она любовалась быстрой, яркой игрой эмоций на его красивом лице – и какие ин-

тересные эмоции! Такие свободные, такие простые, такие сильные, такие искренние! Она подошла к скамейке, села, вытянулась во весь рост и зарыдала.

– О, если бы ты только знал! – Воскликнула она. – Я теперь совсем другая! Я так многому научилась, и я люблю тебя, люблю тебя, Чанг!

Это взволновало и утешило ее, когда она без стеснения вылила свое сердце в этом месте.

Она обыскала комнату в поисках каких-нибудь воспоминаний о нем. В одной из широких щелей в каменной кладке дымохода она обнаружила трубку – старую, дурно пахнущую штуку с почти прокушенным мундштуком. Она смеялась и плакала над ним, ласково прикасаясь к нему, корча гримасу от его действительно ужасного запаха, но все равно любя его. Она разорвала старую газету и тщательно завернула трубку, чтобы, по возможности, заглушить этот запах.

Она села на один из грубых, неудобных стульев и принялась переживать каждый момент своего знакомства с ним, вспоминать все, что он говорил, делал и смотрел, все его маленькие особенности жестов и акцента; анализировать его очарование ею, почему она любила его – тысячу и одну причину в дополнение к настоящей причине, которая, конечно, заключалась в том, что он был Чангом, самым большим, самым прямым и честным человеком, которого она когда-либо знала, даже не настолько застенчивым, чтобы быть скромным. Луна пересекла окно в крыше; комната погрузилась в полумрак; луна снова появилась в западном окне, высоко в стене. Ей снились все новые и новые сны, которыми она заполняла большую часть своих бодрствований, когда оставалась одна. Когда она вспомнила, чтобы посмотреть на часы, было пять минут четвертого!

Она вскочила, вынула из-за пазухи записку и просунула ее на три четверти в щель между дверью шкафа и рамой, как раз над замком. Получит ли он ее этим утром? Или пройдет несколько дней, прежде чем он приедет сюда?

– Я буду приходить к водопаду в течении двух ночей, – сказала она. – Тогда, если он не придет, я попробую найти другой способ.

Когда она добралась до вершины Красного холма, был уже день, хотя солнце еще не поднялось над горизонтом. Она кружила, пока не оказалась напротив главного входа, но хорошо скрытая. Она так часто спускалась пораньше, что знала, как расходятся слуги. Как только первые лучи солнца осветили самую верхнюю из остроконечных крыш, Том, сторож в помещении, появился у главного входа. Сигнализация была отключена. Она повернула на запад и через густой кустарник, который мог скрыть ее от любого случайного наблюдателя из окон, добралась до веранды – незапертого окна серой гостиной. Ее сердце замерло, когда она поднимала это окно. Когда не раздалось ни звука, ни звона колокольчиков, она глубоко вздохнула, слабо шагнула внутрь, опустила и заперла окно. Остальная часть пути была сравнительно свободна от опасностей.

Когда в девять часов вошла ее горничная, она крепко спала, и все следы ее похода были удалены ее собственными неприученными руками с юбки, леггинсов и туфель. Старая трубка в газетной обертке была спрятана глубоко в ящичке с бельем, пахнущим нежным саше. Ящичке, от которого у нее был единственный ключ.

Выбраться из дома на следующую ночь было не так-то просто.

Во второй половине дня из города приехало несколько гостей. Она была вынуждена оставаться внизу до последнего, с трудом удерживаясь от того, чтобы Джозефина Берроуз не последовала за ней в ее комнату, чтобы поболтать в течение часа или дольше. Весь вечер, пока отец задерживался в гостиной, она заставляла себя вести себя самым веселым, самым беззаботным образом. Ее нервы были на пределе, и у нее была лихорадка. Она знала, что слуги закрывают дом в безумной спешке. У нее не было времени ни переодеться, ни даже надеть туфли; оставалось только отослать горничную, накинуть длинную шаль, выключить свет и сбежать вниз. Вероятно, в постели еще никого не было, но она должна рискнуть, если кто-нибудь случайно зайдет к ней поздно вечером. Поднимая окно в серой гостиной, она с уверенностью ожидала услышать звон колоколов, быть ослепленной внезапной вспышкой света. Она не дышала, пока не опустила его.

Было уже за полночь. Она поздравила себя с тем, что назначила час ночи для встречи. У нее как раз будет время добраться до маленького водопада. Она не успела далеко уйти, как ее тапочки были в ужасном состоянии, а ноги промокли до колен.

– Волнение – единственное, что может спасти меня от холода моей жизни, – подумала она. Простуда была для нее серьезной проблемой, уродующей, отчаянно неудобной, медленно уходящей. Задолго до того, как она достигла нижнего конца озера, она почувствовала, что ее платье превратилось в грязную развалину, хотя она держала его высоко. Идя по неровной прибрежной тропинке, она время от времени поглядывала на место встречи на противоположной стороне. Луна делала все отчетливым, его там не было. Неужели ей потребовалось больше времени, чтобы прийти, чем она думала, и он ушел? Или он проигнорировал ее записку? Или он еще не получил ее?

– Не думаю, что осмелюсь прийти снова, – уныло сказала она себе. Но она знала, что так и будет.

Она пересекла ручей по камням, которые его окружали. Она добралась до того места, где могла видеть траву, вытертую его работой за мольбертом, грязь на краю озера, смятую килем ее каноэ. Она огляделась по сторонам, вглядываясь в полумрак под деревьями.

– Чанг! – Позвала она.

Она смотрела, слушала, ждала.

– Чанг! – Снова позвала она со всхлипом в голосе.

Из глубокой тени клена прямо перед ней раздался голос Роджера, – кто-то приближается к нам на лодке.

– Не двигайся! – Воскликнула она вполголоса. – Что бы ни случилось, не показывайся. Я должна говорить быстро, – поспешила она. – Эти деньги, о которых ты сказал, что у тебя есть, ты должен немедленно продать все, во что они вложены, и вложить их в государственные облигации. Ты сделаешь это? Обещай мне!

– Не могу, – ответил он. – Они в облигациях железной дороги Уошонг, которые только что попали в руки получателя.

Беатрис ахнула.

– О! – Воскликнула она. Но она не должна медлить. – Мой отец сделал это, – торопливо продолжала она, – потому что он хочет разорить тебя и выгнать из страны.

Роджер тихо рассмеялся. – Не волнуйся, Рикс. Со мной все в порядке.

– Мне так много нужно сказать. Я должна увидеть тебя снова ...

Это прощание. Я читал о твоей помолвке и был рад, что ты решила поступить разумно. Я надеюсь, что ты будешь счастливы, и ты будешь счастлива. Я пришлю тебе картину в качестве свадебного подарка.

– Чанг, не верь этому, – умоляюще воскликнула она. – Я должна тебя увидеть. Как только смогу, я дам тебе знать. За мной следят. Но я ускользну от них и...

– Ты ничего не сделаешь тайком, только не с моей помощью, – ответил он. – Я больше не приду...

Лязг весла в замке заставил обоих замолчать. Из тени вынырнула гребная лодка, высоко задрав нос к илистому берегу. Беатрис сразу же узнала своего отца, единственного жильца. Он встал и огляделся. Он сказал с подозрительно приятной интонацией, – я вижу, Уэйд еще не пришел. Что ж, я подожду и отвезу тебя обратно. Ходить плохо, особенно в таком платье.

Каждый мог ясно видеть лицо другого в этом ярком лунном свете. Она выказывала не больше признаков волнения, чем он, и он был учтив. Заговорила Беатрис. – Да, я испортила свое платье. А тапочки просто разбухли. – Она огляделась. – Который час?

– Половина второго, – объявил он, взглянув на часы.

– Уже позже, чем я думала. Теперь я готова идти домой.

– У меня полно времени, – запротестовал Ричмонд.

– Нет, пойдем. Здесь не из-за чего оставаться.

И она вошла в лодку, придерживая себя рукой на его плече, когда проходила мимо него, чтобы сесть на корму. Было почти необходимо, чтобы она каким-то образом удержалась, проходя мимо него в этой довольно узкой лодке. Она едва сознавала, что прикасалась к нему; он прикасался к ней как нечто само собой разумеющееся, и его собственная направляющая и поддерживающая рука лежала на ее руке. И все же инцидент, казалось бы, пустяковый, на самом деле был самым значительным сам по себе и чреват чрезвычайно важными последствиями. Во – первых, это показывало, что, хотя отец и дочь воображали, что ненавидят друг друга до крайности, на самом деле они все еще были отцом и дочерью, по крайней мере, с одной сильной, неразрывной связью симпатии через признание каждым в другом качеств, которыми оба сильно восхищаются. Ибо два человека, которые глубоко ненавидят, не касаются друг друга, кроме как в гневе. Кроме того, это изменило их непосредственные отношения; это смягчило враждебность, которая бушевала в каждом из них, и делало невозможной ссору, которая должна была иметь точно такой же цвет, тот же особый характер, который она приняла бы, если бы они не касались друг друга.

Когда она села, он оттолкнулся и сел на весла. Он держался середины озера, где свет был ясным и сильным. Они не проплыли и нескольких ярдов в этом водном путешествии длиной в три мили, как ее отец сказал:

– Ты хотела сказать ему, о чем я тебя предупреждал?

– Да.

– И после этого ты намеревалась нарушить данное мне обещание?

– Я не давала никаких обещаний, но я собиралась поддержать помолвку. Питер стал мне отвратителен, но ... любой мужчина был бы таким же. С таким

же успехом я могла бы выйти замуж и покончить с этим.

– Через несколько лет, – сказал ее отец, – ты поблагодаришь меня за то, что я спас тебя от твоей глупости.

Она опустила руку в воду. Лунные лучи блестели на ее желтых волосах, на гладком, молодом лице и шее.

– Ты должна знать, – продолжал ее отец, – что я не сказал бы тебе, что погублю Уэйда, если бы ему не удалось сбежать. Я поставил его инвестиции в такое положение, что могу уничтожить их или нет. То, что я сделаю, будет зависеть от того, глупа ты или разумна.

Она на мгновение подняла глаза. Значит, он не так виновен, как она думала,—то есть, возможно, он и не виноват.

– Ты говоришь, что не собиралась разрывать помолвку, – продолжал он. – Тогда зачем ты пришла сюда сегодня вечером?

– Потому что ты сделал для меня невозможным сообщить ему каким-либо другим способом.

– Ты могла бы написать, – возразил он, – знакомая нотка подозрения, острого ума, ищущего скрытую правду, была сильна в его голосе, – я не контролирую почту.

– Я не хотела писать на бумаге ... такое ... о ... моем отце.

Ричмонд греб молча минут десять. Затем он сказал, и нотка привязанности в его голосе была так же сильна, как и нотка подозрения раньше:

– Это была твоя единственная причина?

– Я так думала, – ответила она. —Теперь я понимаю, что тоже хотела его увидеть, посмотреть, есть ли хоть какая-то надежда.

– Ты бы чувствовала себя прекрасно, не так ли, если бы сваляла дурака с этим человеком, а потом узнала, что он уже женат?

Перемена в выражении ее лица была очевидна даже в этом обманчивом свете. Во время долгого молчания он увидел, что она обдумывает его злое предложение.

– Мы ничего о нем не знаем, кроме того, что это человек, за которого ты, в здравом уме, никогда бы не подумала выйти замуж.

– Это правда, – ответила она, – если ты имеешь в виду под правильными чувствами ту девушку, какой я была воспитана.

Дэниел Ричмонд, полный ярости и угрозы, был поглощен мудрым и умелым человеком дела.

Она посмотрела на него со своей прежней веселой насмешкой.

– Я вижу, ты решил пойти со мной другим путем.

Ричмонд встретил улыбку улыбкой, и именно от него она получила особое очарование своей улыбки.

– Я признаю, что совершил ошибку, – сказал он. – Мое желание, чтобы ты сделала то, что было лучше для тебя, ослепило мое суждение. И было очень неприятно видеть, как ты с головой бросаешься в глупость, в которой будешь раскаиваться всю свою жизнь. Пожилому человеку трудно помнить, насколько неопытна молодежь, и быть терпеливым. Но я постараюсь сделать лучше... Я послал твою мать узнать, в своей ли ты комнате. Я не знаю, почему я это сделал. У меня есть инстинкты, которые много раз спасали меня в трудных ситуациях. Она ушла, вернулась, сказала, что ты там. Но она не может обмануть меня лицом к лицу. Она знает, что я чую ложь, как терьер крысу. Так что я по-

шел сам. Когда я увидел, что ты ушла, это отрезвило меня. – Он сказал это совершенно по-человечески, искренне, просто сам, каким он был для дочери, которую любил.

– Я хотела бы иметь возможность ... делать то, что ты хочешь, отец, – мягко сказала она. – Но когда я сказал тебе...

– Давай не будем обсуждать это сейчас, – перебил он. – Возможно, завтра. Не сейчас.

Еще одно молчание, когда девушка быстро смягчилась по отношению к своему отцу, ее всегда снисходительному отцу, и она смогла оценить его точку зрения, потому что временами ее собственная новая точка зрения казалась отклонением во сне.

Она сказала, – у тебя есть основания думать, что он ... женат? Он никогда не говорил мне ... никогда не намекал на такое.

– Он когда-нибудь говорил тебе, что не женат?

– Конечно, нет. – Беатрис громко рассмеялась. – Я никогда не говорила ему, что не замужем.

– Ты говоришь, что просила его жениться на тебе?

– Да, я так и сделала.

– И ты говоришь, он отказался?

– Он категорически отказался. Он рассмеялся при мысли, что я действительно думаю о нем. Если бы ты только слышал, отец! Вот почему было бы несправедливо с твоей стороны обвинять его. Это была моя вина.

– Почему он отказался жениться на тебе? – Спокойно спросил ее отец.

– Потому что ему было все равно, я полагаю, этого достаточно.

– Какую причину он назвал?

– Он не думал, что это пойдет на пользу его карьере. У него ... О, у него было много причин. Мне показалось, что они не так уж много значат, потому что, конечно, все хотят жениться и ожидают, что когда-нибудь это произойдет. Вот почему я ... надеялась.

– Тебе не кажется, что он, возможно, уклонялся, не хотел говорить тебе настоящую причину?

Спокойная, испытующая настойчивость отца, свободная от гнева или злобы, дружелюбная по отношению к ней, не несправедливая по отношению к Роджеру, – это начало волновать ее, наполнять смутными сомнениями и страхами.

– Но если бы у него была такая причина, – настаивала она, – он мог бы сразу все закончить, сказав мне.

И со спокойной проницательностью он объяснил:

– Возможно, он планирует избавиться от своей жены, чтобы иметь возможность принять тебя и состояние, которое, как он думает, пойдет с тобой.

– Ты пытаешься настроить меня против него! – Воскликнула девушка, вся в смятении от этого тонкого нападения, которое, казалось, шло как изнутри, так и снаружи.

Но ее отец был готов к этой чрезвычайной ситуации.

– Если ты намерена сохранить свою помолвку, – сказал он, – если у тебя нет надежды быть принятой этим молодым человеком, о котором ты ничего не знаешь, ты хочешь иметь предубеждение против него, не так ли, Беатрис?

Казалось, не было никакого эффективного ответа на эту проницательность.

– Да, я действительно хочу настроить тебя против него, – продолжал Ричмонд. – Я хочу, чтобы ты осознала тот факт, что ты делала все эти глупые, компрометирующие вещи для человека, о котором ты абсолютно ничего не знаешь.

– Я уверена, что он не женат! – Воскликнула Беатрис с чрезмерным подчеркиванием.

– Может, и нет, – невозмутимо ответил отец. – Но это выглядит чрезвычайно странно, не правда ли? Что такой девушке, как ты, отказал бедный никто, без всякой причины.

– Он честен и независим, – решительно ответила Беатрис, но не так решительно, как ей хотелось бы. – Он не женился бы на мне, если бы не любил.

– Но я думаю, – тонко предположил Ричмонд, – что мужчине было бы ... ну, не так уж трудно влюбиться в девушку, у которой так много преимуществ.

Тщеславие Беатрис сильно уступило ее житейскому здравому смыслу, признав правдоподобность и даже больше этого предположения. Она рассмеялась, но была впечатлена.

Когда они подошли к дому, ее отец добродушно сказал, – ты проведешь меня тем же путем, каким вышла? Я сказал Пинни, чтобы он не включал сигнализацию, пока я не выйду из своего кабинета, где, по его мнению, я нахожусь.

Итак, отец и дочь тайком вернулись в Ред Хилл, получив массу удовольствия от приключения, и расстались у ее двери с добрым, старомодным объятием и поцелуем.

Худшие четверть часа Питера

Счет за эту экскурсию в легком платье и тапочках по мокрому, холодному лессу был немедленно предъявлен, и, согласно грубым манерам всех подобных счетов, он должен был быть оплачен сразу же. Как уже упоминалось, Беатрис не страдала теми утонченными, женственными простудами, которые позволяют героиням художественной литературы оставаться в неизменной красоте. У нее была обычная человеческая простуда, которая превращает свою жертву в хрипящий, чихающий, сопящий кусок страдания, опухшие глаза и нос, нагруженные носовыми платками. В такие моменты она не позволяла никому, кроме членов семьи, видеть ее, и была бы рада, если бы они держались подальше.

Таким образом, у нее теперь было пять дней для непрерывных размышлений, в смиренном, самом покаянном расположении духа. Ее отец не беспокоил ее, льстил ей вниманием специально подобранных цветов, заботливыми расспросами дважды в день, не через секретаря, дворецкого или камердинера, а лично разыскивая ее собственную горничную.

На третий день ее мать пришла с восторженными рассказами о том, что он намеревался сделать для нее в ознаменование свадьбы. Главными предметами были великолепные драгоценности и поместье Ред-Хилл. Поскольку драгоценности были бы слишком дороги для нее, чтобы она когда-либо думала о том, чтобы реализовать их, и поскольку поместье Ред-Хилл потребовало бы огромных ежегодных ассигнований из щедрот ее отца на содержание, следует сказать, что Ричмонд, решив держать своих детей на иждивении, выбрал не сверхъестественное. Но Беатрис была не в настроении рвать его поступки в клочья в поисках хитро скрытого мотива. С тех пор как он изменил ее ожидания, мягко обойдясь с ней, когда поймал ее у водопада, она почти вернула ему благосклонность в своих мыслях. Не повлиял на ее великодушное суждение и тот факт, что нежные отношения были абсолютно единственным доступным для него путем. Эта новость о подарках, взволнованный разговор ее горничной от ее собственного имени, а также повторение того, что говорилось внизу, комментарии журналистов о приближающемся “союзе” – все это, как правило, ставило брак с Питером перед ней в менее неблагоприятном свете. И она не видела ни Питера, ни Роджера.

Униженная своей холодностью, она низко оценивала свои отношения с Роджером. Ей удалось пристыдить свою затаившуюся гордость, и она сделала серьезные усилия, чтобы упрекнуть ее в том, что она бросилась на мужчину, который быстро и решительно отверг ее. Не важно, по какой причине. Он показал ей, что не любит ее и не хочет ее любви. Чем старше становятся люди, тем меньше они нервничают из-за того, что они глупо романтичны; они славятся божественными глупостями любви. Молодое сердце – это все, что у них осталось от прекрасного, мимолетного богатства юности, и они стараются наслаждаться им в полной мере. Но молодые люди, если они вообще искушенные, избегают экстравагантной романтики; они боятся быть осужденными за ужасное преступление – быть молодыми и зелеными; они боятся стать жертвой унижительного обмана – любить больше, чем их любят, отдавать больше, чем они получают. До тех пор, пока Беатрис не встретила Роджера, она гордилась тем, что контролирует свой разум над своим сердцем, будучи “женщиной

мира". Теперь она начала улыбаться – слабо, но с попыткой насмешки – своему любовному бреду. Она не жалела об этом, не раскаивалась в этом. Но она думала об этом как о прошлом.

Отец заглянул к ней, чтобы немного поговорить, прежде чем переодеться к ужину. Он никогда не был так внимателен, и ни один мужчина не мог быть более очаровательным, чем Ричмонд, когда он этого хотел.

– Мне нужно совершить поездку на северо-запад, – сказал он. – Я должен выехать не позднее двадцать второго мая и отсутствовать месяц. Я хочу, чтобы ты либо отложила свадьбу до моего возвращения, либо устроила ее до моего отъезда. Когда Питер придет завтра, вы с ним сможете все обсудить. Ты же знаешь, я бы предпочел, чтобы ты вышла замуж до моего отъезда. Я уже не так молод, как когда-то, и в этих путешествиях есть элемент неопределенности. Но все будет так, как ты скажешь.

– Свадьбу придется отложить, – сказала Беатрис.

– Не забывай, что Питер распорядился, чтобы тебя представили ко двору десятого июня.

– Я просто не смогу подготовиться.

– Твоя мать считает, что ты сможешь, – сказал Ричмонд, показывая свое глубокое разочарование, но в целом с сожалением, а не с гневом или упреком. – И все же сделай все, что в твоих силах. Подумай об этом. Поговори с Питером.

– Я сделаю все, что в моих силах, – сказала Беатрис. Она протестовала перед ним сильнее, чем в своем сердце, потому что теперь погрузилась в безразличие. Казалось, ничто не имело значения. Холод оставил ее физически ниже нормы, поэтому ее психическое состояние было мрачно пессимистичным. Отсутствие ответа Роджера казалось глубоко обескураживающим; она начала сомневаться, любит ли она его, любила ли она когда-нибудь так, как ей казалось. Мы должны были бы гораздо ближе подойти к истине о человеческих невзгодах и бедствиях, истине об их истинных причинах, если бы мы точно знали, каково было состояние здоровья людей, которых это в основном касалось. Беатрис здоровая и Беатрис больная были совершенно разными людьми.

– Да, я знаю, что ты сделаешь мне одолжение, если это возможно, – сказал ее отец.

На следующий день было воскресенье. Ричмонд сам поехал, чтобы встретить Питера, который должен был прибыть к обеду.

Когда молодой человек сошел с поезда, не потребовалось никакого умения читать по лицам, чтобы обнаружить, что он был не в духе – размышлял о том, как с ним обошлась Беатрис, и в этих размышлениях ничего не пропало от ворчания, которое он унес с собой. Слабый человек никогда не выглядит таким слабым, как когда он не в духе; соответственно, Питер демонстрировал свой истинный характер или отсутствие характера с отчетливостью, которая раздражала Ричмонда, даже когда он размышлял, как замечательно это вписывается в его планы. Питер не был виноват в своей слабости. У него не было шанса стать другим. Он был лишен той рукопашной борьбы с жизнью, которая одна делает человека сильным. Обычно, однако, опасная правда о его слабости была хорошо скрыта за фиктивной видимостью силы, которую упрямство, эгоизм и преклонение толпы подхалимов и иждивенцев в сочетании дают человеку со средствами и положением. Ричмонд, при всем своем почтении

к происхождению и богатству Питера почти двухвековой давности, ни на мгновение не обманывался относительно его личного характера. Одной из причин, по которой он был так доволен им как зятем, была его вера в то, что Беатрис может быть счастлива только с мужчиной, которым она может управлять; и в это воскресенье по прибытии Питера, когда его слабость была обнажена до самого непринужденного взгляда его плохим настроением, Ричмонд был более чем когда-либо доволен своим выбором для своей взвинченной дочери.

– Питер, – резко сказал он, когда тот сел в лимузин.

Молодой человек сжал руки в слабом жесте, готовясь к решительному сопротивлению.

– Мне нужно уехать на запад в середине месяца. Я хочу, чтобы вы с Беатрис поженились до моего отъезда, скажем, двадцатого числа. Вы должны быть в Лондоне в начале второй недели июня?

– Да, – неохотно ответил Питер. “Да” человека, которому не хватает морального мужества сказать “нет”.

– Я не вернусь на восток раньше середины июня, может быть, в июле.

– Не могу, – сказал Питер, внезапно нахмурившись, глядя в спину шофера, отделенную от них толстым стеклом.

– А почему бы и нет? – Спросил Ричмонд тоном дрессировщика животных, не сводя глаз с несчастного Питера. – А почему бы и нет?

– Я вообще не уверен, что женюсь, – сказал Питер, и его испуг превратил блеф над решимостью в своего рода нервную дерзость, как у школьника, бросающего вызов приподнятому ферулу учителя, потому что остальная часть школы ждет, растопырив уши, чтобы услышать, как он воет и умоляет.

Ричмонд повернул свое маленькое жилистое тельце на сиденье, и повернулся лицом к Вандеркифу.

– Это что, шутка? – Требовательно спросил он.

– Хотел бы я, чтобы это было так, – дипломатично ответил Питер. – Я сделал кое-какие открытия, которые заставят меня ... освободить вашу дочь от ... от помолвки, которая ... которая ей так неприятна.

Политика Ричмонда в отношениях со своими братьями заключалась в том, чтобы сначала нанести самый тяжелый удар – то есть он взрывал укрепления, прежде чем атаковать. Он засмеялся тем нежным, легким смехом, который подобен мягкому постукиванию листа крапивы, мгновенно вызывающему припухлость и боль.

– Так вот почему ты все эти три дня шнырял вокруг, пытаясь избавиться от акций, которые я тебе продал.

Питер болезненно побледнел.

– Я ... я ... кое-как уладил свои дела, – пробормотал он.

Ричмонд снова рассмеялся – весело, добродушно.

– Этот мир, – сказал он, – населен дураками. Но самый большой дурак из всех – это парень, который думает, что он немного меньше дурак, чем другие. Это, кажется, подходит тебе, мой мальчик. Ты, должно быть, думаешь, что я родился только вчера. Неужели ты думаешь, что я доверяю людям, потому что беру их с собой? Ведь если бы я это сделал, то давно сидел бы в тюрьме или в богадельне. Когда я впустил тебя, я запер за тобой дверь. Я всегда так делаю.

Руки Питера дрожали так сильно, что они сотрясали палку, вокруг которой

он их сжимал.

– Ты думаешь, что продал все, – продолжал Ричмонд. – Вместо этого завтра ты обнаружишь, что у тебя все еще что-то есть, то, что ты купил через меня, и что ты должен купить еще больше.

– Но я не могу этого сделать, – взмолился Вандеркиф, и его голос был не намного лучше, чем скулеж. – У меня нет готовых денег. Мне придется продать недвижимость, которая принадлежала семье с самого начала.

– Я возьму ее в залог, – ободряюще сказал Ричмонд. – Так что тебе не стоит беспокоиться об этом, мой мальчик.

– Но мы никогда не закладываем! – Воскликнул Питер. Его лицо блестело от пота. – Нет, конечно, мы никогда не закладываем, мистер Ричмонд. Я вам очень признателен, но мы никогда не закладываем.

– Когда-нибудь надо начинать, – сказал Ричмонд. И, видя, что его будущий зять находится в надлежащем состоянии дряблости, он вернулся к делу. – А теперь, что касается неприятностей между тобой и Беатрис. Пожалуйста, объясните. Давайте посмотрим, что это такое.

– Ей на меня наплевать.

– Кто это сказал?

– Она.

– Когда?

– Когда мы обручились.

– И все же ты сделал ей предложение, и она согласилась.

Питер поежился.

– Но я не знал, что она думает о ... о ком-то еще.

– О ком?

– Э, о художнике.

– О ком?

– Я встретил его у вас дома. – Гнев Питера нарастал, как и гнев самого напуганного мальчика в мире, если порка будет продолжаться достаточно долго. – Я мог бы догадаться, – воскликнул он. – Я заподозрил это в тот день, когда увидел, как он ее рисует. Но казалось абсурдным, что девушка ее положения...

– Это абсурд, – вмешался Ричмонд. – Кто рассказал тебе эту историю?

Питер не ответил.

– Моя дочь?

– Нет. Вряд ли я скажу...

– Значит, это была Элли Киннер, – сказал Ричмонд, и Питер виновато почувствовал, что у него вырвали эту информацию. – Значит, она пытается выйти за тебя замуж?

– Мистер Ричмонд, – сказал Питер с жесткостью оскорбленного человека древнего происхождения, – я очень уважаю мисс Ричмонд.

– Я тоже, – перебил Ричмонд. – Она красивая, умная, проникательная девушка. Она всех дурачит. Но я думал, что ты будешь начеку.

– Уверяю вас, сэр, мисс Киннер...

– О, кстати, – Ричмонд прервал предложение Питера, как будто в его голове мелькнула мысль на другую тему. – Принеси эти закладные в мою контору до двух часов завтрашнего дня, – небрежно сказал он. – У меня назначена встреча на два тридцать. Это дает нам полчаса – достаточно времени.

Питер, казалось, увял. Внутреннее опустошение было более ужасным, чем

внешнее, потому что внутренне он съежился.

– Мисс Киннер притворяется, что любит тебя, – продолжал его мучитель, возвращаясь к брачным делам. – Я хочу выяснить, как далеко ты зашел в ее ловушку.

– Она не притворялась, – запротестовал Питер. – Я уверен, что если бы она вышла замуж за мужчину, то только потому, что он ей небезразличен.

Ричмонд рассмеялся.

– Ты человек светский. Ты знаешь, чего она хочет. – Затем, с буравящими глазами и костлявым пальцем, тыкающим в тяжелую мышцу руки Питера, – если ты хочешь знать, чего кто-то хочет, ты не слушаешь, что они говорят, ты смотришь на то, что им нужно.

Это была та самая пронизательность, которая произвела впечатление на Питера, чувствительно подозрительного. Он поморщился, выглядел смущенным и раздавленным.

– В этой истории с художником ничего нет, – усмехнулся Ричмонд. – Ты же знаешь Беатрис. Она очень гордая. Послушай моего совета, не говори с ней об этом. Если она заподозрит, что ты флиртуешь с Элли ... – Ричмонд сделал жест, намекающий на смутные, огромные опасности.

– Надеюсь, сэр, у вас не сложилось впечатления, что я ... что я ... – Питер замолчал.

– У меня не сложилось никакого впечатления, кроме того, что ты хочешь жениться на Беатрис восемнадцатого числа.

– Девятнадцатого, – поправил Питер.

– Значит, девятнадцатого, – Ричмонд сменил тон на доброжелательный отеческий. – И будьте благоразумны, молодой человек, и не создавайте проблем между Беатрис и Элли.

Так случилось, что, когда Питер и Беатрис прогуливались после обеда по итальянскому саду, Питер, не теряя времени, подчинился приказу Ричмонда. И он не стал делать этого с какой-либо неохотой, потому что Беатрис снова стала самой собой и в костюме, который давал ей все возможности для очарования, было достаточно, чтобы повернуть гораздо более твердую голову, чем у Питера за последние несколько лет, когда дело касалось ее.

– Тебе не кажется, – сказал он, – что нам лучше перенести дату на восемнадцатое?

Она ответила не сразу. Они медленно шли к арке в дальнем конце, он время от времени поглядывал на нее с таким видом, будто она не слышала. Наконец он спросил:

– Ты слышала?

Она кивнула, усаживаясь на старую каменную скамью из сада древнего дворца, где она, без сомнения, участвовала во многих судьбоносных беседах между мужчиной и женщиной.

– О чем ты думаешь? – Спросил он.

– О нашем браке. – Она бросила на него пристальный, пронизательный взгляд, взгляд, который всегда заставлял его чувствовать себя неловко с ней и немного бояться того, что может означать женитьба на ней. – Ты хочешь жениться на мне, Питер? – Спросила она.

– Какая чушь! – Воскликнул он. Его взгляд переместился.

– Ты же знаешь, что нет, – возразила девушка. – Твой здравый смысл под-

сказывает тебе, что я не из тех женщин, с которыми мужчине было бы приятно быть связанным, если бы она его не любила. Ты не хочешь жениться на мне, а я не хочу выходить за тебя. И так, и так. Давай откажемся от брака.

Питер выглядел странно встревоженным, оглядывался по сторонам, словно в смертельном страхе, что их подслушивают.

– Если твой отец узнает об этом, он обвинит во всем меня, – воскликнул он. – Я говорю тебе, что хочу жениться на тебе. Я твердо решил жениться на тебе. Я дал свое слово, и ты дала свое. И мы поженимся на...

– Я прошу тебя освободить меня, – перебила девушка.

– Я этого не сделаю! – И видения денег, льющихся рекой, и закладных, льющихся рекой, внесли нотку пронзительной истерии в его обычно тяжелый голос.

– Я думала, что смогу выйти за тебя замуж, – сказала Беатрис, сильная, энергичная под маской сладкой нежности. – Я обнаружила, что не могу.

– Я не отпущу! – Воскликнул Питер, снова блестя от пота и усердно вытирая лоб. – И я хочу, чтобы ты сказала своему отцу, что я категорически отказался освободить тебя, что я настаивал на том, чтобы ты вышла за меня замуж.

– Мой отец? – Удивленно переспросила девушка. – Какое он имеет к этому отношение?

Питер на мгновение запыхался. Он быстро пришел в себя и поспешил объяснить:

– Я ... я очень уважаю твоего отца. Мне бы не хотелось, чтобы он хоть на минуту подумал, что я неосторожно не сдержал свое слово или что я не был склонен и полон решимости жениться на тебе. Я хочу, чтобы ты поняла, Беатрис. Я хочу, чтобы ты сдержала обещание.

– Как я уже говорила, я люблю другого мужчину, – сказала Беатрис. – Я думала, что уже справляюсь с этим. Я нахожу, что это был просто приступ тоски. – Она рассеянно улыбнулась. – Я наткнулась на его старую трубку, которую заперла в ящике стола, ужасную, вонючую, старую трубку. И ... Питер, ты когда-нибудь был влюблен?

– В тебя, – сказал он угрюмо и ревниво, и, конечно, выражение ее лица, ее тон не успокаивали его тщеславия, хотя сами по себе они были прекрасны.

Она рассмеялась.

– В свою бабушку! – Усмехнулась она. – Эта трубка ... она была похожа на одну из тех заколдованных вещей в "Тысяче и одной ночи". Это заставило меня увидеть, – ее глаза стали очаровательно нежными и мечтательными, – и увидеть ... и увидеть!... Мог бы ты жениться на женщине, которая так же относится к другому мужчине?

– Тогда почему ты связалась со мной?

– Потому что он не хочет меня, – призналась она, ее прежняя гордость за свою любовь была безудержной.

– Никогда не слышал такой чепухи! – Воскликнул он с отвращением.

– И я знаю, что ты действительно не хочешь жениться на мне, – продолжала она умоляющим голосом, уверенная в его мужественности, в его дружелюбии к ней, его подруге детства.

Если бы Ричмонд стоял позади своей дочери, делая угрожающие лица Питеру через ее плечо, этот страдающий от боли молодой человек не мог бы чувствовать ее более остро.

– Ты ничего такого не знаешь, – выпалил он. – Не смей говорить отцу ничего подобного, – она пристально посмотрела на него. – Похоже, у тебя на уме отец Питер ... Хэнки что он тебе говорил?

– Ничего, – уклончиво солгал Питер. – Ни слова.

– Это неправда, Хэнки. Так ли это?

Он опустил голову.

– Признайся. Он ... угрожал тебе?

– Послушай, Беатрис, ты пытаешься втянуть меня в неприятности, – умолял и протестовал Хэнки. – Я ни слова не сказала о том, что твой отец говорил мне о тебе.

– Чем он угрожал? – Настаивала девушка, положив руку ему на плечо. – Ты можешь доверять мне, Хэнки. Ты же знаешь, я держу рот на замке.

– Мне нечего рассказывать, – настаивал он с каким-то нытьем. – Все, что я говорю, это то, что я хочу жениться на тебе. Если ты привязалась к другому мужчине и не хочешь выходить за меня замуж, я ничего не могу с этим поделать.

– Я прекрасно понимаю ... прекрасно понимаю, – сказала Беатрис. – Он заставляет каждого из нас вступить в брак. Я хочу выйти замуж за другого мужчину. Ты хочешь жениться на Элли. Но ...

– Я не хочу жениться на Элли! – Запротестовал он с энергией ужаса. – Я ничего не говорил тебе о ней. Во всяком случае, я считаю ее коварной, замышляющей мошенничество. Она рассказала мне о вас с Уэйдом.

– Ну, почему бы и нет? – Воскликнула Беатрис. – У меня нет возражений. Она знает, что я хочу отказаться от брака с тобой.

Глаза Питера заблестели надеждой.

– Ты дала ей разрешение рассказать? Ты просила ее рассказать?

– Практически. Ну и что из этого?

– Рад это слышать! – Воскликнул он с порывистым вздохом облегчения. – Я уже начал думать, что все женщины одинаковы, что в них нет такого понятия, как сентиментальность.

Глаза Беатрис озорно сверкнули.

– Да, Хэнки, и она практически получила мое разрешение влюбиться в тебя. Я уверена, что она просто умирает от желания выйти за тебя замуж. А теперь ты отпустишь меня, не так ли?

Питер закурил сигарету и осмотрел горизонт, словно надеясь увидеть что-то на пути к помощи.

– Я не могу этого сделать, Беатрис, – наконец сказал он, глубоко извиняясь. – Если бы я мог сказать тебе, в каком ужасном положении я нахожусь, уверяю тебя, ты бы не винила меня.

– Для меня будет лучше сделать это в одиночку.

– Ты собираешься освободить меня? – Воскликнул он нетерпеливо.

– Что бы сказал отец, если бы увидел тебя сейчас? – Спросила она.

Нетерпение исчезло с его лица.

– Так-то лучше, – усмехнулась она. – Но я не буду дразнить тебя, Хэнки, когда твоя душа разрывается между любовью и деньгами. Я беру на себя всю ответственность. Я откажусь выходить за тебя замуж.

Но Питер продолжал выглядеть подавленным.

– Твой отец подумает, что я что-то сказал.

– Мой отец не подумает, что меня можно было бы так легко обескуражить, или вообще обескуражить, если бы я захотела стать твоей женой. Он поймет, что ты слишком любишь деньги, чтобы рисковать их потерять. Не волнуйся, Питер. Отец поймет, как только ты ему скажешь.

– Я скажу ему! – Воскликнул Питер. – Тебе придется сделать это самой. Ты к нему привыкла. Ты не представляешь, как он действует мне на нервы. Если я попытаюсь сказать ему, у меня будет постоянный паралич языка, прежде чем я успею произнести хоть слово.

– Какой же ты глупый! Разве ты не видишь, что я позволяю тебе сказать ему об этом в качестве одолжения, чтобы помочь тебе сбежать? Ты идешь к нему, жалуешься на меня, убеждаешь его заставить меня сдержать обещание. Понял?

Питер увидел это, принял смиренный извиняющийся вид.

– Вложи в это столько силы, сколько захочешь, – продолжала Беатрис. – Ты не можешь сделать хуже для меня, и ты сделаешь намного лучше для себя.

Питер посмотрел на нее с таким восхищением, что она тут же отослала его прочь. Она знала его, знала, как легко она сможет вернуть его, если захочет, и как мало потребуется, чтобы заставить его забыть свое негодование по поводу ее неспособности оценить его и энергичные методы ее отца, и его страх перед тем, что может означать жизнь с такой напряженной волей, как у нее.

– Скажи ему прямо сейчас, Хэнки, – посоветовала она, указывая зонтиком на Ричмонда, который стоял в окне библиотеки и наблюдал за ними. – Давай покончим с этим.

Миссис Ричмонд писала за столом неподалеку от того места, где стоял Ричмонд. Когда Питер направился по дорожке к дому, Ричмонд сказал своей жене:

– Какой же болван Питер! Неудивительно, что Беатрис захотелось отказаться.

– О, я бы не сказала, что Питер стоил того, чтобы волноваться, так или иначе, – ответила миссис Уотсон Ричмонд.

– Молодые люди, растущие в наши дни, – это очень дешевая, худая компания. Он не хуже других. – Ричмонд плотно сжал губы. – И он для нее самый лучший муж. Сильная женщина должна выйти замуж за маленького мужчину, если хочет мира.

Миссис Ричмонд усмехнулась, слабо и скрытно, лежащей перед ней газете. Она не упустила ни одного из возможных последствий замечания мужа. На этот раз, однако, она была несправедлива к нему. Он не пытался ударить ее, не хотел намекать, что сильный мужчина должен жениться на маленькой женщине, и что Дэниел Ричмонд сделал именно это. Он думал только о своей дочери и Питере. Он хотел бы подарить ей настоящего мужчину; он искренне сожалел о том, что его игра, игра в жизнь, как она есть, запрещала это, заставляла его дарить ей только Питера Вандеркифа.

Он утешал себя тем, что через много лет она оценит то, что он сделал для нее. Это, когда она должна была занять то ослепительное положение, которое ее способности могли бы сделать из богатства, которое он мог ей дать, и престижа, который она получит благодаря древнему происхождению Питера. Будучи человеком воображения, как и любой человек, который добивается успеха в любом направлении, Ричмонд обладал сильным чувством, романтикой.

Он не мог не сочувствовать сердечной болезни своей дочери, теперь, когда ее согласие с его планами позволяло ему быть справедливым, втайне. Но романтика была мимолетной вещью, в то время как то, что он планировал для нее, было не эфемерным весенним временем, а вещественностью, которая дарит человеческому существу комфорт и часто делает его счастливым на всю жизнь от юности до старости.

Когда Питер вошел, миссис Ричмонд закончила свою записку и уже собиралась уходить.

– Вы поедете со мной примерно через час? – Спросила она, проходя мимо него в дверях.

– Извините, но у меня есть...

– О, если вы понадобится Беатрис, – засмеялась она, уходя и оставляя мужчин наедине.

Питер прервал размышления Ричмонда бомбой.

– Беатрис разорвала помолвку, – нервно сказал он. – Она отказывается выйти за меня замуж.

Маленькая жилистая фигурка в окне резко обернулась. Исчезли сентиментальные размышления, навеянные прекрасным видом из этого окна, его дочь – венец и кульминация красоты.

– Почему? – Он выстрелил в молодого человека.

Питер лишь слегка съежился. Он был силен в своем сильном деле.

– Потому что она любит не меня, а кого-то другого.

– Опять эта ерунда. Ты отказался отпустить ее?

– Да, сэр, – ответил Питер, гордый своей добродетелью.

– Ну что?

– Она отказалась.

Ричмонд обернулся и увидел, что его дочь сидит на том же месте, вертя в руках свой бледно-голубой зонт от солнца и лениво озираясь по сторонам. Он развернулся и направился к двери.

– Простите, сэр, – сказал Питер, – но я еду поездом в город. Это ставит меня в неловкое, болезненное положение.

– Жди здесь, – приказал Ричмонд и исчез.

Питер, благоразумно стоявший в глубине комнаты, наблюдал, как отец мчится к дочери, и в нервном напряжении ожидал грохота столкновения. Он удивлялся, как она может спокойно сидеть, когда точно знает, что сейчас произойдет.

– Она, конечно, настоящая, – пробормотал он. – Где ты можешь победить его? Спорт, вот как я ее называю, хороший спорт.

Когда Ричмонд подошел на удобное расстояние, чтобы поговорить с безмятежной девушкой с милой приветственной улыбкой, он начал.

– Откуда у Вандеркифа такое ложное впечатление? – Сказал он гибким тоном, легко переходящим либо в добродушие, либо в гневную властность.

– Он сказал тебе, что я готова выйти за него замуж? – Спросила она.

Ричмонд просиял.

– Я думал, этот тупица не понимает, о чем говорит! – Воскликнул он. – Он говорит, что ты не выйдешь за него замуж.

– О, – сказала Беатрис со своей самой веселой улыбкой. – Мне показалось, ты сказал, что у него сложилось ложное впечатление.

Ричмонд нетерпеливо покачал головой.

– Ты сказала ему или не сказала, что не выйдешь за него замуж?

– Да, – ответила Беатрис, и в глазах ее заплясали искорки удовольствия подразнить его.

– Да – что? – Спросил он.

– То, что ты сказал, – ответила она.

– Беатрис, я настаиваю на серьезном ответе. Питер подошел ко мне и сказал...

– О, папа! Конечно, ты не станешь повторять это снова. Ты все это уже говорил.

Ричмонд сделал паузу, чтобы сформулировать вопрос, на который можно было ответить только прямо.

– Ты сказала Питеру, что не выйдешь за него замуж? – Строго спросил он, хотя у него было слишком хорошее чувство юмора, чтобы не оценить ее детский ум.

– Я так и сделала, – рассмеялась Беатрис, чувствуя себя непринужденно. – Ты можешь винить меня?

Ричмонд сел на скамью рядом с ней.

– Ты понимаешь последствия своего отказа? – Холодно спросил он.

Ее лицо стало серьезным. Глаза, которыми она встретила его взгляд, были такими же решительными, как и его собственные.

– Я понимаю последствия отказа, – сказала она. – И я готова принять на себя последствия отказа.

Озадаченное выражение лица Ричмонда сменилось высокомерным гневом.

– Что тебе сказал Питер? Я понимаю это дело. Я заставлю этого молодого человека корчиться за его дерзкое предательство!

– Он умолял меня выйти за него замуж. Он отказался отпустить меня. Он пошел прямо к тебе...

– Ты не сможешь обмануть меня! – Воскликнул ее отец, его выразительные глаза зловеще сверкнули. – Прежде чем я покончу с этой ситуацией, я думаю, что все заинтересованные стороны пожалеют о том, что нарушили мою волю. Так всегда бывает, добродушие ошибочно принимают за слабость.

– Ты можешь погубить Питера, если считаешь, что можешь позволить себе такое презрение, – невозмутимо сказала Беатрис, – и ты можешь погубить Роджера Уэйда, хотя я сомневаюсь, что он сочтет потерю небольшого количества денег разорением. Но ты...

– Я же говорил, что с позором выгоню его из страны!

Через юность девушка показала свою наследственную силу души, чтобы сделать из нее женщину, личность, достойную его собственной.

– Если ты расскажешь о нем что-нибудь постыдное, это правда, ты будешь делать только то, что правильно, – спокойно сказала она. – Если ты попытаешься навредить ему ложью, я сама скажу, кто это делает и почему.

Чувство собственного бессилия перед ней заставило его замолчать.

– Как я уже говорила, ты можешь сделать все, что в твоих силах, – продолжала она. – Но я не выйду замуж ни за одного человека, которого я ни в малейшей степени не уважаю; я не выйду замуж за такое бедное, утомительное создание, как Хэнки. Я увидела лучше. Я нашла что-то, с чем можно сравнить

жизнь с ним. А я не могу и не буду этого делать.

Конечно, в карьере Дэниела Ричмонда было время, когда он пробивал себе дорогу и набирал очки, обсуждая и рассуждая со своими собратьями. Каждый лидер завоевывает лидерство, убеждая своих товарищей в том, что он обладает необходимой квалификацией. Но это время давно прошло; в течение многих лет Ричмонд имел привычку решать, что делать, на совете в своем собственном мозгу и информировать внешний мир о своем решении только действиями и приказами. Теперь он продолжал молчать, глядя на землю; он боролся за контроль над своим темпераментом, боролся за спокойствие, чтобы спорить с этой мятежной дочерью. Чтобы сделать ее разумной, он должен сначала сам стать таким.

– Ты не так долго знаешь этого художника, не так ли? – Спросил он, наконец, тоном разумного существа и отца.

– Достаточно долго, – ответила девушка.

– Достаточно долго для чего? – Любезно осведомился отец, хотя тон его дочери, она все еще была сильно раздражена внутренне, дразнил его.

– Достаточно долго, чтобы понять, что он мне безразличен.

Ее отец довольно рассмеялся.

– Мы с тобой очень похожи, моя дорогая, – сказал он. – Ты достаточно хорошо знаешь себя, чтобы понять, что настоящая причина твоего волнения – противодействие. А теперь будь благоразумна. Что я мог сделать, кроме как воспротивиться? Можешь ли ты винить меня за то, что я выступаю против? Можешь ли ты удивляться, что я боюсь, что ты сделаешь что-то глупое, что-то, о чем ты будешь сожалеть всю свою жизнь? Предположим, это был случай с каким-то другим отцом и дочерью. Случай, в котором у тебя не было личного интереса. Будешь ли ты на стороне отца или дочери?

Невозможно было сопротивляться этой логике, так четко поставленной. Бетрис улыбнулась.

– На стороне отца, – быстро ответила она. – Я не жду, что ты поймешь, отец. Я вижу все твои аргументы. Я вижу, какой глупой и безрассудной я кажусь тебе. Но факт остается фактом: я люблю Роджера Уэйда. Я знаю, что не выставлю себя душой, любя его. О, ты скажешь, что в тех же обстоятельствах другие девушки говорили то же самое, когда они были просто ослеплены и обмануты своим увлечением романтикой. Но этот случай – исключение. И я это знаю, – она посмотрела на него с самым милым выражением лица. – Позволь задать тебе несколько вопросов. Ты знаешь Роджера?

– Я прекрасно понимаю таких людей. Это знакомый тип. У каждой девушки с наследством есть несколько таких жужжащих вокруг нее.

– Это честно, отец? У тебя действительно такое впечатление о Роджере Уэйде?

Опасное выражение снова появилось на лице Ричмонда – в его глазах, вокруг рта.

– Ну, не сердись, отец. Это было бы признанием, знаешь ли. Никто не сердится в дискуссии, если только он не ошибается.

– Кто бы не рассердился, увидев, что такая девушка, как ты, хочет выставить себя душой.

– Если бы ты был там, где была я, когда все начиналось, и встретил такого человека, как Роджер, ты был бы...

– Не произноси при мне его имени, – крикнул Ричмонд, дергаясь и извиваясь. – Я прошу тебя найти время, чтобы прийти в себя.

– Я уже пробовала. Когда я его не вижу, мне еще яснее, чем когда я его вижу, что я должна выйти за него замуж. Кроме того, если бы его сейчас не было на земле, я все равно не смогла бы выйти замуж за Носовой Платок. О, дорогой отец, неужели ты не видишь, как я изменилась? Как ты говоришь, я такая же, как ты. Поставьте себя на мое место. Ты бы вышел замуж за такого человека, как Хэнки ... как все Хэнки ... если бы ты мог ... – Она вздохнула. – Но я не могу. Он этого не сделает. Отец, пожалуйста, помоги мне!

На лице Ричмонда отразился конфликт выражений, когда она трогательно произнесла это обращение. Это было чистое признание в страхе перед своим лучшим "я", которое любило его дочь, которое уважало то, что она теперь училась уважать, – это было чистое признание, когда он впадал в ярость – единственное настроение, когда человек находится в безопасности от мольбы сердца и советов высшего разума.

– Ты сошла с ума, просто сошла с ума! – Воскликнул он самым оскорбительным тоном. – Тебе нет оправдания, никакого! Рассуждать с тобой – пустая трата времени.

– Если я сошла с ума, для меня есть все оправдания, – ответила она с безмятежностью гнева, который выходит за рамки буйства и брызг. – Если я не сумасшедшая, тебе нет оправдания.

– Ты собираешься быть благоразумной? Готова ли ты отказаться от глупостей и построить для себя счастливое и богатое будущее?

– Если смогу, – ответила она. – Если Роджер согласится...

Ричмонд вскочил.

– Ни слова больше! Я покажу тебе, мисс ...

– Да, еще одно слово, – перебила она. – Я хочу сказать еще кое-что. Если ты не согласишься оставить Питера и мистера Уэйда в покое, я немедленно покину твой – и на этот раз навсегда.

– Ты ... угрожаешь мне! – Закричал он, дрожа от ярости, потому что это чувство абсолютного бессилия перед ней свело его с ума.

– Ты хочешь, чтобы я осталась или ушла? – Спросила она, ее румянец исчез, но все признаки непоколебимости были на ее лице, в ее фигуре, в ее позе.

– Уходи! – Закричал он. – Иди и сделай из себя дуру и скандалистку. Вперед! Вперед! Вперед!

И он бросился прочь, как сумасшедший.

Второй побег

Питер встретил ее у главного входа.

– Как он это воспринял? – Взволнованно спросил он, явно нервничая.

– Не очень хорошо, – Ответила она.

– Да, я видел, как он убежал в лес. Боже милостивый! Как ты можешь относиться к этому так спокойно!

Вместо ответа Беатрис пожала плечами и подняла брови.

– Беатрис, честно говоря, тебе не кажется, что нам лучше пойти и сделать так, как он хочет? Он опасный человек, поверь мне, это так. Мне не нравится так говорить о твоём отце, но все согласны с тем, что он...

– Никогда нельзя сообщать семье человека какие-либо новости о том, кто он такой, – сказала Беатрис.

– Он превратит твою жизнь в ад, – простонал Хэнки. – И он будет вредить мне.

– Я думаю, что нет, – ответила она. – У него будут другие дела, кроме тебя, чтобы занять его. Он знает, что это полностью моя вина.

– Но, Беатрис, не упрямься. Ты должна знать, что на самом деле было бы не так уж плохо выйти за меня замуж.

– Я думала, что упомянула тот факт, что я влюблена в кого-то другого.

– О, конечно, – сказал Питер. – Полагаю, это как-то связано с этим. Но твое упрямство...

– Вот именно, – передразнила девушка. – Упрямство. Ну, какова бы ни была моя причина, я уезжаю отсюда следующим поездом.

– Но я имел в виду именно это, – возразил Хэнки. – Я должен уехать отсюда.

– Лучше останься и дай отцу понять, что ты ни в чем не виноват, – посоветовала она. – Если бы мы вместе поехали в город, он был бы уверен, что ты в сговоре со мной.

– О, я останусь, я останусь, – воскликнул Питер. – Но куда ты поедешь, Беатрис?

– Не хочу, чтобы у моих друзей были неприятности, – сказала она. – Я возьму Валентайн и поеду в отель "Уолкотт". Приходи и звони. Я не скажу отцу.

– В отель! – Питер ошеломленно уставился на нее. – Ты же не хочешь сказать, что уезжаешь из дома навсегда?

– А ты бы не стал ... на моем месте?

– Нет. Я был бы благодарен и вступил бы в брак с человеком, которого пожелал бы мой отец.

Беатрис вопросительно посмотрела на него.

– Хэнки, – сказала она, – ты должен каждый день падать на колени и благодарить судьбу за то, что тебе посчастливилось избежать брака со мной.

Ее озорная улыбка, ее насмешливый тон в сочетании с самими словами немедленно оказали на него успокаивающее действие. Уже не в первый раз у него возникло леденящее, тошнотворное предчувствие, что в этом взгляде на брак между ними была правда. Помолчав, он сказал:

– Но что ты будешь делать?

– Будь я благословенна, если знаю, – ответила она, как будто это не имело ни малейшего значения.

– У тебя не будет друзей. Никто не посмеет дружить с тобой.

– У меня теперь есть друзья? Есть что-нибудь, что можно назвать моим собственным?

– Тогда, насколько я понимаю, у тебя не так уж много денег. Достаточно, чтобы заплатить за платье?

– Примерно.

– Тогда ... что ты будешь делать? – Повторил он с искренней, дружеской заботой в голосе и, что еще лучше, в глазах.

– Это неважно. Я убегаю от худшего, с чем могла бы столкнуться.

– Выходи за меня замуж, Беатрис, – воскликнул он. – Это неплохая ставка, если ты проиграешь.

Она импульсивно протянула руку с благодарной улыбкой, самой милой и дружелюбной, которую он когда-либо получал от нее.

– Мне это нравится, Хэнки! И мне нравится, когда ты показываешь, кто ты на самом деле. Но я не воспользуюсь твоим великодушием.

– Я серьезно, Беатрис, – сказал он с мертвой, трезвой серьезностью.

Она с улыбкой покачала своей хорошенькой головкой.

– До свидания. Приходи ко мне. Если мы наткнемся друг на друга при отце, мы будем хмуриться и смотреть в разные стороны.

– За кого ты меня принимаешь?

– За человека с небольшим здравым смыслом. Будь тверд с отцом, ради Элли.

– Но я хочу тебя.

Она убежала, смеясь, как будто ей было все равно.

Она постаралась сделать свой отъезд незаметным. Но ее отец не хотел этого. Он направлялся к дому с самой сильной яростью, которая мгновенно испарилась, когда он увидел ее и горничную, ожидающих, пока несколько чемоданов и пакетов будут загружены на крышу туристического автомобиля. При виде этого он снова сошел с ума. Он дико бросился к ним и закричал, не обращая внимания на слуг, – отведи эту машину обратно в гараж, Лери! Валентайн, иди в дом – доложи миссис Ричмонд. А ты, – он безумно уставился на дочь, – если уйдешь отсюда, пойдешь пешком! И ты никогда не вернешься!

Беатрис взяла у горничной сумочку.

– Прощай, Валентайн, – сказала она.

В ее поведении было удивительное, спокойное достоинство, деликатная правильность позиции, ни вперед, ни назад, очевидная чувствительность к ситуации, но при этом никакого желания усугубить ее демонстрацией превосходства или вызовом. Это была ситуация, жестоко испытывающая характер. Беатрис ответила на испытание таким образом, что это предвещало ей хорошую возможность позаботиться о себе в любых обстоятельствах. Она мило, но сдержанно улыбнулась взволнованным слугам и пошла по дороге.

Валентайн поколебалась, затем двинулась вслед за ней.

– Вернись! – Крикнул Ричмонд. – Ты работаешь на меня, а не на мою дочь.

Беатрис, догадавшись, что происходит, остановилась и обернулась.

– Делай, как говорит мой отец, – сказала она. – Я не смогу тебя содержать.

– Я тоже принадлежу себе, мадемуазель, – ответила девушка со спокойным достоинством, равным достоинству ее госпожи. – Я не могу здесь оставаться. Я пойду с вами, если позволите. Но ... я не останусь здесь.

Ричмонд, поняв, что ярость импотента снова поставила его в безвыходное

положение, исчез в доме. Прежде чем Беатрис и Валентайн добрались до сторожки, их обогнал автомобиль. Шофер Лери подогнал машину вплотную к пешеходной дорожке, спрыгнул с сиденья и открыл дверцу.

– Тебя послал мой отец? – Спросила она.

– Да, мадемуазель.

Когда обе женщины сели, Беатрис настояла, чтобы Валентайн села рядом с ней. Беатрис сказала, – я не верю Лери.

Валентайн странно улыбнулась.

– Но, – продолжала Беатрис, – отец никогда не будет наводить справки.

– Лери понимает, – сказала Валентайн.

– Понимает что?

– Что вы победите. Ваш отец обожает вас.

– Ты не знаешь, – сказала Беатрис, решительно отрицательно качая головой. – И я не могу тебе сказать.

Потерянная судьба Уэйда

Беатрис выбрала Валентайн в качестве своей горничной после того, как препробовала более двух десятков разных девушек. Она выбрала ее, потому что Валентайн была леди, а она не могла выносить подобострастия или грубых манер в близких отношениях, которые должны существовать между хозяйкой и служанкой. Называя Валентайн леди, Беатрис не имела в виду, что она была “утонченной” леди, или прекрасной леди, или модной леди, или любой другой квалифицированной леди, но что она была просто леди – хорошо воспитанной, с тонкими инстинктами, умной, простой и искренней. Валентайн вела себя так, как, по мнению Беатрис, вела бы себя и она сама, если бы ей пришлось зарабатывать себе на жизнь, и казалось, что быть горничной леди – самый удобный способ сделать это.

В "Уолкотте" Беатрис зарегистрировалась под именем своей горничной – мисс Валентайн Клермон. Когда они вдвоем оказались в маленьком комфортном люксе, который Беатрис взяла для того, чтобы начать практиковать экономию, она сказала:

– По крайней мере, пока ты будешь моей спутницей. Я не могу жить здесь одна или только с горничной. Итак, гостиная должна быть превращена для тебя в спальню.

– Очень хорошо, мадемуазель, – быстро согласилась умная Валентайн, доказывая правильность суждений Беатрис о ней.

– Мисс Ричмонд, – поправила Беатрис с улыбкой.

– Простите, конечно, – сказала Валентайн.

– Нам здесь довольно тесно, – продолжала Беатрис. – Но я думаю, что скоро буду смотреть на это как на роскошь.

Мисс Клермон улыбнулась.

– Почему вы улыбаетесь, мисс Клермон?

– Вы не знаете своего отца, мисс Ричмонд.

– Уверяю вас, мы наконец расстались, – сказала Беатрис. – Если у вас есть хоть малейшая мысль, что, следуя за моей судьбой, вы идете с человеком в том положении, в котором я был еще два часа назад, выбросьте это из головы. Я смогу выплатить вам жалованье, прошу прощения, жалованье сейчас до конца следующего месяца, возможно, еще за один месяц после этого. Потом у меня будет, ну, у меня будет очень маленький доход, он будет сокращаться. Тем не менее, я позабочусь, чтобы ты скоро получила место.

Мисс Клермон улыбнулась.

– Почему вы улыбаетесь, мисс Клермон? Потому что вы мне не верите?

– Вовсе нет, мисс Ричмонд, – запротестовала Валентайн. – Если вы правы в своем положении, то я останусь с вами, пока вы не устроитесь, и, возможно, смогу вам помочь. Если вы ошибаетесь, тогда я останусь вашей служанкой, пока вы не выйдете замуж. После этого мы с месье Лери обручимся. Когда мы поженимся, мы вместе займемся бизнесом.

Беатрис перестала приводить в порядок волосы, повернулась и, полусидя на низком бюро, посмотрела на своего спутника с выражением человека, которому только что пришла в голову новая и захватывающая идея.

– Почему бы нам не заняться бизнесом, тебе и мне? – спросила она. – Я должна что-то сделать, – продолжала она. —Я просто не могу довольствоваться

ся тем, что у меня будет через несколько дней. Я люблю роскошь, приятную обстановку, хорошую еду, красивую одежду. Почему не пошив одежды?

– Мы должны разбогатеть на этом, – заявила мисс Клермон.

А потом выяснилось, что они с Лири планировали заняться пошивом одежды. Мисс Ричмонд была именно тем, что им нужно, чтобы добиться быстрого и ошеломляющего успеха. У них было десять тысяч долларов. Если бы мисс Ричмонд могла вложить столько же и была бы публичным партнером, привлекающим модную торговлю, придавая заведению эклектичность, надевая красивые платья в модных ресторанах или для поездок по авеню, и так далее, и так далее.

– Я могу вложить по меньшей мере десять тысяч, – сказала Беатрис. – И у меня есть идеи насчет одежды.

– Действительно, да, – горячо согласился Валентин. – У вас есть свой собственный стиль.

– Да, я думаю, что мы с вами потрясающе подняли меня за последние два года, – сказала Беатрис.

Дело с пошивом одежды было так же интересно после ужина, как и до него, за которым мисс Ричмонд сидела напротив своей компаньонки. Мисс Клермон в качестве компаньонки была триумфом. Никто, кроме француженки, не смог бы так легко перейти от рабыни к равному.

– Но тогда я знала, что она может, – подумала Беатрис, – в тот момент, когда я посмотрела на ее руки, когда она пришла, чтобы попытаться занять это место. Руки говорят больше, чем лица, а у нее руки леди.

На следующий день в полдень, когда Беатрис и Валентайн гуляли, позвонил Питер, предупредив, что приедет в половине пятого. В этот час Беатрис приняла его в гостиной отеля. Он смотрел на нее с восхищенным удивлением. Он ожидал найти всевозможные признаки ее изменившегося положения: не удивился бы, если бы она уже начала выглядеть неряшливо и опустила взгляд. Ее сияние духа, тела и туалета показалось ему чуть ли не чудом.

– Ты, конечно, классная, – сказал он. – Что-то ты не выглядишь расстроенной.

– Никогда в жизни я не чувствовала себя так хорошо, – заявила Беатрис. – Я чувствую себя такой—такой—свободной!

Питер предостерегающе покачал головой.

– Подожди, пока не получишь полную дозу. Подожди, пока ты действительно не узнаешь, с чем ты столкнулась.

– В чем дело?

– О, ты не в своем мире. Очень хорошо прыгнуть в воду и поплавать несколько минут – просто для удовольствия. Но как насчет того, чтобы стать рыбой и жить в воде, а?

– Я и не думала, что ты так хорошо справишься, Питер, – сказала Беатрис. – Это и мудро, и остроумно. Почему ты не начал этот разговор раньше?

– О, я говорил! – Запротестовал молодой человек. – Я не такой болван, каким ты меня считала.

– Все лучше и лучше, – воскликнула Беатрис. – Первое, что ты узнаешь, это то, что я попытаюсь украсть тебя у Элли.

Питер сознательно покраснел. Он сказал с глупой попыткой небрежно, – о, я видел ее за обедом. Она хочет навестить тебя, но не осмеливается.

– Она могла бы позвонить, – сказала Беатрис, и ее тон даже больше, чем взгляд, показывал, как больно было отступничество Элли, как это раздражало.

Питер выглядел подавленным.

– Да, я полагаю, что она могла бы, – признал он. – Но не будь к ней слишком строга, Беатрис. Ты же знаешь, как мы все боимся твоего отца.

– Ты здесь, – наставительно сказала Беатрис.

– Да, – Питер покраснел. – Черт возьми, я не могу притворяться с тобой. Дело в том ... ну ... хотя я надеюсь, что все равно пришел бы, все же, боюсь, я не был бы так откровенен, если бы не согласие твоего отца.

– Он велел тебе прийти!

– Он не сдался, – сказал Питер с видом торговца, расстегивающего свой рюкзак. – Спросил, не знаю ли я, где вы остановились. Я сказал "да", что ты мне сказала. Он спросил, где. Я не мог придумать ни одного шага в сторону, поэтому я сказал правду. Какой в этом вред?

– Ни малейшего. Я ни от кого не прячусь.

– Затем он сказал, как раз в тот момент, когда я покидал его сегодня утром на пароме: "Если ты хочешь навестить мою дочь и попытаться привести ее в чувство, я не возражаю".

– И я тоже не возражаю, – сказала девушка, – если только ты не попытаешься привести меня в чувство. Эта тема-табу. Ты понимаешь?

Питер кивнул.

– Вчера я понял, что ты серьезно. Я ухаживаю за Элли. Мы с тобой такие старые друзья, что я чувствую, что могу все обсудить с тобой. Видишь ли, дело вот в чем. Я хочу жениться и устроиться. Мы все женимся и устраиваемся молодыми в нашей семье. Я не могу получить то, что хочу, но я могу получить что-то очень хорошее. Элли – козырь. Такая удобная партия.

– Ты не мог бы сделать выбор лучше, – сказала Беатрис с большей теплотой, чем чувствовала. Потому что теперь она открыла глаза на Элли, слишком недавно, чтобы терпимо относиться к слабостям того же вида, что и у Беатрис, хотя и другого рода.

– На самом деле я в нее не влюблен, – продолжал Питер. – Но...

– Но это не имеет значения, – сказала Беатрис. – Ты из тех, кто считает, что все, что им принадлежит, – самое великое на свете. Скоро ты будешь без ума от нее.

– И она всегда будет хорошо выглядеть. Она – образ своей матери, и способ проверить качество жизни девочки – это посмотреть, как ее мать держится. Да, Элли хороша на протяжении всего пробега – вплоть до последней четверти.

Беатрис и Питер вошли в ресторан и в тихом уголке сели за чашку чая.

– Хэнки, – сказала она, – я обращаюсь к тебе как к другу. Я собираюсь попросить тебя заняться для меня некоторыми делами, о которых ты должен пообещать мне никогда не говорить.

Хэнки показал, что он был так же польщен, как и любой другой молодой человек, знаками близости и доверия со стороны красивой и превосходящей молодой женщины.

– Ты можешь рассчитывать на меня во всем, на что я имею право, – сказал он. – Но, сделаю я это или нет, я буду держать рот на замке.

Беатрис разлила чай в задумчивом молчании. Только после того, как она

попробовала свою чашку, она осмелилась начать выражать мысли, которые собирала.

– Роджер Уэйд вложил около сорока тысяч долларов в облигации Ваучонской железной дороги.

Питер откинулся назад и тихо присвистнул. Он покачал головой и повторил свист.

– Я вижу, ты понимаешь.

– Начинаю, – сказал Питер.

Глядя в свою чашку и говоря несколько нервно и торопливо девушка продолжила:

– Я хочу, чтобы ты через своего брокера или банкира, или как тебе угодно, я хочу, чтобы ты купил эти облигации по их рыночной цене до того, как дорога попадет в руки получателя. Я думаю, на это потребуется около пятидесяти тысяч долларов. Но купи их, если это будет стоить сто тысяч. Я не могу дать выше этого.

Она нерешительно подняла глаза. Питер сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на нее с выражением, которое заставляет любого человека гордиться тем, что он вызвал у другого человека.

На щеках девушки появился легкий румянец, а в глазах выражение благодарности за комплимент и удовольствия от него. Она продолжала:

– Ты понимаешь, никто не должен знать, не должно быть ни тени подозрения. Особенно Роджер Уэйд. Никто – никто.

Питер начал закуривать сигарету, которую тщательно выбрал из дюжины в огромном золотом портсигаре, который носил во внутреннем кармане пальто.

– Твой агент, – продолжала девушка, словно излагая ему тщательно продуманный план, – может сказать, что он представляет некоторых людей, которые готовятся сражаться за контроль над дорогой.

– Я не знал, что ты разбираешься в бизнесе, – хрипло сказал Питер, просто чтобы что-то сказать.

– Немного, – ответила Беатрис, которая, по сути, была родной дочерью своего отца, хотя, конечно, она была не настолько глупа, чтобы не использовать в полной мере любимое женское притворство безнадежной неспособности, когда дело касалось таких вопросов, как бизнес.

– Ты сделаешь это?

– Сколько у тебя останется? – Спросил Питер.

– Много, – заверила его Беатрис. – Много.

– Мне лучше знать.

Она сделала нетерпеливый жест.

– У меня будет более чем достаточно, чтобы осуществить свои планы.

– Нет никакой причины на земле, почему ты должна это делать, – запротестовал он. Ты...

– Брось это, Питер, – сказала она с оттенком прежней властности-нетерпимости ее отца к возражениям низших умов. – Я знаю, что делаю. Роджера Уэйда лишают всего, что у него есть, не по его вине – по моей глупости. Я втянула его в передрагу. В передрагу, с которой он не хотел иметь ничего общего. Это зависит от меня, чтобы вытащить его.

– Он не имел права дурачиться с тобой!

– Он этого не делал, Питер, – сказала девушка с убедительной искренностью. – Он ... Я вижу, что должна тебе сказать. Я сделала ему предложение, и он мне отказал.

– Ты сделала ... это!

Беатрис покраснела и рассмеялась.

– О, я выставила себя полной идиоткой. Я думала, он держался в стороне, потому что был в восторге, потому что отец был богат и все такое.

Питер прищурил веки и скривил рот в попытке выглядеть проницательным.

– Он работает над какой-то хитрой уловкой. Помяни мое слово, какая-то хитрая уловка. – И он мудро покачал головой.

– Хотела бы я, чтобы это было так! – Вздохнула Беатрис. – Потому что я ему нравилась, я думала, что ему ... не все равно. Видишь ли, Питер, я рассказываю тебе все. Сделаешь ли ты то, о чем я прошу?

Питер поудобнее устроился в кресле.

– Я хотел бы ... я хочу ... но ... – При появлении разочарования и презрения на ее лице он выпрямился и покраснел. – Да, клянусь богом, я сделаю это!

– Почему ты колебался?

– Я этого не делал.

Беатрис с сомнением посмотрела на него и вдруг поняла.

– Ты боишься, что отец узнает, что ты это сделал? Я об этом не подумала. Нет, ты не должен, Хэнки. Я найду кого-нибудь другого.

– Ты должна позволить мне это сделать, – настаивал он. – Любой, кто не знал всех обстоятельств, все испортил бы. Я хочу это сделать. И это не такой уж большой риск.

В результате она уступила. Ближе к полудню следующего дня он позвонил и сообщил, что облигации у него, он заплатил за них ровно сорок одну тысячу долларов.

– Они у меня дома. Я могу принести их тебе сегодня днем, если хочешь.

– Давай, – сказала Беатрис.

А в четыре он пришел со свертком. Ее глаза заблестели при виде этого. – У меня тоже есть посылка, – сказала она.

– Так я вижу. Что это?

– Твоя сорок одна тысяча в правительственных облигациях.

– Но правительственные стоят больше.

Девушка рассмеялась.

– Ни цента. Я не сказала сорок одна тысяча номиналов. У меня был точный расчет, сделанный в банке.

– Какой же я осел, что забыл, что ты дочь Дэниела Ричмонда.

– Отдай мне мои железнодорожные облигации.

Обмен был произведен, он сделал вид, что не осмеливается отпустить свой пакет, пока она не даст ему поддержать свой. Официанты, бездельничавшие в ресторане в этот час, ухмыльнулись при виде такой веселости в двух таких превосходно выглядящих молодых людях. И это действительно выглядело как любовная интрижка – помолвка. Неудивительно также, что Питер, преисполненный чувства, что оказал ей большую услугу и не без риска для себя, снова стал надеяться, что эта девушка – “такая потрясающая – и к тому же такая умная – может думать о нем более благосклонно.

– Теперь, когда все улажено, Беатрис, – сказал он, – и когда ты перестала думать о Уэйде, почему бы не дать мне шанс?

Она рассмеялась.

– Элли помолвлена! – Насмехалась она.

– Я уже говорил тебе об этом.

– Но, – перебила она, – я никогда не говорила тебе, что я ... исцелилась ... от Роджера Уэйда.

– Но это так. И он вне твоей совести.

В глазах Беатрис было выражение, которое вызвало у него острую боль и трепет.

– Питер ... я люблю его, – сказала она с тихой интенсивностью Дэна Ричмонда. – И я думаю, теперь ты знаешь, что это значит для меня.

Он побледнел и уставился в свою чашку.

– Господи, лучше бы я этого не делал, – пробормотал он.

– Ну, Питер, ты не это имеешь в виду, и ты это знаешь. Единственная причина, по которой ты продолжаешь преследовать меня, заключается в том, что ты всегда привык поступать по-своему и ненавидишь быть сбитым с толку.

– Вот и вся причина, по которой ты держишься за Уэйда, – возразил он.

Она рассмеялась.

– Я признаю, что это как-то связано с этим. Но не все, Хэнки. А другая часть – это важная часть.

– Ты должна знать, что он охотится за твоими деньгами, – сказал он, мрачно глядя вниз.

– А ты? – Возразила она.

– О, я, – сказал он с высокомерием Вандеркифа. – Мне кажется, я вне подозрений.

– Отец говорит, что люди, которые проделывают самые странные трюки, находятся вне подозрений и пользуются этим. Боже, но ты же рыжий, Хэнки. И пока мы подозреваем – ты получил эти облигации для меня только потому, что ты...

– Не говори так, Беатрис! – Воскликнул он. – Честно говоря, я не знал. Я не пытался сохранить деньги.

– Я верю тебе, – сказала она. – Пожалуйста, не делай ничего, что заставит меня усомниться.

– Не буду. Я бросаю эту тему. Я больше не буду тебя раздражать.

– Мы будем друзьями?

– Мне бы не хотелось потерять твою дружбу, – сказал он со своей медленной, тяжелой серьезностью. – Это то, что у меня есть, что больше всего стоит.

Питер навещает Роджера

Беатрис старательно избегала узнавать что-либо о железной дороге Уошонг, прежде чем вложить почти половину своего состояния в ее облигации. Она хотела избавить себя от искушения колебаться; и она слишком любила деньги как средство, слишком живо осознавала их ценность, слишком хорошо разбиралась в вопросах глупых вложений, чтобы доверять своей недавно развившейся добродетели. Но теперь, когда дело было сделано, она тщательно расследовала дела железной дороги. Это был убыточный пассажирский бизнес; он заработал свои деньги – очень приличный заработок – благодаря тому, что его северный терминал находился в группе богатых угольных шахт. Ее отец разрушил дорогу, так жонглируя транспортными соглашениями с угольными компаниями, что весь оплачиваемый грузовой бизнес Уошонг был одним махом перенесен на другую дорогу. Облигации были почти бесполезны. На самом деле она потратила сорок одну тысячу долларов на несколько унций макулатуры.

Порывшись в своем сердце, она с радостью обнаружила, что не испытывает ни малейшего сожаления о своем поступке. Она с удовлетворением отметила, что, напротив, относится к своим инвестициям с удовлетворением и гордостью. Но эти эмоции не вступали в противоречие с сильным желанием вернуть потерянные сорок одну тысячу, если это возможно. Она взволнованно и разумно обдумала этот вопрос. Единственный план, который пришел ей в голову и казался практически осуществимым, состоял в том, чтобы позволить просочиться на Уолл-стрит информации, что большой блок облигаций был взят дочерью Дэниела Ричмонда по более чем номинальной цене после того, как доходы дороги были уничтожены. Эта новость, вероятно, подняла бы цены на облигации и акции, если бы была ловко разослана. Но Беатрис решила отказаться от этого плана; она не могла забыть о потерях для невинных, которые это повлечет за собой. Возможно, было время, и не так уж давно, когда такой взгляд на дело не пришел бы ей в голову. Но с тех пор она много пережила, страдала, училась. Со вздохом она убрала пачку облигаций в свою банковскую ячейку и записала их стоимость в отчет о прибылях и убытках. Ее общий доход сократился до двух с половиной тысяч долларов в год.

– И мне нужно по крайней мере столько тысяч, – подумала она. – Давайте посмотрим, что есть в этой схеме пошива одежды.

И она продолжила вращать проект Валентайн с намеренным, пессимистичным, проницательным вниманием, которое вызвало бы восхищение ее отца и усилило бы его изумление, как человек, столь сильный умом, может обладать таким слабым сердцем. Она расспрашивала и переспрашивала Валентайн, в которой, при всем ее уме, было слишком много оптимизма. Беатрис узнала от своего отца, что надежда, бесценный союзник, когда идет борьба, но становится врагом, худшим из врагов, предателем и разрушителем, если ее допускают к советам, когда идет борьба. Поэтому она приняла наихудший взгляд из возможных на каждую фазу предлагаемого предприятия и настояла на том, чтобы все расчеты основывались на теории, что они потеряют деньги с самого начала, потеряют много, должны подготовиться к тому, чтобы продержаться как можно дольше не только против плохого бизнеса, но и против невезения.

Тем временем Питер вел напряженную борьбу с великодушным порывом, который казался ему таким же неуместным в его сознании, как орленок в выводке курицы. Но импульс не исчез; он упрямо задерживался, завораживая его. Как идея сделать что-то нетрадиционное иногда овладевает и одерживает чопорную обычную женщину. Наконец, это изрядно втянуло его в своего рода повес щедрости, ибо добро имеет свой быстрый путь не меньше, чем зло. Оно застало его одного в его самом быстром автомобиле и, несмотря на страх быть замеченным Ричмондом или кем-то, кто расскажет Ричмонду, повезло его по пыльным шоссе Северного Нью-Джерси, пока он не приехал в Дир-Спринг к очаровательному старому фермерскому дому на самой дальней окраине.

Он поднялся по цветущей дорожке к старомодному крыльцу, такому прохладному, такому тихому, такому спокойному, за его пахучими занавесами цветущих лиан. Небольшое упражнение с большой медной головой дракона, которая служила дверным молотком большую часть столетия, и из-за угла дома вышла приятной наружности пожилая женщина, вытирая руки о кухонный фартук. Питер спросил:

– Мистер Уэйд дома?

– Сейчас нет, – ответила она, запрокинув голову, чтобы рассмотреть его сквозь очки на кончике длинного тонкого носа. – Я думаю, что, скорее всего, он в студии.

– Где это?

– Идите по тропинке за домом, через лес и лощину, затем вверх по круглому холму. Вам придется идти пешком. Это очень долгая дорога – около полутора миль.

– Есть ли какое-нибудь место, где я мог бы ... —Питер остановился и покраснел; он вовремя спохватился, чтобы слово “спрятаться” не вырвалось, – где я мог бы поставить свою машину?

– За домом есть сарай.

– Спасибо, – и он отпрыгнул, чтобы убрать машину с глаз долой.

Когда это было сделано, ему стало немного легче, и он отправился в студию. Он довольно хорошо ладил с самим собой, пока не оказался лицом к лицу с большим художником. Уэйд смотрел на него непроницаемым взглядом. Питер смотрел на Уэйда с выражением, которое у женщины предвещало бы надвигающийся приступ истерии.

– Вы не помните меня, мистер Уэйд? – Спросил он.

– Я прекрасно вас помню, – ответил Роджер.

– Я ... я зашел по делу ... то есть не совсем ... ну ... по делу.

– Вы войдете? – Спросил Роджер, отступая в сторону.

– Спасибо, с удовольствием, – с готовностью ответил Питер.

Внутри его взгляд остановился на покрытом холсте на мольберте посреди большой комнаты. – Это, случайно, не портрет мистера Ричмонда? – Спросил он.

– Портрет мистера Ричмонда? – Сказал Роджер. – Я ничего не знаю ни о каком портрете мистера Ричмонда.

– Для мистера Ричмонда.

– Ни то, ни другое.

– Прошу прощения, – пробормотал Питер. – Я надеялся, что вы позволите мне взглянуть на картину. Вы знаете, я был помолвлен с мисс Ричмонд.

Роджер продолжал в своей выжидательной позе. Питер почувствовал, что съезживается перед этим большим, темным спокойствием. Он беспокойно переминался с ноги на ногу, несколько раз открывал и закрывал рот, наконец выпалил, – я говорю, каким ослом вы, должно быть, меня считаете, – и он бросил на Роджера честный, жалкий взгляд, полный мольбы – простодушной мольбы о пощаде.

На большом темном штиле появилась улыбка – очень человеческая улыбка. Это заставило молодого Питера мгновенно почувствовать, что он разговаривает с таким же молодым человеком, как и он сам.

– Я хотел взглянуть на картину, – сказал он. – Вы знаете, что я имею в виду ее фотографию.

Взгляд Роджера слегка дрогнул, но успокоился.

– Мне очень жаль, но она еще не закончена, – сказал он.

– О—понятно. И, естественно, вы не хотите, чтобы кто-нибудь смотрел на это. Что ж, я приду в другой раз, если можно.

Роджер поклонился.

Питер был в отчаянии. Он яростно затянулся сигаретой и наконец выпалил:

– Вы знали, что мисс Ричмонд и ее отец поссорились?

– В самом деле? – Вежливо сказал Роджер, и, насколько Питер мог судить, новости интересовали его лишь в большей степени, чем отсутствие интереса вообще.

– Да, они поссорились, и она ушла из дома, живет одна в отеле в Нью—Йорке, говорит, что никогда не вернется.

Питер не был уверен, но ему показалось, что он увидел какую-то вспышку на лице художника, похожую на огромную, быстро плавающую рыбу у поверхности непрозрачной воды. Он почувствовал, что ему хочется продолжения.

– Думаю, я должен вам сказать. Мы с мисс Ричмонд были помолвлены. Помолвка была разорвана. Ее отец в ярости. Она влюблена в другого мужчину. Питер взглянул в непроницаемые глаза Роджера, покраснел и снова опустил глаза.

– Она пожертвовала всем ради этого другого мужчины. Это действительно потрясающе, то, как она это сделала—и многое другое, чего я не могу вам сказать. И я верю, что она останется, не вернется, хотя у нее почти ничего нет. Вы знаете ее, знаете, какая она замечательная девушка.

– Да, конечно, – сердечно сказал Роджер.

– Она в “Уолкотте”, если вы захотите позвонить. Я думаю, она довольно одинока, так как все ее старые приятели избегают ее. Видите ли, ее отец – смертельно опасный тип, способный прикончить любого, кто встанет на ее сторону.

Роджер, устремивший взгляд на далекую, невидимую страну, был бледен и мрачен.

– Надеюсь, вы зайдете к ней, Уэйд, – сказал Питер. – Она была бы вам очень признательна.

Глаза Уэйда медленно поворачивались вместе с возвращающимися мыслями, пока не остановились на глазах молодого Вандеркифа. Внезапно лицо Роджера озарила его великолепная улыбка. Он схватил Питера за руку.

– Рад познакомиться с вами, – сказал он. —И прошу прощения за то, что я думал о вас.

– О, все в порядке, – воскликнул Питер. – Знаете, я не собака на сене. И я говорю вам, что у нее впереди трудный путь, прямо таки тяжелый. Конечно, она не дура. Тем не менее, ни одна женщина ее возраста и ее воспитания не смогла бы понять, с чем она столкнулась, бросив свой класс, убрав своего отца и пытаясь нащупать что-то хуже, чем ничего. Когда у тебя есть вкусы, немного денег – это только хуже. Особенно для такой женщины, как она. Не хотите ли попробовать одну из моих сигарет?

– С удовольствием, – сказал Роджер, беря одну.

– Что ж, я должен двигаться дальше, – продолжал Питер. – Вы не возражаете, что я вмешиваюсь?

– Ни в малейшей степени. Это был прекрасный дружеский, приличный поступок... Хотите посмотреть картину?

И, не дав Питеру времени ответить или самому покаяться в своем порыве, он отбросил в сторону занавеску над мольбертом, стоявшим посреди комнаты. Они с Питером молча смотрели друг на друга. Это было великолепное видение весеннего утра. Над озером и водопадом, над деревом, кустом и камнем сверкало сияние дня рождения лета. Это сияние, казалось, исходило от фигуры молодой девушки в каноэ, ее весло было готово к гребку, поза изысканной грации, фигура, живая в каждой линии плоти и драпировки; лицо, излучающее мягкий блеск ярких надежд, мечтаний и радостей, которые суммируются в захватывающем слове "юность". Роджер был прав, считая это своей лучшей работой, лучшим выражением той глубокой радости жизни, которую он когда-либо стремился изобразить на холсте.

Питер испустил долгий вздох, украдкой.

– Да, – пробормотал он, – она может так выглядеть. Он видел, как она выглядела именно так однажды, когда она сказала ему, что любит художника и никогда не изменится. Странно, как кто-то мог так любить, что она получала счастье, отдавая любовь, даже если не получала любовь в ответ. Странно, и все же это было так. Роджер внезапным жестом накрыл полотно. Питер стоял неподвижно, уставившись на то место, где только что была картина, она все еще была там для него. Он восторженно, посмотрел на художника с откровенным восхищением и уважением.

– Это того стоит! – Сказал он. – Неудивительно, что она...

Хмурый взгляд Роджера остановил его. Но только на мгновение; затем он продолжил, благоговейно вполголоса:

– Она больше ... человек, чем кто—либо, кого я когда-либо видел. Если бы она мне позволила, я бы с ума по ней сходил. Как бы то ни было, хотя я знаю, что никогда не смогу заполучить ее, я не остановлюсь, пока не увижу, что она вне досягаемости – замужем за кем-то другим. Я стал лучше, потому что знал ее, потому что любил ее.

Роджер стоял, скрестив руки на широкой груди—мощные руки, обнаженные по локоть. Казалось, он погрузился в задумчивость.

– Спасибо, что показали мне это, – сказал Питер благодарно и смиренно. – Я бы хотел владеть ей, если бы это было не так ... Ну, я бы никогда не смог обрести душевное спокойствие, если бы картина была у меня. Я бы пялился на нее, пока не сошел бы с ума.

Роджер густо покраснел, виновато.

Питер взял себя в руки, встряхнув своим большим телом.

– А теперь я ухожу. Вы ничего не скажете о том, что я заходил – ни ей, ни кому-либо еще?

– Я никого не вижу, – сказал Роджер сдавленным голосом.

– Но вы наверняка ... – начал Питер, но остановился на пороге дерзости. – Ну ... Я надеюсь, вы заглянете в “Уолкотт ” и подбодрите ее. До свидания. Еще раз спасибо.

Молодые люди пожали друг другу руки с дружеской близостью. Роджер проводил Питера до двери, где они снова пожали друг другу руки. Когда Питер поворачивался, он случайно взглянул на лес слева. Там, поспешно, чтобы не сказать неприлично быстро шел Дэниел Ричмонд!

– Ну, что ты об этом думаешь? – Воскликнул Питер. – Какого дьявола он здесь делает?

– Уверен, что не знаю, – равнодушно ответил Роджер.

– Без сомнения, он узнал меня, – продолжал Питер. – Он напугал меня до паники, до страха, что он наполовину погубит меня, просто из-за общего безумия подлости. Если он спросит вас, что я здесь делал, скажите, что я пришел купить картину. Вы не представляете, сколько неприятностей он может мне доставить.

– Я, вероятно, не увижу его

– Сделайте ... ради нее, сделайте, – настаивал Питер. – Будьте с ним вежливы. Постарайтесь смягчить его. Вы должны это сделать это для нее – честное слово, вы должны.

– Это правда, – серьезно сказал Роджер.

Питер удалился. Роджер остался стоять в дверях. Вскоре Ричмонд появился снова, медленно поднимаясь по крутому склону к студии. Он прибыл, сильно запыхавшись, но сумел вложить безошибочную вежливость в свой отрывистый тон, когда выдохнул:

– Добрый день, мистер Уэйд.

– Как поживаете, мистер Ричмонд?

Это был вежливый ответ Роджера. Разговор с Питером привел его в такое состояние духа, что он готов был терпеть и воздерживаться, сделать все возможное, чтобы положить конец ссоре между отцом и дочерью.

– Я был бы вам очень признателен ... за несколько минут вашего времени, – сказал Ричмонд между вдохами.

Он выглядел старым, измученным и усталым. Неистовые страсти, особенно буйный нрав, которому он свободно предавался, сыграли свою роль. И эти разрушительные эмоции болезненно углубили морщины. Теперь появилась изможденность в глазнице и под челюстью, пожалуй, самое печальное из предвестий дряхлости и смерти, которые проявляются на человеческом лице с возрастом. Роджер жалел его, этого действительно превосходного человека, который отдал свою жизнь яростной вспышке засушливых золотых песков и пожинал нездоровье и несчастья в качестве своего урожая.

– Войдите, – сказал Роджер.

Когда они уселись в прохладной, просторной рабочей комнате и закурили – Ричмонд сигару, Роджер трубку – Ричмонд взглянул на закрытую картину и спросил:

– Готова?

– Да, – ответил Роджер тоном, не располагающим к дальнейшему разговору на эту тему.

– Я пришел поговорить с вами об этом, – настаивал отец Беатрис, явно не обескураженный.

– Я не хочу это обсуждать, – сказал Роджер.

– Это портрет моей дочери, написанный для...

– Это не портрет вашей дочери, – прервал его Роджер, – и он был написан для моего собственного развлечения.

– Моя жена дала вам поручение, чтобы сделать мне сюрприз.

Роджер замолчал.

– Итак, – продолжал Ричмонд, – картина принадлежит нам.

– Нет, – тихо ответил Роджер.

– У вас, конечно, странный способ вести дела, – сказал Ричмонд с решительным дружелюбием.

– Я не занимаюсь бизнесом, – ответил Роджер.

Ричмонд махнул рукой.

– О, называйте это как хотите. Художники рисуют картины за деньги.

– Не знаю, как другие, – сказал Роджер. – Но я рисую для собственного развлечения. И своих работ я продаю достаточно, чтобы жить.

– Очень хорошо, очень хорошо, – сказал Ричмонд тоном человека, который не верит ни единому слову, но вежливо хочет произвести впечатление. – С самого начала нашего знакомства я понял, что вы необычный человек. Я много думал о вас, – с лукавой улыбкой, – естественно.

Роджер слегка наклонил голову.

– Я должен извиниться перед вами за то, как я вел себя в тот день. И я это делаю. Я вышел из себя, плохая у меня привычка.

– Да, это дурная привычка, – сухо сказал Роджер. – Особенно плохая для человека в вашем положении, я бы сказал.

– Как в моем положении? – Удивленно спросил Ричмонд.

– О, такой независимый человек, как я, который ни от кого ничего не требует, может себе это позволить. Но вы, зависящие от других в успехе своих планов, – это совсем другое.

– Хм, – проворчал Ричмонд, немного довольный, но очень пораженный этим новым взглядом на него как на раба, а не хозяина. – Гм ... – Долгая пауза, и Ричмонд смутился еще больше, потому что молчание Роджера казалось естественным и легким, как у статуи или одинокого человека. – Я также ... я также хотел бы сказать, – продолжал Ричмонд, – что, обдумав этот вопрос, я чувствую, что поступил с вами несправедливо, поверив вам ... обвинив вас ... – Он не мог подобрать подходящих слов для своей идеи.

– Подозревая, что я охочусь за вашей дочерью и вашими деньгами? – Предположил Роджер с веселой ироничной усмешкой.

– Что-то в этом роде. Но, мистер Уэйд, вы человек светский. Вы не можете удивляться, что у меня возникла такая идея.

– Ни в малейшей степени, – согласился Роджер.

– В то же время я не виню вас за то, что вы злитесь.

Роджер улыбнулся.

– Но, дорогой сэр, я не рассердился. Мне было все равно, что вы думаете. Да-

же если бы вы преуспели в своем порочном маленьком плане лишить меня моего дохода, я все равно не мог бы сердиться. Человеку так легко зарабатывать себе на жизнь, если он не обременяет себя дорогими вкусами.

– Этот вопрос о железнодорожных облигациях, он будет немедленно урегулирован, мистер Уэйд. Мне жаль, что необходимость большой операции вынудила меня ...

В своем негодовании Роджер забыл об увещеваниях, которыми Питер успокаивал и смягчал его. Со своим самым резким акцентом он сказал:

– То, что вы сделали, было достаточно презренным. Зачем усугублять ситуацию ложью?

Ричмонд вскочил на ноги. Роджер величественно поднялся, на его лице была явная надежда, что его гость собирается уходить. Ричмонд снова сел.

– Я в вашей власти, – воскликнул он с нелепой смесью попытки вежливости и безумной ярости.

– В моей? – Со смехом переспросил Роджер. – О, нет. Ни один из нас не может причинить другому никакого вреда. Я бы не стал, если бы мог. Вы бы не смогли, даже если бы захотели. Вам не кажется, что мы уже сыты друг другом по горло?

– У меня к вам просьба, – угрюмо сказал Ричмонд.

Роджер, поколебавшись, сел. В глазах его посетителя было выражение страдания, которое тронуло его сердце.

– Мистер Уэйд, – снова начал Ричмонд после недолгого молчания, я человек очень сильных чувств, очень сильных. Обстоятельства сосредоточили их все на одном человеке, моей дочери Беатрис. Говорят, что каждый дурак, по крайней мере, в чем-то одном. Я дурак в отношении к ней.

Уэйд, непроницаемый, смотрел на занавес над своей картиной.

– Но, – продолжал Ричмонд, – если бы она вышла замуж против моей воли, как бы сильно я ее ни любил, как бы глупо я к ней ни относился, я бы безжалостно ее разорвал.

– Значит, вы ее не любите, – сказал Роджер. – Если бы вы любили, то настояли бы на том, чтобы она свободно выбрала мужчину, с которым будет жить, мужчину, который станет отцом ее детей.

– Здесь наши взгляды расходятся, – сухо сказал Ричмонд.

– Я не удивлен, что она оставила вас, – продолжал Роджер. – Вы заставили ее понять, что не любите ее. И из того, что я знаю о ней, я сомневаюсь, что вы когда-нибудь вернете ее, пока не измените свои представления о том, что значит любить.

Подозрение снова сверкнуло в злых глазах Ричмонда.

– Можете быть уверены, что я не изменюсь, мистер Уэйд, – сказал он с особым ударением, которое не мог не понять даже простодушный Роджер.

Роджер от души рассмеялся.

– Еще раз! – Воскликнул он. – Право, вы очень забавны.

– Как бы то ни было, – отрезал Ричмонд, – я хочу, чтобы вы знали, что я никогда не приму ее обратно – никогда! Пока не буду уверен, что она бросила вас. Вы можете поставить на это свою жизнь, сэр. Когда я кладу руку на плуг, я не оборачиваюсь.

Роджер наклонился к несчастному, отвлекшись на собственные мучения.

– Поверите ли вы мне, сэр, – серьезно сказал он, – когда я скажу, что глубоко

сожалею о том, что стал невинной причиной разрыва между вами и вашей дочерью. Возможно, это и к лучшему, что она сбежала от вас. Это может привести к тому, что она превратится в действительно прекрасного человека, какой ее задумал Бог. И все же я хочу сделать все, что в моих силах, чтобы залечить эту брешь.

– Это похоже на мужчину, мистер Уэйд! – Воскликнул Ричмонд с живостью.

– Я терпел вас сегодня днем, – продолжал Роджер, очевидно, не очень впечатленный этим свидетельством его добродетели, – потому что надеялся сделать что-то, чтобы положить конец ссоре между вами двумя.

– Ты можешь покончить с этим, – перебил Ричмонд. – Ты можешь покончить с этим немедленно.

– Скажите мне, как, и я это сделаю, – сказал Роджер.

– Она верит, что ты хочешь жениться на ней.

– Я уверен, что она никогда не говорила вам ничего подобного.

– Она думает, что ты боишься жениться на ней, если у нее не будет денег, чтобы жить той жизнью, к которой она привыкла.

– Невозможно, – сказал Роджер.

– Она говорит, что ты ей отказал. Но она все еще надеется.

Роджер покраснел и почувствовал себя неловко.

– Ваша дочь в некотором роде кокетка, – пробормотал он. – Но уверяю вас, вы ошибаетесь, думая, что она ... Я не могу обсуждать это.

Он нетерпеливо поднялся.

– Ваша дочь не хочет выходить за меня замуж. Я не хочу жениться на ней. Вот и вся история, сэр. Я должен попросить вас позволить мне продолжить мою работу.

– Если ты серьезно, – настаивал Ричмонд, – ты пойдешь к ней и скажешь ей об этом. Она в "Уолкотте", в Нью-Йорке. Ты скажешь ей, что не любишь ее и не женишься на ней, и она вернется домой.

Голос отца стал хриплым и дрожащим, а на лице появилось жалкое смирение и жалость – такое выражение, какое может быть только у свергнутого тирана.

– Если бы ты знал, как ее поведение заставляет меня страдать, мистер Уэйд, ты бы без колебаний оказал мне и ей эту услугу. – Последнее слово унижения прозвучало чуть громче шепота.

Роджер, казалось, спорил.

– Ты должен понять, что она не подходит тебе в жены. Она, воспитанная в моде и роскоши. И она никогда не получит от меня ни цента, ни цента!

Роджер не слушал.

– Не могу, – сказал он. – Извините, но я не могу.

– Ты хочешь жениться на ней! – Воскликнул Ричмонд в исступлении бессилия, пытаясь освободиться от пут. – Ты надеешься!

Роджер, слишком полный жалости, чтобы обижаться, дружелюбно посмотрел на старика.

– Мистер Ричмонд, – сказал он, – повторяю, я не хочу ни на ком жениться. Я решил, со всей силой того небольшого здравого смысла, который у меня, возможно, есть, никогда не жениться. Я не верю в брак для себя, для людей, которые делают то, что я пытаюсь сделать. С таким же успехом вы могли бы обвинить католического священника в намерении жениться.

– Фарс! – Фыркнул Ричмонд.

Роджер пожал плечами.

– Это интервью не входило в мои планы. Я хочу, чтобы это закончилось.

– Ты отказываешься сказать ей, что не женишься на ней?

– Я отказываюсь выставлять себя дерзким ослом. Если вы хотите, чтобы ваша дочь вернулась, сэр, идите и извинитесь за то, что оскорбили ее лучшие чувства, и попросите ее безоговорочно вернуться домой. Я не могу сказать ей, о чем вы просите, по очевидным причинам хорошего воспитания. Если бы у вас было чувство юмора, вы бы не просили об этом. Но я, не колеблясь, даю вам слово, что вам не нужно ни на мгновение беспокоиться о том, что мы с вашей дочерью поженимся.

– Клянешься честью?

– Клянусь честью.

Ричмонд смотрел на него глазами, которые, казалось, изучали каждый уголок его души.

– Я тебе верю, – сказал он, наконец. – И я доволен.

Он резко переменялся от подозрительности и насмешки и едва скрываемого оскорбления к своему самому обаятельному дружелюбию и добродушию. Удивительно, каким привлекательным стало его сморщенное и обычно почти злое лицо.

– По моему опыту, – продолжал он объяснять, – люди в основе своей совершенно одинаковы: в мотивах, в вещах, которые их привлекают. Время от времени бывает исключение. Так случилось, что ты один из них, мистер Уэйд. Я думаю, ты простишь меня за то, что я применил к тебе свой принцип. Там, где исключения редки, практичному человеку крайне неразумно рассматривать их как возможность.

Роджер довольно дружелюбно улыбнулся.

– Неважно, – сказал он. – Надеюсь, вы помиритесь со своей дочерью.

Лицо Ричмонда омрачилось, и в глубине его глаз снова появилось выражение муки.

– Если я этого не сделаю, это меня просто убьет, – сказал он.

– Идите к ней, как любящий отец, – мягко сказал Роджер.

И снова пришел импульс, слишком сильный, чтобы сопротивляться, и он уронил покрывало с картины. Но на этот раз он не смотрел на картину – на Беатрис Ричмонд, как на воплощение весеннего утра; он пристально смотрел на ее отца. И выражение этого печального, покрытого шрамами от страсти лица заставило его порадоваться, что он поддался импульсу.

– Я должен получить ее! – Сказал Ричмонд. – Назови свою цену.

– Она не продается.

– Я говорю тебе, что должен получить ее.

– Я сохраню это.

Роджер рассеянно смотрел на свое творение. Ричмонд, пораженный каким-то едва уловимым акцентом в его словах, быстро взглянул на него.

– Я возьму ее с собой обратно в Париж, – сказал Роджер, разговаривая вслух сам с собой.

– Когда ты уезжаешь? – Резко спросил Ричмонд.

– На следующей неделе.

– На лето?

– Навсегда, – сказал Роджер, закрывая картину.

– Желаю вам всяческих успехов, – от души воскликнул Ричмонд. – Вы честный, искренний человек.

Смысл насмешливой улыбки Роджера ускользнул от него.

Ричмонд пытается помириться

Вряд ли кто-нибудь мог бы относиться к вороне как к пище с меньшим уважением, чем Дэниел Ричмонд; и, хотя его карьера и многие ее взлеты и падения были долгими, ему редко приходилось есть ее. Но в тех редких случаях он ел, как мудрец, каким он и был, как будто это было деликатесом, как будто это было его любимое блюдо; как будто он боялся, что кто-нибудь отберет его порцию, если он задержится над ней. Превратности судьбы снова подсунули ему ворону. Он, не теряя времени, принялся за блюдо.

На следующее утро, в десять часов, когда Беатрис спустилась в гостиную "Уолкотта" в ответ на имя отца, которое он наспех нацарапал на одной из пустых карточек отеля, ее радостно приветствовали. Он не дал ей шанса быть высокомерной и отстраненной. Он встретил ее в дверях, обнял и нежно поцеловал.

– Я тебя целую вечность не видел, – воскликнул он, весело подмигивая. – Я поражен, что ты все еще молода.

Она была совершенно ошеломлена, но сумела скрыть это и принять его предложение относительно доминирующей ноты того, что, как она предполагала, будет трудным интервью.

– Как мама и мальчики? – Спросила она. – Много изменилось?

– Все хорошо. Твоя мать прекрасно держится.

Однако в его глазах не было шутки, только трогательная серьезность, когда они устремили на нее голодное, пожирающее выражение. И ее собственный взгляд на него убедительно свидетельствовал о наличии пелены слез. Ни один из них до сих пор не понимал, насколько они заботятся друг о друге, насколько сильна симпатия из-за сходства характеров. Он резко схватил ее и снова поцеловал, его пальцы дрожали, когда он провел ими по ее желтым волосам.

– Я очень рад тебя видеть, – сказал он. – Очень рад.

– А я тебя, – ответила она, взяв его руку и нежно сжав ее. А потом она поцеловала его и открыто вытерла слезы.

Эта вспышка натуры с ее стороны была серьезной тактической ошибкой, ибо, имея дело с людьми его сорта, стража никогда не может быть ослаблена; их привычка видеть и извлекать выгоду слишком сильна, чтобы когда-либо расслабляться. Несмотря на его волнение и восторг, он не перестал быть самим собой. В тот момент, когда он увидел, как она тронута, как она встречает его ухаживания, по крайней мере, на полпути, если не больше, он начал надеяться, что сможет избавиться себя от ненавистного блюда с вороной. Поэтому, хотя его салфетка была зажата под подбородком, а нож и вилка висели в воздухе, готовые к праздничной атаке, он не стал продолжать. Он намеревался, что его следующие слова будут широкими извинениями. Вместо этого он сказал:

– Я вижу, ты все обдумала, как и я.

– Да, – ответила она.

– Мы оба поторопились. Ты унаследовала мой характер, и это довольно тяжелая ноша. – Он нерешительно поглаживал ее руку. – Я хотел мальчика с моими мозгами, – продолжал он. – Но все вышло не так. Вместо этого их унаследовала ты. Возможно, это и к лучшему. Я бы порвал с таким парнем, как я.

Но женское начало в тебе спасает ситуацию. Мы можем простить друг друга без вмешательства гордости.... Я сожалею о том, что сделал, и не сомневаюсь, что ты сожалеешь. Давай забудем все это, вернемся домой и начнем все сначала.

– Ты это серьезно, отец? – Воскликнула она, и слезы снова навернулись ей на глаза. – О, ты действительно любишь меня! А я думала, что нет.

– Это дело состарило меня на десять лет, – сказал он, быстро соображая, так как эти слезы еще больше ободрили его. – Я сам это видел, когда брился сегодня утром.

Беатрис опустила голову. На мгновение она почувствовала себя виноватой. Она ... она состарила этого любящего, всегда снисходительного отца!

Это еще одно свидетельство женской мягкости и нежности ободрило его до такой степени, что он снова представил себя хозяином. Он сказал снисходительным тоном:

– Но ты не осознавала, что делаешь. Что ж, ты получила ценный урок, моя дорогая, и у тебя достаточно ума, чтобы извлечь из него пользу. Сколько времени тебе потребуется, чтобы подготовиться?

– О, немного. У меня есть кое-какие дела, но я могу сделать это в Ред-Хилле так же хорошо, как и здесь, я думаю.

– Иди наверх и собирай вещи, а я вернусь через час. – Он встал. – Какой груз это снимает с меня! – И его появление подтвердило его слова. – Но больше всего я рад, потому что это подтверждает твой здравый смысл. Я знал, что моя дочь увидит, что я делаю то, что лучше для нее, увидит это, как только ее разум восстановит контроль.

Беатрис встала; при этой последней фразе она снова села с ошеломленным выражением лица.

– Боюсь, я не совсем понимаю, отец, – нерешительно сказала она. – Боюсь, я неправильно тебя поняла.

Ричмонд понял, что зашел слишком далеко, возможно, не слишком далеко, но все же за пределы того, куда привело ее покаянное настроение.

– Давай не будем обсуждать неприятные вещи, – поспешно сказал он. – Собирай вещи и поехали домой. Как только мы туда доберемся, все остальное можно будет легко уладить.

Но Беатрис, тщетно пытаясь поймать его уклончивый взгляд, осталась на месте. – Нет, сначала мы должны понять друг друга, – решительно сказала она.

– Ну же, Беатрис, – запротестовал ее отец у двери в холл, – не порть свое и мое счастье!

– Послушай меня, отец. Я не изменила своего мнения о Питере, ни в малейшей степени.

– О, черт бы побрал Питера! – Добродушно воскликнул он.

– Ты все еще ждешь, что я выйду за него замуж?

Ричмонд видел, что уклониться от ответа невозможно. Он встретил это прямо.

– Я уверена, что ты захочешь выйти за него замуж. Но я не собираюсь принуждать тебя или пытаться это сделать.

– Я так же не передумала насчет Роджера.

– Ну—ну, – сказал Ричмонд все еще добродушно, хотя и не так легко. – Было бы глупо ссориться из-за него. Ты говоришь, что он отказался от тебя.

– Да, но я не отказалась от него.

– Не очень-то приятный способ для девушки говорить, не так ли, моя дорогая? – сказал Ричмонд, сдержанно смеясь.

– Почему бы и нет? – Сказала она.

– Это мужское дело – ухаживать и делать предложения. И если этот человек не хочет тебя, я уверен, что у тебя достаточно много скромности и гордости, чтобы...

– Не знаю, так это или нет, – перебила Беатрис. – Во мне много от тебя. Я не могу представить, чего бы я не сделала, чтобы заполучить его, если бы думала, что это поможет. И я не думала ни о чем другом, кроме как о разных схемах, чтобы привести его в чувство. Я такая же, как ты, когда видишь железную дорогу, которую хочешь.

– Но ты ничего не можешь сделать, Беатрис, – возразил ее отец.

– Нет, кажется, нет, – уныло согласилась она. – О, как меня бесит быть женщиной! Когда мужчина видит девушку, которую он признает самой лучшей для себя, без которой он не может и не будет обходиться, он идет за ней – прямо – и все аплодируют. Так должно быть и с девушкой.

– Боже упаси! – Воскликнул Ричмонд, смеясь.

– О, мужчины не будут беспокоиться так сильно, как ты, кажется, думаешь. Не многие из них имеют огромную ценность. Женщины относятся к большинству из них как...

– Как к картофельному пюре в Индиане, неважно, едят они его или нет?

– Именно так, – засмеялась она.

Он снова оказался у двери в холл. Он обернулся, чтобы бросить последний взгляд и улыбнуться.

– Я вернусь через час, и дома мы придумаем что-нибудь, чтобы отвлечь тебя от этого неблагодарного человека.

Беатрис выглядела разочарованной.

– Я думала, ты собираешься что-то сказать, чтобы привести его в чувство. Вот что мы должны сделать.

Это был тот роковой случай, который слишком многих подтолкнул к сдержанному характеру Ричмонда.

– Не раздражай меня, Беатрис, – резко сказал он—мольба, граничащая с упреком.

– Я вижу, ты совсем не изменился, – воскликнула она, и в ее глазах снова появились слезы, горячие слезы совсем другого рода, чем раньше.

– Я думал, ты хочешь домой, – воскликнул он, с трудом сдерживаясь.

– Да, если ты готов предоставить мне самое дорогое право, которое есть у женщины, – право самой выбирать себе мужа. – Она подошла к нему ближе, сжала руки и положила их ему на плечо. И в его глаза смотрела она, невинная, встревоженная. – О, отец, неужели ты не будешь благоразумен ...благоразумен! Я должна жить с ним, а не с тобой.

– Я сделаю почти все, чтобы угодить тебе, моя дорогая. Если бы он был из нашего класса...

– Но именно поэтому он мне и нужен, – воскликнула она. – Неужели ты думаешь, что такой человек может вырасти в моем классе?

– Вокруг полно талантливых художников, их много.

– Мне нет никакого дела до его картины, – нетерпеливо воскликнула она. – Я ничего об этом не знаю. Я говорю о нем как о человеке. Женщина не выходит замуж за талант, семью или состояние. Ей нужен мужчина. Конечно, если она не может заполучить мужчину, что ж, одна из других вещей лучше, чем ничего. Но я могу найти мужчину, отец, если ты мне поможешь!

– Питер почти такой же высокий и такой же красивый, и гораздо больше похож на мужчину твоего типа.

– Отец—отец ... как ты можешь! И у тебя тоже есть чувство юмора!

– Тебе повезло, моя дорогая, что у Уэйда хватило здравого смысла понять, что ему будет не по себе вне своего класса. Если бы он захотел, а я был бы глуп, и ты вышла бы за него замуж – какой несчастной ты была бы, когда бы пришло пробуждение!

Девушка печально отвернулась.

– Ты не веришь в любовь, – сказала она с горечью. – Ты не веришь ни во что, кроме денег.

– Я хочу видеть свою дочь счастливой, – сказал Ричмонд с меланхолическим, укоризненным достоинством, которое заставило ее устыдиться саму себя.

– Да, я знаю, отец, – сказала она. – Но, – с выражением нерешительности, которое легко можно было принять за слабость, – я вижу, что должна идти своим путем.

Ричмонд подумал, что это ничего не значит, поскольку Роджер Уэйд был категорически против брака. Поэтому он сказал с лицемерной покорностью:

– Очень хорошо, моя дорогая. Делай, что хочешь. Все, чего я хочу, – это что-

бы ты вернулась домой.

Беатрис медленно покачала головой.

– Я не могу пойти, – сказала она.

Отец изумленно уставился на нее; выражение ее лица делало ее слова настолько далекими от импульсивных или небрежных.

– Я вижу, ты совсем не изменился. Если я вернусь, снова разразится та же беда – только хуже. Кроме того, какие у меня будут шансы заполучить его? Ты бы тайно работал против меня, если бы не делал этого открыто. Нет, я тебе не доверяю. Я должна принять решение о том, чтобы измениться для себя.

– О чем, черт возьми, ты говоришь? – Он капитулировал. – Ты совсем сошла с ума?

– Нет. Я становлюсь нормальной, – тихо сказала она. – Не присядешь ли ты на минутку?

Ричмонд покорно сел. Страх, что привел его сюда, чтобы извиниться, охлаждал его горячий нрав.

– Я ушла из дома отчасти из-за Роджера Уэйда, – продолжала она объяснять, – но не совсем. Была и другая причина столь же веская, а может быть, и более веская. Ты открыл мне глаза на правду о себе, на то, в каком униженном положении я оказалась.

– Деградировала? – Удивленно переспросил он. Затем, как психиатр, убажывающий сумасшедшего пациента, – но продолжай, моя дорогая.

– Я все время воображала, что свободна. Я вдруг обнаружила, что я вовсе не свободна, что я должна делать то, что ты сказал, даже в вещах, которые значили всю мою жизнь; должна делать то, что ты приказал, или потерять все, что ты сделал необходимым для меня – всю роскошь, удовольствия и даже друзей. Я увидела, что сама по себе я ничего не представляю, совсем ничего, и я ходила с высоко поднятой головой, такая гордая и такая довольная собой! Я поняла, почему Роджер Уэйд не считал меня достойной внимания. Я поняла, почему ты мог относиться ко мне с презрением.

– И это все? – Спросил ее отец, когда она замолчала, задумавшись.

– Нет, еще немного. Так что ... я не собираюсь возвращаться домой с тобой ... только не сейчас. Я продолжу заниматься пошивом одежды.

– С помощью ... кого?

– О, я забыла, что не говорила тебе, – сказала она с улыбкой. – Мы с Валентайн и месье Лери, за которого она выходит замуж, открываем ателье по пошиву одежды.

Ричмонд выпрямился, и его редкие волосы и густые брови, казалось, существенно помогли ему стать воплощением ужаса и изумления.

– Не волнуйся, отец. Имя над дверью должно быть не Ричмонд или Беатрис, а Валентайн, хотя, конечно, я приму участие открыто. Я хочу, чтобы все знали, потому что я намерена заработать кучу денег. Ты понятия не имеешь о прибыли от модного пошива одежды. Восемьдесят—сто—сто пятьдесят процентов!

– Ты шутишь!

Она сделала вид, что не поняла.

– Нет, только это, – радостно воскликнула она.

– Беатрис! Я запрещаю это.

– Но я не прошу тебя вкладывать деньги, – засмеялась она. – На самом деле нам больше не нужен ни капитал, ни партнеры. Лично я хотела бы, чтобы Ле-

ри был сотрудником, а не партнером. Но Валентайн настояла бы, я уверена...

– Ты сведешь меня с ума! – Воскликнул ее отец, дико размахивая руками. – Эта глупость хуже, чем увлечение этим художником! – И он вскочил, прошелся по комнате, обессиленный и дрожащий опустился в кресло. – Ты меня убьешь! – Выдохнул он.

– А теперь будь благоразумен, отец, – настаивала она. – Почему бы мне не использовать свои таланты для бизнеса и для одежды и не разбогатеть? Не говори мне о том, что подумают люди. Мне все равно. Я выяснила, чего стоят люди. Даже моя подруга, Элли Киннер, не была рядом со мной.

– Я запрещаю это! Я запрещаю! – Закричал ее отец, потрясая кулаками в воздухе. И снова он впал в один из своих пароксизмов ярости.

– Но я совершеннолетняя.

– Я запроу тебя как сумасшедшую! Я назначу комиссию, которая возьмет на себя заботу о твоей собственности!

– Когда я покажу им свои планы относительно магазина, я думаю, они оставят меня в покое. Мы заработаем кучу денег. В Нью-Йорке еще не было такого магазина, каким управляла бы я. Проблема с портняжным бизнесом в том, что ни одна женщина, которая действительно знает...

Он схватил ее за руку и пристально посмотрел ей в лицо.

– Это дьявольский план, чтобы заставить меня смириться! Этот художник подговорил тебя на это?

– Какой абсурд! Я его не видела. Сомневаюсь, что он знает, что я уехала из дома. Отец, поскольку я, кажется, не могу его заполучить, мне просто нужно что-то делать, что-то, что заставит меня быть настолько занятой, что у меня не будет времени подумать. Потому что я не жертва, как ты себе представляешь, безрассудного девичьего увлечения. Я действительно влюблена, дорогой отец, по-настоящему влюблена.

– Никто не бывает разумным, если влюблен, – сказал он гораздо более мягким тоном. Его ярость почти истощила его силы. Он чувствовал зловещую слабость в конечностях и сердце, что встревожило его. – Никто не разумен, кто влюблен, – повторил он.

– Никто не может быть разумным, если у него есть хоть малейший шанс, – ответила она. – Это единственное, что есть в жизни.

И его изможденное лицо и голодные страдальческие глаза не опровергали ее уверенного утверждения.

– Неужели ничто не заставит тебя вернуться домой, Беатрис? – Он умолял слабостью изнеможения. – Я никогда больше не буду говорить о Питере ... о браке ... снова. Я дам тебе любой доход, какой ты захочешь, твой собственный.

– А Роджер?

Ричмонд поморщился; но эти внутренние напоминания о приближающейся старости, одинокой и лишенной любви, если эта девушка отвернется от него, запрещали ему отступить.

– Ты думаешь, что смогла бы заполучить его, если бы я согласился?

– Возможно. – В ее голосе слышалась восторженная дрожь новорожденной надежды.

– То есть ты выйдешь за него замуж, даже если будешь убеждена, что он охотник за приданым?

– Возможно, он побоится взять на себя содержание такой дорогой девушки,

как я. Ему и в голову не приходит, какой недорогой я могу быть.

Долгая пауза, он смотрит в пол, она с тревогой наблюдает за ним.

– Хорошо, я согласен, – вырвалось у ее отца. Его тон наводил на мысль о ложном признании, полученном под пыткой.

Еще одна долгая пауза, она с сомнением смотрит на него, он избегает ее взгляда.

– Я тебе не доверяю, – сказала она. – Это твоя собственная вина. Ты не можешь винить меня. Я никогда не смогу доверять тебе после того, что ты сделал против Роджера и после твоих угроз Питеру и мне.

– Я старый дурак, слабый старый дурак! – Закричал он, схватив шляпу. – Я умываю руки! Я покончил с тобой!

И он выскочил, налетев прямо на женщину, которая как раз входила в гостиную. Он не остановился, чтобы извиниться.

Во второй половине дня миссис Ричмонд пришла красиво одетая и распространяющая сильный, но элегантный запах концентрированной эссенции ландышей.

– Я бы уже давно была здесь, – объяснила она, целуя и обнимая дочь и проливая несколько осторожных слез, – но я не осмелилась. Мне только удалось вырваться. Твой отец категорически запретил мне. И я всегда думала, что он довольно неравнодушен к тебе. Но тогда я могла бы догадаться. Он не заботится ни о ком, ни о чем кроме своих планов. Ты никогда не поверишь, что он был другим человеком, когда я вышла за него замуж. Успех вскружил ему голову.

– Он был здесь сегодня утром, – сказала Беатрис.

– Здесь! – Воскликнула мать. – Для чего?

– Из-за меня.

В глазах матери, поспешно прикрытых вуалью, сверкнула ревность.

– Пытается снова заполучить тебя в свою власть, – усмехнулась она.

– Думаю, да, – сказала Беатрис. – Да, должно быть, так оно и было. – Значит, ты возвращаешься домой?

– О, нет.

Ревность прошла, мать вернулась.

– Но, Беатрис, он изменил свое завещание и лишил тебя наследства. Он оставляет твою долю Гектору.

Беатрис выглядела смущенной.

– Я не скажу, что мне это нравится, – сказала она, – потому что это было бы ложью. Но я все равно не вернусь домой. Во мне произошли большие перемены, мама.

– Ты всегда была упрямой, – сказала ее мать. – Когда ты была ребенком, я всегда чувствовал, что настанет день, когда между тобой и твоим отцом произойдет столкновение.

– Что ж, столкновение закончилось. После этого мы оставим друг друга в покое.

– Но что с тобой будет? Конечно, у меня будет что-нибудь, и пока у меня есть ... Миссис Ричмонд сдержалась и покраснела. – На самом деле, у меня есть немного, Беатрис. Я скопила на тот случай, если между ним и детьми когда-нибудь возникнут такие неприятности. Я могу позволить тебе иметь хороший доход, достаточный, с тем, что у тебя есть, чтобы показать, что тебе не

нужно стыдиться. Ты не видела мистера Уэйда?

Беатрис обняла мать и поцеловала ее нежно, но с той осторожностью, с какой одна женщина никогда не пренебрегает лаской другой, тщательно сделавшей туалет.

– Если мне понадобятся деньги, я скажу тебе, дорогая, – сказала она. – Нет, я его не видела. А ты?

– Вчера, ближе к вечеру. Он шел по дороге и не видел меня.

– Как он выглядел?

– Тревожно и подавленно, – подумала я.

Беатрис просияла.

– Ты говоришь мне это не для того, чтобы мне было хорошо?

– Нет—нет, в самом деле. Он выглядел почти изможденным.

Беатрис снова поцеловала мать. Не могло быть ни малейшего сомнения. Ее мать, по привычке встававшая на сторону своих детей против их агрессивного отца и защищавшая их от него, двигалась в ее направлении.

– Почему бы тебе не навестить его? – Смело предложила она.

– Если твой отец узнает!

– У тебя есть картина в качестве оправдания. Знаешь, отец думает, что мы познакомились с Роджером в Европе.

– Да—да ... я совсем забыла.... Я не знаю, что на меня нашло! Я не могу понять себя, даже думая о том, чтобы помочь тебе в таком абсурдном, идиотском деле, как брак с бедным художником.

– Бедный человек, а не бедный художник, – засмеялась Беатрис.

– Я полагаю, – продолжала миссис Ричмонд, – должно быть, это ради удовольствия увидеть, как твой отец потерпел поражение в том, к чему он так стремился. Он так часто топтал меня, что мне хотелось бы хоть раз увидеть его униженным.

– Видела бы ты его, когда я сказала, что собираюсь заняться пошивом одежды.

– Беатрис! – Воскликнула ее мать, и выражение ужаса и изумления на ее лице вполне соответствовало выражению Ричмонда.

– Я собираюсь заработать кучу денег, – небрежно сказала Беатрис. – Ты же знаешь, у меня есть вкус и хорошая деловая голова.

– Разве твой отец не запретил тебе? – Спросила мать, дрожа от волнения.

– Да, и я напомнила ему, что я совершеннолетняя.

– Да ведь это погубит нас всех! – Причитала миссис Уотсон Ричмонд. – Беатрис, я верю, что ты сошла с ума.

– Именно это сказал отец.

– Конечно, ты не сделаешь этого теперь, когда я предложила тебе хороший доход. Ты можешь получить пятнадцать тысяч—в дополнение к тому, что у тебя есть.

– А как бы я проводила время?

– Ну, как и всегда.

Странное, романтически-сумасшедшее, как называл это ее отец, выражение появилось на лице девушки, полностью изменив его.

– Да, – мечтательно ответила она, – но это было до того, как я познакомилась с Роджером.

– Что же мне делать? – Простонала миссис Уотсон Ричмонд. Она была кем

угодно, только не проницательным наблюдателем, но она была достаточно умной женщиной, чтобы понять этот взгляд. – Если бы ты вышла за него замуж, ты бы отказалась от этого, не так ли?

– Я не подумала. Да, полагаю, мне придется это сделать. Уход за ним отнимет у меня все время.

– Тогда ты должна выйти за него замуж! – Решительно воскликнула ее мать. – Я немедленно увижу твоего отца.

– Ты просто навлечешь на себя неприятности, дорогая мама.

– Теперь я его не боюсь! – Воскликнула миссис Уотсон Ричмонд с воинственными глазами и ноздрями. – Он выставил себя дураком и знает это. Я не позволю, чтобы все, на что я потратила свою жизнь, было разрушено только потому, что он такой чудовищный сноб. Почему он должен возражать против выдающегося художника в качестве зятя? Да ведь мистер Уэйд станет дополнением к семье в социальном плане.

И так далее, и так далее, Беатрис позволяла матери доводить себя до состояния, подходящего для борьбы с мужем. Всякий раз, когда она делала паузу, Беатрис заводила разговор о портнихе, чтобы снова вывести ее из себя. А когда она уже собиралась уходить, Беатрис позвала Валентайн и представила ее как “Мой компаньон, мисс Клермон”. С Ричмондом было покончено. С горничной ее дочери обращаются как с равной и становятся деловыми партнерами ее дочери!

– Я позвоню тебе сегодня вечером ... или увидимся завтра, – сказала она, уходя. Она не посмела обидеть Беатрис, проигнорировав “Мисс Клермон”. Поэтому она отвесила поклон, который был в высшей степени забавным образцом тех всегда забавных компромиссов, на которые не решилось бы ни одно разумное существо во вселенной, кроме лишенного чувства юмора человеческого животного.

Миссис Ричмонд восстает

Некоторое время после ухода матери Беатрис сидела в коричневом кабинете, ее бывшая горничная и партнер сидела за столом напротив нее и не осмеливалась перебивать. Наконец Беатрис сказала:

– Я ничего не понимаю. Я никогда бы не поверила, что мама так это воспримет.

– Вряд ли вы могли ожидать, что она будет довольна, мисс Ричмонд, – ответила Валентайн.

– О, я знала, что она взорвется, – сказала Беатрис. – Я ломаю голову над тем, как она поведет себя с отцом. Я никогда раньше не видела, чтобы она бунтовала против него.

– Вероятно ... когда миссис Ричмонд увидит его ... – это был в высшей степени наводящий на размышления, незаконченный комментарий мисс Клермон.

– Без сомнения, – сказала Беатрис. – И все же ... мама была безумна насквозь ... Безумна в борьбе. Я никогда не видела ее такой с ним. Я не думала, что в ней это есть. Я подозреваю, я надеюсь, что она создаст проблемы.

Беатрис была права в своем диагнозе гнева матери. Г-жа Ричмонд действительно сражалась как сумасшедшая. Все, что живет, даже человек, ослабленный роскошью и долгим или кротким рабством, имеет свой предел выносливости, свою точку, в которой он перестает бежать или съезживаться и будет сражаться до последнего вдоха. Этот предел, эта точка была достигнута миссис Ричмонд. Было много вещей, которые ей нравились в той или иной степени – ее дети, светские романы, полдюжины друзей, ее горничная Марта, случайный мужчина граф д'Артуа как раз в то время. Было только три вещи, к которым она была глубоко привязана. Три, кроме нее самой. Первой была ее молодая внешность, которую она так старательно старалась сохранить. Второй было богатство, которое давало ей так много восхитительных моральных, умственных и физических ощущений. Третьей и самой дорогой было социальное положение. Мания социального положения обычно охватывает людей с большим достатком и небольшим интеллектом; она проявляется рано, часто в тяжелой форме, но она не становится опасной до середины жизни. С миссис Ричмонд мания усугублялась тем, что она не родилась в светском обществе. Терпеливо, решительно, усердно она год за годом укрепляла свое социальное положение. Она терпела унижения, оскорбления, как доблестный солдат терпит удары и ранения в битве. И ее добродетель была вознаграждена. Она достигла социального положения, на самом деле не безопасности, поскольку в Америке социальное обеспечение невозможно; но завидное положение среди самых первых, разумно гарантированное до тех пор, пока Ричмонд сохранял свое богатство и никакой унижительный скандал не подрывал и не свергал его. Как благоразумная душа, какой она была, она оставалась бессонно бдительной, чтобы какой-нибудь скандал не произошел с неожиданной стороны.

Были неясные отношения – вульгарные, нет, хуже положительно низкие. Правда, это было всеобщее проклятье; но миссис Ричмонд, ее собственный и невозможный родственник ее мужа, казался более ужасным, чем кто-либо другой. Затем Ричмонд, хотя и был трудолюбивым социальным альпинистом и столь же осторожным в вопросах социального положения, как и любой другой крупный финансист, который милостиво позволял своим семьям быть

модными, Ричмонд иногда срывался и оскорблялся грубым и жадным захватом богатства, принадлежащего лицам, обладающим социальной властью. Кроме того, он иногда почти переоценивал себя в своем презрении к закону и общественному мнению и ставил под угрозу свою репутацию. Но теперь эта опасность не преследовала ее, как раньше. Из-за постоянных нарушений Ричмонда и ему подобных моральный кодекс больше не был тем, чем он был раньше, был просто коллекцией старых лохмотьев. Почти все, кто в социальном плане был кем угодно, презирали его в частном порядке и выражали публичное уважение к нему только по привычке и в интересах низших классов.

Наконец, появились дети. Никто никогда не мог сказать, во что вырастут его дети. Из четверых она считала младшую дочь самой безопасной, потому что она была чрезвычайно гордой, любила социальное положение, модную роскошь — любила их больше, чем что-либо, за исключением, возможно, того, что у нее был свой собственный путь, когда ей противостояли. Да, Беатрис никогда не станет причиной ее социального беспокойства. По иронии судьбы именно она, и только она, стала причиной беспокойства. Отказ выйти замуж за Питера Вандеркифа был плохим. Увлечение художником, каким бы выдающимся он ни казался, по крайней мере, во Франции, было еще хуже. Но пошив одежды был хуже всего. Возбужденная фантазия миссис Ричмонд, казалось, предвещала социальный крах — не из-за модного набора, а из-за лидерства в нем. Если бы существовало хотя бы одно предыдущее поколение модных Ричмондов или если бы их собственная мода была делом двадцати лет, а не скудных десяти, это не имело бы значения. Беатрис сочли бы эксцентричной, а эксцентричность — признак аристократической крови. Но, в сложившихся обстоятельствах, для Беатрис стать портнихой в партнерстве с французской горничной и шофером...

Миссис Ричмонд ворвалась к мужу в его кабинет, не скрывая своей ярости. Ричмонд с первого взгляда понял, что ему предстоит иметь дело с мятежом, причем опасным. Он показал, что все понял о его происхождении, сказав, как только его секретарша ушла:

– Ты была у Беатрис.

– Она сказала тебе сегодня утром, что собирается заняться пошивом одежды? – спросила жена, раздувая ноздри и сверкая на него глазами.

– Да, – и Ричмонд сосредоточился в углу своего большого кресла. Это выглядело как жест робости. На самом деле, это был просто его способ собираться с силами при первом же натиске опасности.

– Здесь, в Нью-Йорке!

– Да.

– С Валентайн!

Ричмонд сделал легкий жест согласия.

– И Лери!

Ричмонд, сидевший в углу своего кресла, нерешительно протянул руку к бумагам на столе перед ним.

– Что ты собираешься с этим делать? – Спросила жена низким голосом, который звучал так, как будто он пробивался сквозь стиснутые зубы.

Ричмонд откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и уставился в окно.

– Что ты собираешься с этим делать? – Повторила его жена.

Ответа по-прежнему не было.

– Ты собираешься пожертвовать всем, на создание чего я потратила столько лет?

– Ты? – С презрительным сарказмом спросил Ричмонд. – Что ты сделала?

– Я определила наше социальное положение – вот что я сделала.

– Ты хочешь сказать, что я построил его – мои деньги и моя власть. Люди узнают нас, потому что не смеют злить меня. – Это было сказано с голосом аксиоматической истины.

Но миссис Ричмонд была слишком зла, слишком встревожена. У паники храбрость более опасна, чем у доблести.

– Посмотри на Галлоуэев, – воскликнула она. – У них больше денег, чем у нас. Посмотри на Роубаков. У них больше денег, чем у нас, и Роубак – человек, которого ты боишься.

– Я никого не боюсь! – Взревел он.

Она ответила на это сводящим с ума коротким насмешливым смехом и продолжила, – посмотри на Фосдиков и Беллингемов, и Эшфортгов. У них больше денег, чем у нас есть.

– Да, и они приняты. – Но его тон был не таким, каким мог бы быть.

– Ты знаешь разницу, – сказала она, не скрывая презрения к его неубедительной уклончивости. – Они внутри, но не внутри. Мы оба в деле. И почему?... Почему? – Яростно повторила она. – Почему мы здесь, несмотря на врагов, которых ты нажил, несмотря на темные дела, которые ты совершил, несмотря на...

– Послушай, Люси, я не жаловался на то, как ты справляешься со своей стороной семейных дел. Ты очень хорошо поработала. – Это было сказано покровительственно, но с такой мягкостью, что, исходя от Дэниела Ричмонда, это прозвучало почти как всхлип.

– И с тех пор, как я отняла графа Бродстейрса у Салли Пейтон и женила его на Роде, мы были в первых рядах. Есть только две большие семьи, которые все еще держатся.

– Брак Вандеркифа мог бы их пополнить, – сказал Ричмонд.

– Если Беатрис начнет работать портнихой с этими двумя слугами...

– Но ... что я могу сделать? – Резко перебил он. – Она сумасшедшая ... сумасшедшая!

– Это ты сошел с ума, Дэн, – воскликнула его жена. – Ты знал эту девушку. Ты знал, что из-за тебя с ней трудно справиться. Зачем ты ее разозлил?

– Полагаю, ты позволила бы ей выйти замуж за этого художника, – усмехнулся муж.

– Что угодно, только не такой скандал, как этот, – заявила она. – И это нужно остановить!

Ричмонд пожал плечами.

– Я предложил отказаться от брака с Вандеркифом. Я предложил отвезти ее обратно. Я умолял ее вернуться.

– Но ты не сказал ей, что она может выйти замуж за Уэйда.

– Да, я это сделал! – Признался он. – Да, я даже это сделал.

Миссис Ричмонд откровенно показала свое недоверие и, чтобы не было никаких сомнений, сказала:

– Я в это не верю.

– Ты думаешь, у меня нет здравого смысла? Я видел, что будет означать скандал. Кроме того ... – Ричмонд не назвал другой причины. Он слишком стыдился своей слабости в любви к девушке, чтобы разоблачить ее.

К этому времени миссис Ричмонд пришла в себя. – И это все, что ты сделал?

– Все? – Воскликнул он. – Все? Что еще я мог сделать?

– Приведи ей этого человека.

– Найти ей этого человека? – Повторил он, словно тщетно пытаюсь понять.

– Она тебе не доверяет, и тебя это не удивляет. Ты должен найти ей мужчину. Ты с самого начала плохо управлялся с этой штукой. Ты гнал ее все дальше и дальше, пока не остался только один шанс.

Ричмонд не стал возражать, даже мысленно.

– Но я говорил с ним, и он не хочет ее.

Опять миссис Ричмонд была застигнута врасплох настолько, что она спросила:

– Что ты сказал?

Ричмонд показал свое дикое внутреннее волнение. Со сверкающими глазами и зубами, предполагающими, что они вот-вот заскрежещут, он почти прошипел:

– Ты что, оглохла? Я сказал, что разговаривал с ним, и он ее не примет. Я не могу заставить этого человека жениться на ней, не так ли?

В своем волнении, в своем изумлении миссис Ричмонд наклонилась вперед и медленно произнесла:

– Ты пошел к нему и дал ему разрешение жениться на Беатрис?

– Нет, – признался Ричмонд.

– О, – сказала его жена с сарказмом, – ты пошел, чтобы запретить ему жениться на ней. Почему ты обманываешь меня, когда мы находимся в таком опасном положении?

– Я тебя не обманывал, – проворчал он. – Я пошел, чтобы убедиться, что он не хочет на ней жениться. Мы хорошо поладили.

Миссис Ричмонд вздохнула с облегчением.

– Тогда мы в состоянии заигрывать с ним.

– Я больше не буду заигрывать! – Крикнул он вызывающе.

– Полагаю, ты предпочел бы, чтобы газеты пестрели сообщениями о том, как твоя дочь шьет платья в партнерстве с горничной и шофером, – презрительно фыркнула миссис Уотсон Ричмонд.

Он вздрогнул, когда она уверенно ткнула в его единственное слабое место—слабость, которую она так хорошо знала; ее знание этого придало ей смелости напасть на него. И она также знала, что его единственной верой в нее, его единственной пользой для нее было ее умение маневрировать в обществе.

– Ты сделаешь все, что необходимо, – продолжала она. – Я не могу понять, почему ты был так против ее замужества. Он молод, но уже знаменит. Он нам поможет.

Долгая пауза.

– Да, он умеет рисовать, – рассеянно сказал Ричмонд, и в его обычно жестких и злых глазах появилось странное выражение.

– Конечно, может. Так нам сказал д'Артуа. По дороге домой я приглашу его на ужин. Если он согласится, я позвоню Беатрис, чтобы она приехала.

– Да, это хорошая идея, превосходная, – сказал Ричмонд. – Я хочу уладить

это дело. Это сделало меня непригодным для бизнеса. Еще несколько недель, и я развалюсь на куски. Делай, что хочешь. Мне все равно, лишь бы ты все уладила. – И он взял свои бумаги, чтобы показать, что у него больше нет времени, чтобы тратить его впустую.

– Надеюсь, это послужит тебе уроком, – сказала она. – В следующий раз, когда возникнут проблемы с детьми, лучше предоставь это мне.

Ричмонд что-то пробормотал в свои бумаги. Г-жа Ричмонд выступила вперед с достоинством и триумфом. Никто, глядя на ее холодное и надменное лицо, на ее красивый, дорогой туалет, на ее аристократический вид, не поверил бы, что она способна участвовать в такой сцене, которую только что разыграли они с мужем. Она была защищена от подозрений в таких вульгарностях, защищена гламуром богатства и моды, которые скрывают грязную жизнь Ричмондов и грязные занятия, которые их поглощают.

Когда машина миссис Ричмонд остановилась перед воротами Роджера Уэйда, и она увидела, как он читает за ширмой из листьев на веранде. Она ждала и смотрела на него с минуту или около того, но он не поднимал глаз.

– Нажми на клаксон, – сказала она шоферу.

При звуке трех резких, властных окликов художник медленно поднял глаза.

Г-жа. Ричмонд, сидевшая лицом к открытому окну лимузина, видела, что он наблюдает за ней, как случайный прохожий на большой дороге. Когда он увидел, что она видит его, он встал и направился к воротам ни быстрым, ни медленным шагом, шагом, который почему-то обескураживал миссис Уотсон Ричмонд. Она ждала его с улыбкой самой лестной теплоты.

– Здравствуйте, мистер Уэйд! – Воскликнула она, когда он открыл калитку, и протянула руку в перчатке, чтобы сердечно встретить его. – Вы позорно общались со мной, – продолжала она. – Но тот, кто никто, должен принимать любое лечение, которое дает ему великий человек, и быть благодарным, что это не хуже.

Большой смуглый мужчина, выглядевший чрезвычайно красивым в своих свободных белых фланелевых брюках, дружелюбно рассмеялся. Он проявил здравый смысл, не пытаясь ответить. Он просто стоял и ждал.

– Я остановилась, чтобы пригласить вас пообедать с нами завтра вечером очень неофициально, – сказала она. – Это было бы огромным одолжением, поскольку нам ужасно скучно.

– Все это очень любезно, – сказал Роджер, – но я не могу прийти.

– Ну, не говорите так, – настаивала она, и ее настойчивость казалась вежливой (манера, которой она превосходно владела).

– Мистер Ричмонд сказал мне сегодня днем, что я не должна принимать "нет" в качестве ответа. Он проникся к вам большим восхищением и симпатией. Если вы не отказываетесь просто из-за недружелюбия, может быть, вы придете послезавтра вечером?

– Я буду в море, – сказал Роджер. – Я отплываю в субботу утром.

– Так неожиданно! – Воскликнула миссис Уотсон Ричмонд с захватывающим волнением в голосе, очевидно, не от удовольствия, а от тревоги. – Тогда вы должны прийти завтра вечером. Это наш последний шанс познакомиться поближе.

– А как же Париж, – небрежно сказал Роджер. Его откровенные глаза смот-

рели на нее с озадаченным выражением.

Миссис Ричмонд отбросила последние остатки притворства, имевшего чисто социальные цели. Ее глаза умоляли, а голос умолял, когда она сказала:

– Ричмонд особенно хотел вас видеть. Не могли бы вы устроить это завтра вечером или сегодня вечером?

– Благодарю вас. Это действительно невозможно, – и тон и манеры Роджера были вежливым, но окончательным отказом от всего, на что она намекала. – Не затруднит ли вас мое прощание с мистером Ричмондом и вашей дочерью?

– Я так разочарована, что даже не знаю, что сказать, – воскликнула миссис Уотсон Ричмонд с трогательной привлекательностью. – Простите мою грубость, но...

– Для меня совершенно невозможно изменить свои планы за то короткое время, которое у меня есть между сегодняшним днем и субботним утром. Роджер был просто вежлив—не недружелюбен, но определенно не дружелюбен.

Красивые глаза миссис Ричмонд скрывали гнев за выражением смиренного сожаления. Она не смела ссориться с ним, должна была расстаться с ним по-дружески.

– Я понимаю. Мне ужасно жаль. Но, как вы сказали, есть Париж. По-моему, у нас там нет вашего адреса.

– У меня нет адреса, – сказал Роджер. – Мне придется найти место.

– Д'Артуа будет знать, – сказала миссис Уоррен Ричмонд поспешно, чтобы скрыть почти прямой отказ продолжать знакомство. – Мы можем узнать у него.

– Я веду там довольно уединенную жизнь, – ответил Роджер. – Нужно постоянно бороться с искушениями отвлечься. Но мне не нужно объяснять это жене занятого человека.

– Нет, в самом деле, – воскликнула она с неослабевающей сердечностью, и ей не составило труда быть сердечной с человеком, чье обаяние она теперь чувствовала, едва ли меньше, а может быть, и больше, потому что он побеждал ее волю. – Тем не менее, – продолжала она, – мы рискнем надеяться, что вы немного смягчитесь и не будете смотреть на нас как на незваных гостей, мистер Уэйд.

– Вы слишком добры, миссис Ричмонд, – сказал Роджер. Он сделал все возможное, чтобы отвернуться, насколько позволяла вежливость.

– Еще раз, мне очень жаль ... очень жаль, что так вышло с обедом, – сказала миссис Уотсон Ричмонд, еще раз протягивая руку. Она была сама дружелюбность, сама сердечность. – И я надеюсь, что вы будете добрее в Париже. До свидания, мистер Ричмонд будет очень огорчен. И Беатрис...

Роджер перевел взгляд. Слабый румянец залил его щеки.

– Она подумает, что вы прискорбно небрежный друг. Она в "Уолкотте". Если вы будете в городе...

– К сожалению, я не буду, – резко перебил Роджер. – Мне придется довериться вам, чтобы принести свои извинения.

Миссис Ричмонд снова выглядела побежденной. – Не забывайте нас, – взмолилась она.

– Спасибо, – смущенно сказал Роджер.

– До свидания.

Роджер поклонился. Машина тронулась и исчезла в облаке пыли, а он медленно и угрюмо вернулся на веранду, чтобы взять книгу, но не читать ее.

Как только автомобиль миссис Ричмонд въехал на террасу перед главным входом в дом, автомобиль Ричмонда уехал, только что высадив его на каменной эспланаде. Он открыл дверцу машины для жены.

– Ну? – Резко спросил он.

– Он не может ... то есть не хочет ... приходить.

– Я так и думал.

– Он уплывает.

– Я знаю. На следующей неделе.

– Нет, в субботу.

Ричмонд вздрогнул.

– Послезавтра?

– И он не придет ни сегодня, ни завтра вечером.

Они молча бок о бок вошли в дом.

– Он потрясающе красивый мужчина, – сказала миссис Уотсон Ричмонд. – Любая женщина гордилась бы тем, что он стал ее мужем. И у него вид человека.... Я должна позвонить Беатрис.

– Ты не должна делать ничего подобного, – приказал Ричмонд тоном, который, когда он впервые заговорил с ней так, заставил ее почувствовать себя служанкой. – Ты не станешь искушать ее выставляя себя на всеобщее посмешище.

– Ты ее не понимаешь, – запротестовала миссис Уотсон Ричмонд.

– Не имеет значения. Никаких звонков. Маленькие, робкие люди никогда не смогут понять, что такой человек, как она, обладает неограниченной способностью к безрассудной глупости.

– Но что же нам делать? – Спросила его жена.

– Я пойду к нему.

– Чтобы сказать что?

– Все будет зависеть от обстоятельств, когда я приеду туда, – сказал ее муж. – Я сейчас же пойду.

– Да—да. Времени очень мало, – воскликнула она.

– Напротив, у нас еще много времени.

Он повернулся на каблуках и направился к двери. Г-жа Ричмонд остановилась и с жалостью посмотрела ему вслед; он был слегка согнут; его шаг утратил пружинистость. Только однажды она видела его таким измученным—в тот раз, когда он пытался договориться о явно невыполнимых кредитах, чтобы спасти свое состояние от разорения, а себя от тюрьмы. Она ненавидела его, как ей казалось, непримиримой ненавистью. На самом деле она ненавидела его только потому, что он не позволял ей любить себя; он очаровал ее, женщину из тех, кто жаждет хозяина и действительно любит рабство, которое они якобы ненавидят. Она радовалась его поражениям; ей нравилось тратить его деньги там, где она не могла их спрятать. Но ее душа отдавала ему дань уважения как своему господину. Она с тоской посмотрела ему вслед; она отдала бы большую часть своего имущества, чтобы быть невидимым и ничего не подозревающим зрителем сцены между ним и Роджером. Ибо она поставила бы все, что у нее было, на то, что Роджер нанесет ему поражение его жизни.

Роджер страдает в осаде

Роджер, все еще сидевший на своей веранде за занавесом из лиан, был немало удивлен, увидев, что единственным пассажиром картежа, остановившегося у его ворот, был отец Беатрис. Его удивление не уменьшилось, когда маленький крупный финансист, быстро шагая по гравийной дорожке, окаймленной цветущими растениями, приветствовал его первым, с улыбкой величайшего добродушия—приветствием старого и дорогого друга.

– Я пришел по поводу этой картины, – поспешил объяснить Ричмонд. – Я хотел для себя увидеть ее раньше. Если вы простите старика, по крайней мере человека, который намного старше вас, за то, что он был совершенно откровенен. Я составил совершенно другое мнение о вас. Это заставило меня очень гордиться моим знакомством с вами. Я знаю, что это грубо, но это искренне.

Роджер любил похвалы не меньше, чем любой другой человек. Он культивировал философию безразличия только к некритическому осуждению. Он покраснел и пробормотал несколько неловких слов благодарности, конечно, не менее неловких из-за беспокойства, которое вызвало в нем поведение Ричмонда.

– Моя жена и дочь были совершенно правы, а я ошибался, глупо ошибался, – продолжал Ричмонд. Теперь они сидели. – Я не эксперт в искусстве, и не воображая и не притворяясь таковым, я сэкономил тысячи долларов и избежал много поддельных предметов искусства. Но в то же время человек, который чего-то стоит в любой области, всегда ценит хорошую работу в любой другой области – нравится она ему или нет. Итак, я хочу эту картину. Неужели нет ничего, что я мог бы сказать или сделать, что заставило бы вас передумать и позволить мне получить ее?

Лоб Роджера снова омрачился; в его глазах появилось странное, отсутствующее выражение – глаза художника, чувствительные, сочувствующие, пронизательные, но лишённые малейшего намека на мастерство.

– Я все обдумал, – сказал он с усилием. – Я решил не брать фотографию с собой. Так что вы можете получить ее, если примите в дар.

– Мой дорогой Уэйд! – Воскликнул Ричмонд с энтузиазмом. – Но вы должны быть великодушны со мной. Вы должны позволить мне дать вам что-то взамен. Вы знаете, как обременительно чувство невыполненных обязательств. К сожалению, все, что я могу дать, – это деньги. Вы должны позволить мне дать это. Это ваше право ожидать этого, и это наша привилегия – дать это.

Роджер, не подозревавший о многих сторонах необычного человека, сидевшего напротив него, был совершенно не готов к такой ловкой, изящной и разумной речи. Он мог только сделать нетерпеливый жест и сказать с решительностью, которая казалась грубой:

– Картина не имеет денежной ценности. Мне придется настоять на том, чтобы вы взяли ее на моих условиях, или я отдам ее кому-нибудь другому.

– Это подводит меня к главной причине моего приезда, – сказал Ричмонд, наклоняясь вперед и опершись локтями на широкие подлокотники кресла.

Роджер снова был в море. С просьбой Ричмонда о картине он поспешил прийти к выводу, что на самом деле это была единственная причина двух визитов в тот день и двух проявлений знойной приветливости. Теперь какое новое осложнение Ричмонд собирался раскрыть? Какое новое препятствие

должно было появиться на его пути к миру и искренней работе?

Финансист не заставил себя долго ждать.

– Я хочу убедить вас не уезжать за границу, – продолжал он. – А теперь, пожалуйста, выслушайте меня! Вы американец. Ваше место здесь в вашей собственной стране. Она нуждается в вас, и вы обязаны ей услугами своего гения.

Роджер посмотрел на своего гостя с откровенным подозрением. Коварство было чуждо его природе, и он знал о его существовании в своих ближних только как о непостижимом, но неоспоримом факте. Он знал, что Ричмонд – человек коварный. И все же эти искренние интонации, эти искренние и дружелюбные глаза, кроме того, какие возможные мотивы могли быть у этого человека? Возможно, картина действительно превратила его в друга и поклонника, не боящегося теперь, когда больше не было причин подозревать матриониальные замыслы.

– Не проявляйте скромности, которую не может испытывать человек с вашими способностями, – сказал Ричмонд, не понимая или притворяясь, что не понимает смущенного молчания Роджера. – Только посредственность скромна, и именно толпа дураков заставляет нас, которые могут что-то делать и имеют достаточно здравого смысла, чтобы знать, что мы можем, притворяться скромными.

Роджер рассмеялся.

– В этом есть доля правды, – сказал он. – И все же я уверен, что моя судьба важна только для меня. – Выражение его лица снова стало мрачным. – Нет, я уеду. Спасибо, но я уеду.

– Здесь для вас есть работа, большая работа, – настаивал Ричмонд. – Я позабочусь о том, чтобы вы это поняли, вам не придется ждать признания и испытывать усталость и отвращение от глупой несправедливости, которая удерживает гениальных людей от их собственных побед.

Простое и великодушное лицо Роджера смягчилось, потому что его сердце было тронуто.

– Я вижу, вы понимаете, – сказал он. – Я хотел бы выразить свою признательность, приняв ваше предложение. Но я не могу. Я должен уехать.

– Я признаю, что атмосфера там более благоприятна, гораздо более благоприятна для вашей работы. Но вы найдете нас менее несимпатичными, чем думаете. Испытайте нас, Уэйд.

Теперь Роджер был полностью убежден и глубоко тронут.

– Мне бы очень хотелось, мистер Ричмонд. Но если я должен работать, я должен уехать.

Пожилой мужчина еще больше наклонился к молодому человеку в своей серьезности.

– Да ведь ты нарисовал здесь одну из величайших картин, которые я когда-либо видел. Конечно, мои личные чувства могут несколько повлиять на мое суждение, потому что я привязан к своей дочери, как ни к одному другому человеческому существу, – голос Ричмонда дрожал, и в его глазах стояли слезы, – я дурак по отношению к ней, Уэйд, чертов дурак!... Извини, что я сбился с пути. Как я уже говорил, я могу думать, что картина больше, чем она есть на самом деле. Но я знаю, что это действительно здорово, здорово!

Роджер попытался скрыть свое волнение.

– Ты нарисовал ее здесь. Это означает, что ты можешь проделать здесь

большую работу. Ты когда-нибудь рисовал лучшую картину в Европе?

– Нет, – признался Роджер.

– Тогда тебе лучше остаться.

Роджер встал, сел, закурил новую сигарету.

– Не могу, – коротко ответил он. – Давай больше не будем об этом. Не считайте меня грубым или неблагодарным. Но ... вы должны принять мое решение как окончательное.

– Я старше тебя, Уэйд, вдвое старше. Вы молодой человек, только начинаете. Я почти уже закончил свой путь. Так что я не считаю себя дерзким, давя на тебя.

Роджер снова поднялся. На этот раз он подошел к краю веранды. На ступеньках он вдруг обернулся.

– Не считите меня неблагодарным, сэр, – сказал он, – но мне больно, очень больно.

Ричмонд напустил на себя самый эффектный вид извинения. —Прости ... прошу прощения ... я не хотел вмешиваться в твои личные дела. Я предполагал, что ты свободен. Мне никогда не приходило в голову, что там могут быть обязательства...

– Я свободен! – Воскликнул Роджер. – По крайней мере, был. И я намерен стать таким снова. Но хватит об этом, обо мне. Я пришлю вам картину, нет, я позабочусь, чтобы ее прислали в субботу.

Ричмонд посмотрел на молодого человека глазами отца и друга. Он подошел к нему, ласково положил руку ему на плечо.

– Я знаю, что ты не хочешь покинуть Америку, отказаться от своих амбиций, тех, что привели тебя сюда, так говорит д'Артуа. Скажи мне. Разве это нельзя как-нибудь устроить?

– Невозможно, – сказал Роджер.

Ричмонд мягко рассмеялся.

– Слово для мальчиков и для старых неудачников.... Разве ты не можешь заставить ее жить по эту сторону воды?

Роджер выглядел озадаченным.

– Это всегда женщина, – сказал Ричмонд, сверкнув глазами. – Если она действительно любит тебя, она будет жить там, где требует твоя карьера.

Улыбка Роджера, преувеличенно презрительная, показала, как много в нем осталось от мальчика, которым он был в тридцать лет.

– Вы ошибаетесь, – сказал он. – Ни одна женщина никогда не доминировала в моей жизни. – Его лицо снова стало суровым и энергичным. – И ни одна женщина никогда этого не сделает!

– Правильно, правильно, – от души одобрил Ричмонд. – Женщина, оказавшаяся не на том месте в жизни мужчины, почти так же плоха, как если бы ее полностью оставили в стороне. Почти, но не совсем.

– Я с вами не согласен, – сказал Роджер.

– Ты когда-нибудь встречал мужчину, который совершенно не обращал бы внимания на женщин? – Спросил Ричмонд.

– Нет, но я видел много и много жизней, жизней художников, разрушенных женщинами и браком.

Ричмонд воспользовался тем, что Роджер отвернулся, и позволил себе удовлетворенную улыбку. Он продолжал небрежным тоном, который не имел ни-

какого отношения к улыбке:

– Вероятно, эти парни все равно мало из себя представляли. Человек, который способен потерпеть крушение от любого рода излишеств, обречен на гибель. Ничто не может спасти его.

– Несомненно, – согласился Роджер с напускным безразличием. Мысль, которую только что высказал Ричмонд, была новой, впечатляющей и тревожно зывала к гордости молодого человека, а также к его уму. Впервые он увидел в своем посетителе опасного человека. Он стоял на краю веранды в том выжидательном молчании, которое заставляет посетителя либо показать причину, по которой он должен остаться, либо уйти. Ричмонд скрыл свое поражение и смущение, вернувшись в кресло и усевшись в позе человека, далекого от завершения неторопливого и интимного визита. Роджеру ничего не оставалось, как неохотно снова сесть. Несколько минут они молча курили, потом Ричмонд задумчиво сказал:

– Значит, ты против брака?

– Безусловно, – ответил Роджер.

– Теперь я вспомнил. Ты сказал мне это на днях, когда, – Ричмонд рассмеялся с искренним добродушием, – когда я подозревал тебя в планах на мою дочь или, скорее, на мое состояние. Каким абсурдом это кажется сейчас. Но у меня было какое-то оправдание. Тогда я тебя не знал. Если бы это было не так, то, возможно, я не был бы так доволен твоими взглядами на брак.

Когда эти слова свободно слетели с любезного языка Ричмонда, Роджер бросил на него украдкой взгляд, полный изумленного подозрения.

– Моя старшая дочь, – продолжал Ричмонд, – очень светская женщина. Она вышла замуж за титул и счастлива, как счастлива была бы нормальная женщина, получив мужчину по выбору своего сердца. Но моя другая дочь...

Роджер неловко заерзал на стуле. Неужели это возможно. Нет! Нет! Смешно! И все же, нелепо! Опасность была так же мала, как и то, что Роджер сам сдастся.

– Беатрис, – Ричмонд произнес это имя с нежностью, и нежность теперь казалась такой же неотъемлемой чертой его характера, как жесткость, жестокость или тирания, – Беатрис совершенно другая. Но ты ее знаешь. Вы, художники, читаете характер. Мне не нужно говорить тебе, что она восхитительно не от мира сего, глупо романтична, не так ли?

– Нет, – поспешно ответил Роджер.

– Твоя картина показывает, как глубоко ты понимал и ценил ее. Уэйд, одна из самых замечательных вещей, которые я когда-либо видел у мужчины, – это твой отказ воспользоваться ее неопытным юным воображением. Это было благородно, благородно!

Роджер выглядел несчастным.

– Я ... я этого не заслуживаю, – заикаясь, но решительно запротестовал он. – Мои мотивы были совершенно иными, совершенно эгоистичными.

– Да ладно тебе, – шутливо воскликнул пожилой мужчина, – она не такая уж непривлекательная. Человек менее щепетильный, менее благородный легко мог бы вообразить, что влюблен в нее. Ты признаешь это, не так ли?

Роджер откинулся на спинку стула.

– Да, – сказал он тоном, в котором не было и намека на ужас.

– Я не хотел смущать тебя, Уэйд, – рассмеялся Ричмонд.

– Вовсе нет, вовсе нет, – сказал Роджер, его паника была до смешного очевидна.

– Так что ... это было действительно благородно с твоей стороны.

– Я не могу этого допустить, сэр, – сказал Роджер. – Моим единственным мотивом была решимость никогда не жениться.

– Мне не нравится, когда ты так говоришь, – сказал Ричмонд. – Как отец дочери, как человек, желающий видеть свою дочь на попечении человека достойного, а таких мало! Мне не нравится, когда кто-то из этих немногих выступает против брака.

Не было никакого непонимания этой тенденции. Каким бы невероятным это ни казалось, этот человек пришел в себя, подстрекал свою дочь к ее своей прихоти завоевания!

– Я не против брака для других, – неловко сказал Роджер. – Я просто чувствую, что это неразумно для меня. Если мужчина, чья жизнь посвящена творчеству, женится на женщине, которую любит, он будет доволен. Это конец достижений, амбиций. Зачем стремиться к меньшему, когда то, что кажется ему большим, уже достигнуто? Если такой человек женится, к сожалению, то горечь и волнения разрушают его способность творить. Счастливый брак душит гения, несчастливый брак душит его. Смерть неизбежна—в любом случае.

Эти слова мало чем отличались от тех, которые он использовал, описывая свое положение Беатрис. Его манеры, тон, взгляд, выражение рта и подбородка, заставляли их казаться совершенно другими, гораздо более значительными. Мужчина, серьезный мужчина, редко раскрывает женщине свою сокровенную сущность, если только они с ней не достигли гораздо более тесной близости, чем Роджер позволил с Беатрис. Но в разговоре с Ричмондом, с другим человеком, который мог и хотел понять и посочувствовать, Роджер раскрыл ту сторону своей натуры, о существовании которой Беатрис имела лишь слабую интуицию, не имея прямого или определенного знания. Портрет подтолкнул Ричмонда к убеждению о высоком положении Роджера среди аристократии, где его уважали как равного. Теперь он был полностью убежден. Он видел, что его дочь сделала более мудрый выбор, чем он думал.

– Я понимаю твою точку зрения, – медленно и задумчиво произнес Ричмонд. – Я понимаю твою точку зрения.

Роджер показал свое глубокое чувство облегчения.

– Это хорошая мысль, очень хорошая.

Напряжение Роджера заметно ослабло.

– На это невозможно ответить, – заключил Ричмонд.

– На это нет ответа, – решительно повторил художник, но в его голосе прозвучала странная нотка печали.

– Но, – продолжал отец Беатрис, – что бы ты сделал, если бы влюбился? – И, не обращая внимания на замешательство художника, вызванное взрывом этой бомбы, он продолжал с видом философского беспристрастия, – любовь смеется над разумом, над честолюбием, над всякого рода расчетами. Да, я последний человек в мире, которого можно заподозрить в сентиментальности, я говорю, что любовь – это верховный владыка.

Роджер с видом юношеской позитивности, самоуверенности, сделал жест решительного несогласия.

Ричмонд улыбнулся и продолжил:

– Да, молодой человек, да! Когда любовь приказывает, мы все повинемся: ты, я, все мы повинемся. Мы можем извиваться, бороться, но мы сдаемся. Что бы ты сделал, если бы влюбился?

Роджер наклонился вперед в своем кресле и твердо посмотрел в пронизательные, добрые глаза отца Беатрис.

– Я бы уехал, – медленно произнес он.

Двое мужчин пристально смотрели друг на друга, каждый читал мысли другого. И снова под молодой и романтической красотой Ричмонд увидел человека, с которым его дочь еще не была знакома, человека с великим характером, изящно скрытым за романтично выглядящим художником, персонажа, который еще только формируется, но имеет внушительные очертания, которые позволяют представить себе что-то из окончательной формы. Наконец Ричмонд сказал:

– Да, я верю, что ты мог бы уехать и сделал бы это.

Роджер покраснел и опустил глаза.

– Если бы я этого не сделал, то почувствовал бы, что обманул все, что для меня значит, – сказал он. – Как бы я ее ни любил, я бы уехал.

– А она? – Спросил Ричмонд. – А как насчет нее?

Роджер слабо улыбнулся сардонической улыбкой.

– Женщины легко забывают о своих капризах.

– Ты легко забудешь? – Мягко сказал пожилой мужчина. Он выглядел очень старым, очень нежным и добрым.

Красивое лицо молодого художника стало серьезным.

– Боюсь, что нет, – сказал он. – Но если я мог бы забыть ... реальность, то, конечно, она могла бы забыть фантазию.

Никто, за исключением, возможно, его жены, не помнил о пылкой и щедрой молодости Ричмонда, когда он ухаживал и добился ее, несмотря на ее отца, опасений по поводу своей бедности и ее собственных опасений по поводу него. В этом молодом человеке уж точно никто бы не признал Даниэля Ричмонда, а он ответил:

– Нет, если она, каким-то божественным чутьем, понимает и ценит такого редкого человека, как ты.

Нетерпеливый жест Роджер был почти зол.

– Я не мужчина. Я художник.

– А если она не забудет? – Настаивал Ричмонд так же медленно и настойчиво, как сама совесть. – Если это не прихоть?

Роджер встал.

– Я не согласен с вашим предположением, – сказал он. – Но, допустим, тогда, по крайней мере, я не испортил бы ее жизнь и свою собственную. Ибо, если бы я был неверен своему искусству, оно отомстило бы, мучая меня. И жена измученного человека не счастлива.

Ричмонд сидел, уставившись в пол веранды. Морщины, швы и впадины на его лице, казалось, углублялись. После нескольких минут молчания, нарушенного раздражающим шумом стаи воробьев, он сказал, – она отказывается возвращаться домой. Я предложил уступить все. Я был бы рад, если бы она поступила по-своему. Но, как ты говоришь, это невозможно. Она не вернется домой. Она винит меня. Я думал, что во всем виноват я. Я вижу, что нет. Но ... она ви-

нит меня и всегда будет винить. И она не помирится со мной. – Долгая пауза, а затем от него донесся лишь призрак его нормального голоса, – и ... это убивает меня.

Роджер сидел неподвижно, глядя на клумбу с милыми старомодными цветами перед верандой.

Ричмонд нарушил долгую вечернюю тишину:

– Не мог бы ты ... не слишком ли много я от тебя требую ... Если бы ты увидел ее, ты мог бы убедить ее помириться со мной. – Он ушел глубоко в себя. – Я знаю, что нечестно по отношению к тебе или к ней просить об этом, – продолжал печальный, монотонный голос ее отца, тяжелый от душевной боли. – Я знаю, что, увидев ее снова, тебе будет только труднее сделать то, что ты должен сделать, потому что я понимаю те амбиции, которые делают таких людей, как мы, неумолимыми. И я знаю, что, увидев тебя снова, и увидев еще более ясно, какой ты мужчина, она, возможно, не сможет забыть. Но ... – Ричмонд сделал долгую паузу, прежде чем добавить, – я старый человек и ... У меня эгоизм тех, кому осталось жить недолго.

Роджер по-прежнему не двигался и не говорил.

Ричмонд некоторое время наблюдал за ним, потом с болезненным усилием поднялся.

– До свидания, – сказал он, протягивая руку.

Роджер встал, взял его за руку.

– Я бы сделал это, если бы мог ... Если бы был достаточно силен, – сказал он. – Это унижительно, но я должен признаться, что это не так.

– Подумай об этом, Уэйд. Сделай для меня все, что в твоих силах.

И Ричмонд, почти шаркая ногами, спустился по ступенькам, спустился по дорожке и вышел через ворота. Он тяжело забрался в свой лимузин и исчез. Роджер прислонился к колонне, глядя в пустоту, пока пожилая служанка дважды не позвала его ужинать.

Беатрис проигрывает

На следующее утро Беатрис и мисс Клермон заканчивали завтракать, когда появился Ричмонд. Войдя в маленькую гостиную с кроватью, превращенной в гостиную, он не пытался скрыть своих чувств. В ответ на вызывающий взгляд Беатрис он послал ей со своего изможденного лица взгляд смиренной мольбы, взгляд побежденного и бессильного тирана, ибо гордость тирана не в нем самом, а в его власти, и исчезает вместе с ней.

– Я хотел бы поговорить с тобой наедине, – сказал он, игнорируя Валентайн как слугу.

– Моя партнерша, мисс Клермон, – сказала Беатрис тоном, как бы представляя ее.

Природная быстрота Ричмонда не подвела его. Он мгновенно исправил свою ошибку.

– Мисс Клермон, – сказал он, вежливо кланяясь. – Простите мою резкость. Я очень расстроен в душе.

Мисс Клермон, которая теперь полностью приспособилась к своему новому положению, вежливо улыбнулась и скользнула в соседнюю комнату, закрыв за собой дверь.

– Ты не можешь себе представить, какая она великолепная, – сказала Беатрис. Мы разбогатеет. Я уверена, что так и будет. Мы арендовали магазин на тридцать второй улице, на южной стороне, в трех дверях от Пятой авеню. Ужасная арендная плата, но я настоял на том, чтобы начать с самого верха.

– Я видел Уэйда вчера днем, – сказал Ричмонд.

Оживление исчезло с лица девушки. И вместе с его оживлением исчезла большая часть его красоты, по крайней мере, большая часть его очарования.

– Я практически попросил его жениться на тебе.

Ее глаза загорелись, но тут же снова потухли.

– Он был вежлив настолько насколько может быть мужчина. Но он ... он никогда не женится.

– Пока он не полюбит, – пробормотала Беатрис.

– Есть люди ... – начал Ричмонд.

– Но они не любят! – Воскликнула Беатрис.

– Может быть, и так, – сказал Ричмонд, который не осмелился бы обсуждать с ней что-либо, как бы мягко это ни звучало. Кроме того, ни одна женщина, ни одна молодая девушка не могла понять, что брак – это не единственное страстное желание каждого одинокого мужчины, как это было бы у каждой одинокой женщины. – Во всяком случае, он никогда не женится.

– Пока он не полюбит, – повторила Беатрис.

Ричмонд молчал. Он не станет усугублять ее несчастье, говоря, что Роджер любит ее.

– Он все еще собирается уехать за границу? – Спросила она.

– Завтра, – ответил отец.

– Завтра!

Беатрис вскочила со стула, на ее лице появилось выражение дикого беспорядка. Но она боролась и восстановила контроль, спокойно откинулась на спинку стула со спокойным видом:

– О, я думала, что это будет на следующей неделе.

– Он изменил свои планы.

Дочь смотрела на отца пристальным взглядом, полным сомнения. Он увидел это и сказал тоном, в котором звучала убежденность:

– Я перешел на твою сторону. Он гораздо больше, чем я думал, или чем ты знаешь.

– Я знаю достаточно, – сказала девушка.

– Во всяком случае, я хотел, чтобы он стал моим зятем. Я сделал все, что мог. У меня нет ничего, что ему нужно.

– И я тоже, – сказала Беатрис с горьким, презрительным смехом.

– Он против брака. Он думает...

– Он не любит, – перебила она. – Вот и вся история. Ну что ж, – она сделала жест, отмахиваясь, – а теперь позволь мне рассказать тебе о магазине.

– Он отправил...

– Пожалуйста! – Повелительно сказала она.

– Картина ... он обещал прислать ее в Ред—Хилл после отплытия. Вместо этого он прислал ее прошлой ночью.

– Зачем он это сделал? – Быстро спросила она.

– Я попросил его об этом.

– Я имею в виду, почему он передумал?

– О, вероятно, без всякой причины. Ерунда.

Она сидела прямо и настороженно. Ее глаза горели от возбуждения.

– Он отплывает завтра, а не на следующей неделе, – быстро сказала она. – Вместо того, чтобы взять мой портрет, нашу картину, его и мою, вместо того, чтобы взять ее с собой, как он намеревался сначала, он отдает ее тебе. Сначала он говорит, что пришлет ее, когда отплывет, потом, после разговора с тобой, он меняет решение и убирает ее из дома, с глаз долой немедленно.

Ричмонд смотрел на нее изумленными глазами. Она была ясновидящей, его чудесная дочь!

Ее щеки вспыхнули, глаза заблестели. Ее слова радостно перекликались друг с другом:

– Почему он так спешит отплыть, избавиться от моей картины? Потому что он боится! Он не доверяет себе. Он упорно борется. Он ... Отец, он любит меня!

– Беатрис, – нежно сказал Ричмонд, – он никогда не женится. Он человек непоколебимого сорта, моего сорта.

Беатрис рассмеялась.

– Ты не изменился ... О нет!

Ричмонд виновато улыбнулся.

– Я должен был бы сказать, что он – человек, на чьи решения не влияет возраст и глупая отцовская любовь.

– Он боится! Он летит, летит от любви!

На лице Ричмонда отразилась глубочайшая тревога.

– Моя дорогая, ты только расстроишь себя ложными надеждами. В мужчинах, таких, как он, есть вещи, которых ты не понимаешь.

– Конечно. Но есть и другие вещи, которых ты не понимаешь, дорогой отец.

– Картина дома. Разве ты не придешь и не посмотришь на нее?

– Сначала я должна его увидеть. Я должна немедленно одеться и уйти.

Она уже встала и торопливо собирала деловые бумаги, разбросанные по столу среди тарелок с завтраком.

– Ты извинишь меня, отец...

– Я попросил его приехать и повидаться с тобой, умолять тебя вернуться домой.

Она сделала паузу. – И что он сказал?

– Сначала он отказался. Когда я уходил, я надеялся, что он мог бы.

Она задумалась.

– Нет, он не придет. Если только ... Но я не буду рисковать.

– Я знаю, что он был тронут моим обращением, – настаивал ее отец. – Беатрис, продолжай шить, если это необходимо. Но прости меня, и пусть все будет у нас так, как было раньше. – Он протянул к ней дрожащие руки. – Ты все, что у меня есть в этом мире, все, что мне дорого. Я не стыжусь и не раскаиваюсь в том, что сделал. Я сделал это, потому что думал, что это для твоего же блага. Но мне очень жаль. Я ошибся.

– Я прощаю тебя, – сказала девушка, – хотя мне не нравится говорить что-либо, что звучит чопорно и благочестиво. Но ты не можешь ожидать, что я буду доверять тебе, не так ли, отец?

– Я пытался заплатить за эти облигации, но он продал их какому-то моему врагу и за хорошую цену.

– Тебе не стыдно за облигации? – Спросила дочь с плутоватой улыбкой.

– Нет, – упрямо ответил Ричмонд. – В данных обстоятельствах это было то, во что я верил. Это был правильный шаг.

Беатрис рассмеялась с оттенком прежней веселости, со всем своим прежним обожанием его мастерства и храбрости.

– Ты так изменился! – Воскликнула она. – Ни капельки не лицемерю. Мы снова друзья до тех пор, пока ты не попытаешься подорвать и разрушить мой бизнес по пошиву одежды.

– Я дам тебе столько денег, сколько ты захочешь, – с готовностью заявил он.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Но ... Я скажу тебе, что ты можешь сделать. Ты можешь купить пакет облигаций Ваучонг, которыми я владею.

– Это сделала ты? – Воскликнул он в восторге.

– Ты можешь получить их за сто пятьдесят. Я всегда стараюсь получать разумную прибыль от сделки.

– Я пришлю тебе чек.

Она обняла его и поцеловала. В его крепких ответных объятиях была дрожь, которая вызвала у нее острую боль, потому что это каким-то образом наводило на мысль о его глубокой побуждающей мысли о страхе вечной разлуки, вечном прощании, в лучшем случае недалеко от него и от нее.

– Отец ... дорогой, – пробормотала она.

– Не беспокойся о нем, дитя, – прошептал он. – Позволь мне помочь тебе попытаться забыть.

Она мягко отстранилась и посмотрела на него, в ее глазах была воля, которую он теперь с гордостью признал более непоколебимой, чем его собственная. Она сказала:

– Ты не учи меня не забывать, не сдаваться.

Он вздохнул. – Я подожду и отвезу тебя на паром.

И она пошла в свою спальню.

Она одевалась минут десять, когда он взволнованно постучал в ее дверь.

– В чем дело? – Спросила она.

– Он пришел! – Воскликнул ее отец.

Дверь приоткрылась, и на пороге показалось ее лицо.

– Роджер? Внизу?

– Да, я ответил на звонок с ресепшн.

– Я не могу принять его здесь. Это противоречит правилам. И все же я хочу ... Нет ... скажи, что я немедленно спущусь в холл.

– Но я здесь, – возразил ее отец. – Он может подняться наверх.

– Он не должен тебя видеть.

– Я могу подождать там, не так ли?

– Да, дверь толстая, – вслух размышляла Беатрис. – Да, скажи, пусть поднимется. Хорошо, мисс Клермон ушла.... Нет, я встречу его в холле.

И Беатрис закрыла дверь. Не прошло и нескольких минут, как она снова открыла ее, чтобы предстать очаровательно одетой в новый весенний туалет (все фасоны в этом году в точности соответствовали ее фигуре). Она сияла, и подавленное лицо отца не уменьшило переполнявшего ее восторга.

– Ты не можешь отрицать, что он любит меня, не так ли? – Воскликнула она.

– Нет, – ответил Ричмонд. – Дело в том, что я видел это вчера.

– Почему ты мне не сказал? – Спросила она.

– Ты догадалась. Что толку? – Уклонился он.

– Догадалась? – Девушка рассмеялась. – Ты называешь это догадкой, потому что ты всего лишь мужчина. Это было неопровержимо, ясно, как если бы он сам так сказал. Но с другой стороны, я знаю это уже несколько недель. А теперь держись подальше от лифта, дорогой, потому что он не должен видеть тебя, когда я выйду.

Когда лифт замедлял ход, поднимаясь на этаж гостиной, Ричмонд поймал руку дочери и судорожно сжал ее.

– Удачи! – Сказал он вполголоса. – Если ты сегодня не победишь, мы последуем за ним во Францию.

– На край света, – засмеялась она, целуя ему руку и весело подталкивая его обратно в дальний угол лифта.

Дверь за ней закрылась, и машина начала спуск; из всех мыслей, кипевших в возбужденном мозгу Ричмонда, ни одна не была связана со странностью его собственного поведения или с удивительным превращением в холодную, деспотичную натуру. На самом деле трансформация была скорее кажущейся, чем реальной. Погоня всегда доминировала над ним – страсть к погоне. И теперь она доминировало над ним.

В стене напротив лифта, на всю ширину довольно широкой комнаты было длинное зеркало. Ни один мужчина не мог бы быть более свободен от физического тщеславия, чем этот большой, застенчивый Роджер Уэйд. Помимо своего человеческого долга сделать себя безобидным для глаз в вопросе одежды, он ничего не сделал для личного украшения. И все же, когда Беатрис приблизилась, он старательно и бессознательно прихорашивался. Чтобы занять свои взволнованные мысли, он стоял перед зеркалом, приглаживая волосы, поправляя галстук, возясь с большим, свободным темно-синим костюмом, который придавал его великолепной фигуре вид свободы. Их глаза встретились в зеркале. Он не повернулся, но пристально посмотрел на нее. И кто бы не был очарован существом, столь благоухающим весенней свежестью, от желтых

роз в ее шляпке, выглядевших так, словно они были только что из сада, до безупречно аккуратных чулок? Она стояла рядом с ним, ее желтые розы качались на одной линии с его ухом. И они создали восхитительную картину – редкую гармонию контрастов и симметрий.

Она лучезарно рассмеялась.

– Чанг! – Воскликнула она.

Он сразу же пришел в такое замешательство, что ее веселье не могло не возрасти.

– Прихорашиваешься? – Издевалась она.

– Думаю, да, – ответил он. – Я вижу, ты все тщательно продумала, прежде чем спуститься.

– Да, – сказала она с видом полусерьезного, полушутливого самодовольства, который она хорошо умела напускать. – Я готова до последней пуговицы. Давай сядем вон там, у окна. – Затем, когда они сели друг напротив друга:

– Почему ты такой серьезный?

И снова Роджеру пришлось с трудом держать себя в руках.

– Почему ты избегаешь смотреть на меня? – Засмеялась она. И она была так рада снова увидеть его, что ей было легче, чем она боялась, скрыть свою тревогу, свое чувство, что она играет свою последнюю ставку в игре, которая, как ей казалось, означала пожизненное счастье или пожизненное несчастье.

Он покраснел, но сумел улыбнуться и посмотреть на нее. Это был неуверенный взгляд, серьезная улыбка.

– Я пришел, – сказал он, – потому что хочу убедить тебя вернуться домой. Твой отец и я...

– Да, я знаю, – перебила она. – Отец был здесь.

– И ты собираешься вернуться?

– Нет—нет, в самом деле. Я сделала первый шаг к независимости. Я собираюсь продолжать в том же духе. Отец очень милый, но ему нельзя доверять. Если он контролирует, он тиранит. Он мог бы попытаться не делать этого, но ничего не может с собой поделать. Итак, я буду портнихой.

– Что за чушь, Рикс! – Воскликнул он. – Нет ничего более отвратительного, чем независимая женщина – мужественная женщина.

– Та, которая обладает собственной волей и делает предложение мужчине, если ей этого захочется? – Предположила она, сверкая глазами.

– Ну ... да ... если ты настаиваешь на этом.

– Женщина, слабая, глупая, цепляющаяся – это твой идеал? – Спросила она.

Он выразительно кивнул.

– Не странно ли, – рассеянно сказала она, – что мы никогда не влюбляемся в наши идеалы?

Роджер заерзал на стуле, очень смущенный.

– Я полагаю, это часть нашего желания никогда не делать то, что мы должны, и никогда, никогда не делать этого, если мы можем.

Роджер взял шляпу с пола рядом со стулом и приготовился встать.

– Если ты твердо решила не возвращаться домой, я полагаю, мне бесполезно говорить. Но ... твой отец стар ... сильно постарел за последние несколько недель, Рикс. Если бы ты могла помириться с ним...

– О, но я уже, – воскликнула она. – Мы стали лучшими друзьями, чем когда-либо были. Я не думаю, что мы когда-нибудь снова поссоримся.

Художник демонстрировал довольно условный вид удовольствия.

– Я искренне рад, – сказал он. – Он мне нравится, и ты мне нравишься, и мне было бы жаль уезжать, чувствуя, что вы двое в ссоре.

– Ты ни капельки не естественен, Чанг. Ты говоришь не так, как ты сам. В чем дело?

– Наверное, у меня слишком много забот. Спешка, из-за которой я так скоро уезжаю. Это напомнило мне. Я должен попроситься. У меня так много дел.

Ее лицо не изменилось, но сердце бешено забилося.

– Ты и твой отец друзья, – продолжал он, его внутреннее состояние проявлялось только в том, что он нелепо повторялся. – То, за чем я пришел, сделано. Так что я пойду, поскольку это была единственная причина, по которой я беспокоил тебя.

Она насмешливо посмотрела на него, качая головой.

– О, нет, Чанг. Ты пришел не за этим.

– Уверяю тебя, так оно и было. Это моя единственная причина.

– Ты большой, глупый Чанг! – Насмехалась она. – Ты не знаешь, что у тебя на уме. А теперь садись. Так-то лучше. А теперь, вот ты снова вскакиваешь. В чем дело?

– Мне пора идти.

– Это правда, что большие мужчины глупее?... Нет, ты пришел не за этим. Ты пришел, потому что...

– Ну, Рикс, – сердито воскликнул он, потому что ее глаза ясно предсказывали, что произойдет. – Эта шутка зашла слишком далеко ... слишком далеко ... слишком далеко.

– Что за шутка?

– О том, что ты влюблена в меня.

– Шутка это или нет, что я влюблена в тебя, но уж точно не шутка, что ты влюблен в меня.

Он сел на подлокотник кресла и иронически улыбнулся.

– В самом деле? – Сказал он.

– В самом деле, – заявила она. – Мне доказать тебе это?

Он встал.

– У меня нет времени. Очень приятно бездельничать здесь с тобой, но...

Она проигнорировала его руку, сосредоточившись на его глазах.

– Что еще ты нарисовал, кроме этой картины? – Спросила она.

Он слегка покраснел.

– Я очень медленно работаю.

Ее улыбка дала ему понять, что она полностью осознает, насколько сильно права.

– Ты приехал, чтобы остаться здесь, в Америке, – продолжала она. – И все же ты возвращаешься и никогда не вернешься, как ты заявляешь. Почему?... Ты не испытываешь страха перед отцом. Нет, не притворяйся. Страх не по твоей части, страх перед мужчинами. И ты не испытываешь страха передо мной? Ты легко можешь выгнать меня, сделать так, чтобы я не могла досаждать тебе, – он снова сел. Он внимательно слушал. – Ты уходишь, – продолжала она, – из-за страха перед собой. – Она тихо рассмеялась. – Обычная паника, Чанг! – Воскликнула она. – Ты собирался отплыть только на следующей неделе. Ты убегаешь утром, первым же пароходом.

Он сделал слабую попытку подняться, бросил это занятие и снова принялся изучать ленту на шляпе.

– Ты собирался взять мою картину с собой, – продолжала она.

– Твою картину? – Сказал он со слабой иронией.

– Нашу картину, – мягко поправилась она.

Он безнадежно взмахнул шляпой.

– Затем, – продолжала она, – ты передумал и решил оставить ее. Но ты думал, что не расстанешься с ней до самого последнего момента, до завтрашнего утра. О, Чанг! Чанг!

– Я счел более удобным отправить ее вчера вечером, – сказал он, храбро пытаясь изобразить безразличие.

– Удобным? – Засмеялась она. – Я вижу, как ты бушуешь против своей слабости, как ты это называешь. Я вижу, что ты решил быть храбрым, немедленно освободиться. Но твой план не сработал. Ибо единственным результатом отсутствия картины, с которой можно было бы попрощаться, было то, что ты должен был прийти сюда и в последний раз взглянуть на оригинал.

Он громко рассмеялся принужденным, невеселым смехом.

– Все та же старая Рикс! – Воскликнул он. – Сколько тщеславия!

– Но разве не так? – Ответила она кокетливым кивком. – Но ведь это тоже правда, не так ли?

– Мне бы не хотелось разрушать любую иллюзию, которая, кажется, приносит тебе столько счастья.

– Ты не мог бы, Чанг. Потому что, честно, я не могла бы чувствовать то, что чувствую к тебе, если бы не знала, этим глубоким, глубоким знанием сердца, что мы как одно целое.

Он решительно поднялся, в его глазах было выражение, которое взволновало и напугало ее. Время от времени она мельком видела мужчину, у которого было такое выражение лица, но только мельком, когда он работал и не замечал ее присутствия. Теперь, каким-то образом, это выражение, казалось, раскрывало этого почти неизвестного человека в Роджере, которого она любила. Однако она скрыла свою тревогу.

– Видишь, я доказала, что ты меня любишь, – сказала она. – Но, Чанг, – торжественно, – даже если ты любишь меня, и я люблю тебя, что это значит кроме ... страдания если мы не будем принадлежать друг другу?

Он снова медленно опустился на стул. Он посмотрел на нее строго и сердито.

– Это правда, – сказал он. – Я действительно люблю тебя. Для тебя это каприз, каприз, каприз своеволия. Но для меня, – он глубоко вздохнул, – я люблю тебя. Единственное оправдание тому, как ты себя вела это то, что ты слишком молода и беззаботна, чтобы знать, что ты делаешь.

Ее руки судорожно сжались на коленях. Но она постаралась скрыть от своего лица все признаки чувства, которое вызвали эти слова.

Он рассмеялся с горькой иронией.

– До такой степени ... ты добила своего, – продолжал он. – Получи от этого как можно больше удовлетворения, потому что, хотя ты и покорила мое сердце, ты не победишь мою волю. Я не твой, чтобы распоряжаться мной так, как ты считаешь нужным. Я могу перестать думать о тебе, и я это сделаю.

– Но почему, Чанг? Почему?

Вместо ответа он насмешливо улыбнулся ей.

– В глубине души ты ни на мгновение не веришь, что со мной это каприз. Тебе лучше знать, Чанг.

Искренность в ее глазах, мольба в голосе.

Но Роджер упрямо стоял на своем.

– Я знаю, что это каприз, – сказал он. – Я не схожу с ума от тщеславия, Рикс. Но даже если бы ты была серьезна, настолько серьезна, насколько ты притворяешься, возможно, как вы думаешь, все равно это ничего не изменило бы. Мы не можем быть друг для друга чем-то большим, чем просто друзьями. В любых других отношениях мы были бы хуже, чем бесполезны друг для друга. Тебе нужен мужчина твоего круга. Если бы я связался с какой-нибудь женщиной, то только с такой, как я.

– Я не понимаю, – сказала она. – Тебе не стоило бы объяснять, потому что я не могу понять. Все, что я знаю, это то, что мы любим друг друга.

– Но брак – это вопрос темперамента. Если бы у тебя было меньше воли, я мог бы заставить тебя пойти моим путем, научиться любить и вести мою жизнь. Если бы у меня было меньше воли, я мог бы приспособиться к тебе и стать удобным ничтожеством мужем при богатой женщине. Но ни один из нас не может измениться, поэтому мы расстаемся.

– Я думала об этих вещах, – сказала она тихо, ласково и неуверенно. – Я перечитывала их снова и снова, день и ночь. – То есть тебе все равно, что со мной будет, пока ты добьешься своего.

Она не ответила на его спорное настроение, но укрылась в неприступной цитадели женщины.

– Я доверяю своему инстинкту. То, что он говорит мне, лучше для нас.

– Ты этого не понимаешь, – отчаянно возразил он, – но ты рассчитываешь, что моя любовь к тебе сделает меня достаточно слабым, чтобы приспособиться к твоей жизни.

– Я рассчитываю, что наша любовь сделает нас обоих счастливыми.

– Ты хочешь выйти за меня замуж только потому, что считаешь меня необходимым для своего счастья?

– Да, Чанг. Ты необходим для моего счастья.

– А мое счастье, ты думала об этом? Ты считаешь, что твоей любви должно быть достаточно, чтобы сделать меня счастливым?

– Твоя любовь – это все, что мне нужно, – ответила она с печальной нежностью.

– Это точка зрения женщины, – воскликнул он. – Я признаю, что это более или менее и мое тоже, когда я с тобой или думал о тебе до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Но ... Рикс, – теперь он был совершенно серьезен, – хотя любовь может быть всем, что необходимо, чтобы сделать женщину счастливой, это не так с мужчиной. Для мужчины любовь к жизни то же, что соль к пище, не еда, как у женщины, а то, что придает пище вкус.

Он помолчал. Но она сидела молча, уставившись на свои руки, вяло сложенные на коленях. Он продолжал, – ты потакала своей прихоти, не придавая ей серьезного значения. А теперь я хочу, чтобы ты подумала. Помоги мне спасти нас от глупости, на которую нас толкают твое своеволие и моя слабость. Я хочу, чтобы ты спросила себя: "Какую жизнь мы с Чангом будем вести вместе? Буду ли я терпеть его преданность своей работе? Буду ли я уважать его, если

он постепенно поддастся моим искушениям и откажется от своей работы? Как бы все ни обернулось, не стану ли я его ненавидеть или презирать?

– Ты ... не любишь меня, – пробормотала она.

– Я знаю. Но я не такой эгоист, каким тебя делают твоя неопытность и легкомыслие.

Она едва слышала. Она смотрела всем своим умом и сердцем на новую перемену, впервые ясно проявившуюся в напряженной серьезности этого их первого глубоко и критически серьезного разговора. Это был тот самый человек, о котором предупреждал ее отец. Вокруг ее глаз были темные круги, как будто они были в синяках, и в них было выражение настоящей боли. Он случайно взглянул на нее. Он увидел, застонал.

– Неважно! – Воскликнул он. – Я люблю тебя. Я этого не вынесу. Я слаб, презрительно слаб, когда дело касается тебя. Мы наверняка потерпим неудачу, с треском провалимся. Но теперь мы должны идти дальше. У меня было предчувствие, я был чертовски глуп, придя сюда сегодня. Да, мы зашли слишком далеко. Мы должны идти дальше, через водопады.

Он остановился, потрясенный собственной вспышкой страсти. Она медленно покачала головой.

– Нет, мы не должны идти дальше, – сказала она.

Ее тон мгновенно успокоил его безудержную страсть; он изумленно уставился на нее.

– Ты действительно так считаешь? – Продолжала она. – Считаешь, что с твоей стороны было бы слабостью и ошибкой жениться на мне?

– Я сказал тебе правду о себе и обо мне, – был его ответ. – Ты, конечно, должна была это увидеть.

Она испустила долгий вздох, украдкой, глубокий. Но ее голос был тверд, когда она печально сказала, – тогда ... мы должны расстаться друг с другом.

– Теперь ты видишь, что хотела не меня, а только сделать по-своему.

– Я вижу, что мы не должны быть счастливы. Я не понимаю твоей точки зрения. Полагаю, у меня недостаточно опыта. Но я вижу, что ты говоришь серьезно, что это не просто твоя идея. Так что ... – С ее лица исчез последний проблеск весеннего взгляда. Ее голос упал почти до шепота, – я сдаюсь.

Он стоял с агрессивной прямоотой.

– Тогда ... все улажено.

Она кивнула, не глядя на него. Она не могла доверять себе, чтобы посмотреть.

– Я больше не буду тебя беспокоить, – сказала она.

Он увидел, что победил, добился своего. И все же никогда человек не выглядел и не чувствовал себя менее победителем. Он протянул ей руку, и она позволила себе опереться на нее.

– До свидания, Рикс, – сказал он, храбро пытаясь сохранить философское спокойствие. – Это гораздо лучше, чем видеть, как наша любовь заканчивается ссорой и скандалом, не так ли?

– Ты уезжаешь ... утром?

– Да.

Ее рука упала на колени. Он пристально посмотрел на нее, не сдерживая выражения лица, потому что ее глаза были опущены.

– До свидания, – повторил он. Он ждал ответа, но его не последовало. Своей

длинной, уверенной походкой, свободной и грациозной, он подошел к лестнице, спустился и ушел.

Роджер побеждает

"Ла Прованс" должен был отплыть через двадцать минут. Прозвучал один свисток; один из трапов отчаливал. Роджер, со сдерживаемым волнением, более эффективным, чем любые крики или размахивание кулаками, наблюдал за тем, как его багаж вывозили с корабля.

– Осталось еще кое-что спустить берег: старый кожаный сундук с медными гвоздями, – сказал он вежливому старшему стюарду. – Его нужно найти. Удвойте ваши усилия, и я удвою ваш гонорар.

Он повернулся и оказался лицом к лицу с Беатрис Ричмонд.

Краска вспыхнула на его лице; она исчезла с ее лица.

– Ты получил мою записку? – Спросила она. – И ты все равно уплываешь?

– Я не получил твоей записки, – ответил он. – Но я не собираюсь уплывать Одну минуту, пожалуйста.

Затем он обратился к старшему стюарду:

– Для меня есть еще записка?

– Парфе, месье.

И старший стюард взбежал по трапу.

Роджер и Беатрис стояли в стороне в тихом месте, затишье в бурлящей толпе путешественников и их друзей. Беатрис посмотрела на него с той прекрасной, откровенной прямоотой, которая была ее самой заметной чертой во всех отношениях с ним. Она сказала, – в своей записке я просила тебя взять меня на любых условиях или ни на каких условиях. Все, чего я хочу, – это быть рядом с тобой и любить тебя.

Она произнесла эти слова без малейшего следа эмоций ни в тоне, ни в манере, произнесла их с какой-то монотонной окончательностью, которая придавала им всю мощь простой искренности. И он ответил почти так же.

– Я не еду, – сказал он, – потому что ... потому что любить тебя и обладать тобой – это для меня жизнь. Об остальном не стоит и говорить.

– Не стоит об этом говорить, – эхом отозвалась она. – Я не знаю, будем ли мы счастливы или нет, но я знаю, что это мой единственный шанс не быть несчастной.

– Я не знаю, смогу ли я забыть тебя или нет, – было его ответное признание, – но я точно знаю, что не хочу и не буду.

На мгновение воцарилась тишина, и они вдвоем уставились на возвышающийся пароход через огромные двери в ангаре на пирсе. Затем его глаза повернулись к ней, чтобы посмотреть на нее с такой интенсивностью, что ей показалось, будто ее внезапно схватили сильные, но нежные руки и понесли на могучих крыльях вверх, вверх и все еще вверх.

– Чанг, – сказала она между смехом и рыданиями, – я, должно быть, сошла с ума вчера, отказав тебе. Нет, сегодня ты сошел с ума. То есть я снова нормальная —то, что было нормальным для меня с тех пор, как я узнала тебя. И я надеюсь, что никогда не наступит день, когда я буду в здравом уме.

– Теперь ты счастлива?

– Я в бреду.

– Как раньше, когда мы были вместе у водопада?

– Да, только в тысячу раз больше, – и они смотрели друг на друга глупо-любящими глазами, и с их губ срывались те необыкновенные звуки, которые ка-

жутся идиотскими или божественными, в зависимости от того, как настроены слушающие уши.

– Твой отец был прав, – сказал Роджер. – Любовь – это хозяин.

Она снова видела нового, более замечательного и более неотразимого Чанга.

– Я обнаружил, что все остановится, если я уйду от тебя.

Появился главный стюард с запиской и его помощники, которые собирали багаж Роджера вокруг него. Роджер разорвал записку и прочел одно короткое предложение о безоговорочной капитуляции. Затем он отпустил мужчин с такими удивительными для них гонорарами, что они поблагодарили его со слезами на глазах.

– Но ты действительно должен быть осторожен, – предупредила Беатрис. – Ты же знаешь, что у нас нет денег, чтобы выбрасывать их на ветер.

Роджер бросил на нее взгляд, который ослепил ее.

– Я вижу, ты понимаешь, – сказал он. – Что ж, мы можем быть счастливы, несмотря на все ... все трудности.

Она рассмеялась.

– Я не думаю, дорогой, – сказала она, – что ты так слаб, как боишься, а я так глупа... Может быть, ты хочешь, чтобы я продолжала заниматься пошивом одежды?

Он нахмурился с притворной суровостью.

– Я не хочу больше об этом слышать.

– Значит, ты никогда этого не сделаешь, – ответила она с притворным смирением. – Ты хочешь кроткого раба, и он у тебя будет. – Ее губы двигались без единого звука.

– Что ты там говоришь? – Потребовал он.

– То, что Руфь сказала Наоми.

Она смотрела на него восторженными, недоверчивыми глазами.

– Я действительно тебя поймала? – Спросила она.

Он посмотрел на нее с веселой улыбкой. Он медленно угас, и его взгляд стал серьезным.

– Это будет зависеть ... от тебя, – сказал он.

Она увидела, что в его словах было нечто большее, чем поверхностный смысл; затем она увидела их более глубокий смысл, увидела так ясно, как неопытная девушка может видеть скрытую реальность мужчины, которого она стремилась завоевать, которого она должна была стремиться сохранить. И прекрасен был свет в ее глазах, когда она прошептала, – любовь научит меня!

Он наполовину отвернулся, чтобы скрыть волну эмоций, которая почти лишила его сознания. Когда он заговорил, то сказал странным, хриплым голосом:

– Позвольте мне поговорить с курьером об этом багаже, а потом мы пойдем куда—нибудь пообедать.

– Пойдем ... поедем ... – Она остановилась, в глазах плясали огоньки.

– Такси?

Она покраснела и рассмеялась.

– Разве не пора? – Сказала она, и глаза ее были полны этой очаровательной дерзости. – Как хорошо мы понимаем друг друга! Как мы близки друг другу!

– Чудесно, правда? – Воскликнул он. – Я надеюсь, что были и другие случаи, подобные нашему, – их было много. Но я в этом сомневаюсь.

Она подождала, пока он договорился о возвращении багажа в Дир-Спринг. Когда он присоединился к ней или, скорее, уделил ей все свое внимание, потому что он не позволил ей отойти от него даже на три фута, она сказала, – теперь я должна позвонить отцу.

– О, зачем торопиться с этим?

– Я должна сказать ему, чтобы он не брал билет на следующую среду, – объяснила она.

И они оба расхохотались.